U 299/72

2113-1-14

ДВУХСОТЪ-ЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ РОЖДЕНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1672—1872.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ

О

ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1672—1725 г.

Съ приложеніемъ фотографическаго снимка съ портрета Петра I и корректурныхъ оттисковъ гражданской азбуки и указа прав. сенату, съ поправками, сдѣланными рукою императора.

СОСТАВЛЕНЪ РЕДАКЦІЕЙ ЖУРНАЛА

„Русская Старина“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ НАБОРЩИКОВЪ.

1872.

Петръ Великій.

224/58 Д 72 203-1-14

ДВУХСОТЪ-ЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ РОЖДЕНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1672—1872.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ

О

ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1672—1725 г.

Съ приложеніемъ фотографическаго снимка съ портрета Петра I.

СОСТАВЛЕНЪ РЕДАКЦІЕЙ ЖУРНАЛА

„Русская Старина“.

Вып 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Вспомогательной Кассы наборщиковъ.

1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 іюля 1872 г.

62346-44

2007099183

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, № 5.

Наборщики многочисленныхъ С.-Петербургскихъ Типографій до послѣднихъ годовъ не составляли одного, сколько нибудь организованнаго общества. Между тѣмъ учрежденіе его, въ видахъ взаимной помощи, было тѣмъ болѣе необходимо, что положеніе тружениковъ въ этихъ типографіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма плохое. Ограниченность заработка, неисправность его выдачи въ нѣкоторыхъ типографіяхъ, при чрезвычайно усиливающейся дороговизнѣ жизни, дѣлаютъ положеніе наборщиковъ просто безвыходнымъ.

Въ виду этого, одинъ изъ достойнѣйшихъ, по своей честности и благородству, представителей С.-Петербургскихъ наборщиковъ, Ѳедоръ Никифоровичъ Муратовъ, 21 мая 1872 г. похищенный у насъ смертью,— еще въ 1866 г. организовалъ съ помощью нѣкоторыхъ лицъ изъ среды тѣхъ же наборщиковъ «Вспомогательную кассу». Съ того же времени она воспріяла свое дѣйствіе, принимая членскіе взносы и выдавая пособія. Составленный въ 1866 г., передѣланный и дополненный въ 1870 году, «Уставъ Вспомогательной Кассы наборщиковъ въ С.-Петербургѣ» утвержденъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Касса, по ея уставу, имѣетъ цѣлью: 1) оказывать денежное и врачебное пособіе членамъ ея во время болѣзни; 2) доставлять членамъ занятія; 3) производить единовременныя вспомоществованія тѣмъ изъ членовъ, которые поступаютъ въ военную службу, по рекрутской очереди; 4) семействамъ умершихъ членовъ выдавать пособія на похороны; 5) выдавать пенсіи тѣмъ членамъ, которые по старости лѣтъ, вслѣдствіе неизлечимой болѣзни, или какого либо увѣчья, не въ состояніи будутъ пріобрѣсти себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ; 6) заботиться о пристроеніи сиротъ, остающихся послѣ умершихъ членовъ и выдавать пособія семействамъ ихъ на воспитаніе сиротъ; и 7) выдавать заимообразно деньги наиболѣе нуждающимся членамъ.

Средства кассы составляются: изъ капиталовъ, отчисленныхъ въ 1870 году: а) запаснаго—3000 р.; пенсіоннаго—1300 р.; суд-

наго—1000 р. и оборотнаго—200 р.; б) изъ процентовъ отъ сихъ капиталовъ; в) изъ суммъ, поступающихъ отъ разныхъ лицъ въ видѣ единовременныхъ взносовъ; г) ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ, и д) изъ процентовъ, взимаемыхъ обществомъ за выдаваемыя членамъ ссуды.

О дѣятельности кассы публикуется въ ея отчетахъ; таковые отчеты напечатаны въ 1867—1871 гг.

Такъ какъ русское общество очень еще мало знаетъ о дѣятельности одного изъ благодѣтельныхъ учрежденій, то мы считаемъ совершенно умѣстнымъ привести здѣсь, въ предисловіи къ первому изданію нашего товарищества наборщиковъ, хотя окончательные выводы шестилѣтней дѣятельности «Вспомогательной кассы наборщиковъ».

Въ число членовъ, продолжающихъ платить въ кассу, поступили *):

Въ 1866	году	. . . . .	59
» 1867	»	. . . . .	17
» 1868	»	. . . . .	82
» 1869	»	. . . . .	51
» 1870	»	. . . . .	17
» 1871	»	. . . . .	36
» 1872	»	по 1 іюля	50
		Всего.	312 **)

Съ 1-го января 1866 г. по 1-е іюля 1872 года были слѣдующіе обороты суммъ:

Годы.	Приходъ.	Расходъ.	Остатокъ.
1866	1825 р. 75 к.	396 р. 51 к.	1429 р. 24 к.
1867	1546 » 50 »	631 » 70 »	914 » 80 »
1868	2951 » 10 »	1328 » 25 »	1622 » 85 »
1869	3546 » 24 »	2416 » 30 »	1129 » 94 »
1870	3312 » 01 »	1780 » 20 »	1531 » 81 »
1871	3722 » 68 »	2124 » 90 »	1597 » 78 »
1872 по 1-е іюля.	1682 » 58 »	1588 » 21 »	94 » 37 »

*) Членами кассы, по уставу, могутъ быть: а) всѣ наборщики и наборщицы; б) управляющіе типографіями, факторы и корректоры; в) хозяева типографій, словолитенъ и литографій; г) мастера при скоропечатныхъ машинахъ, печатники, граверы при словолитняхъ, пунсонщики и мастера—словолитцы.

**) Изъ этого числа выбыло въ разное время 42 челов., на лицо по 1-е іюля 1872 г. числится 270 человѣкъ.

Всего въ $6\frac{1}{2}$ л. ($\frac{\text{1 января 1866 г.}}{\text{1 іюля 1872 г.}}$) прихода *18,586 р. 86 коп.*, изъ коихъ израсходовано: на пособія — больнымъ членамъ, поступающимъ въ рекруты, вдовамъ на сиротъ, на похороны семействамъ умершихъ членовъ и проч., а также на наемъ доктора, письмоводителя, на Общія Собранія, канцелярскіе матеріалы, на печатаніе годовыхъ отчетовъ и плата въ лечебницы за посѣщеніе ихъ членами всего *10,266 руб. 7 коп.*, за тѣмъ на лицо состоитъ въ разныхъ бумагахъ и наличными къ 1-му іюля 1872 г. — *8,320 руб. 79 коп.*

При такомъ положеніи средствъ кассы, если не значительныхъ, то дающихъ, по крайней мѣрѣ, основаніе надѣяться на развитіе ея благодѣтельныхъ дѣйствій въ будущемъ, нельзя съ признательностью не помянуть того факта, что это учрежденіе начинаетъ вызывать къ себѣ участіе со стороны общества. Независимо отъ матеріальныхъ пособій, оказанныхъ кассѣ многими редакторами и издателями журналовъ въ С.-Петербургѣ, въ пользу увеличенія средствъ кассы, А. Д. Ивановскій въ теченіе истекшаго полугодія прочелъ рядъ лекцій о Петрѣ I. Эти чтенія, за всѣми расходами, принесли чистой прибыли *237 р. 45 к.*, которые и обращены въ общій фондъ кассы наборщиковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ наступившая двухсотлѣтняя годовщина дня рожденія великаго Преобразователя Россіи — дала мысль приступить къ изданію особаго сборника, посвященнаго его памяти.

Покойный Ѳедоръ Никифоровичъ Муратовъ, нашъ незабвенный кассиръ и учредитель кассы, дѣятельно принялся за осуществленіе этой мысли; нѣкоторыя типографіи изъявили готовность набрать и напечатать предположенный сборникъ по самой умѣренной цѣнѣ. «Невская писчебумажная фабрика братьевъ Варгунинныхъ» пожертвовала 500 руб. на бумагу для этого изданія; содержатель словолитни О. И. Леманъ пожертвовалъ до 20 пудовъ шрифта; инженеръ-технологъ И. И. Бегровъ безмездно уступилъ краску на печатаніе книги, на сумму 40 руб. Наконецъ уполномоченные общества наборщиковъ обратились къ редактору и издателю «Русской Старины» М. И. Семевскому съ просьбою взять на себя редакцію сборника и М. И. Семевскій былъ столь обязателенъ, что принялъ на себя этотъ трудъ безмездно.

Нынѣ напечатанная книга составляетъ первый выпускъ сборника: «Достопамятныхъ сказаній о Петрѣ Великомъ», имѣющаго быть изданнымъ иждивеніемъ наборщиковъ.

Настоящій выпускъ — набранъ и напечатанъ въ типографіи Товарищества «Общественная Польза», за умѣренную плату, шрифтомъ, пожертвованнымъ О. И. Леманомъ. Къ этому выпуску прилагаются три фотографическіе снимка: съ портрета Петра Великаго, корректуры, держанной имъ же и гражданской азбуки его-же руки; послѣдніе два оригинала сообщены Н. И. Григоровичемъ; снимки сдѣланы въ фотографіи К. А. Брюстъ-Лисицына.

Весь доходъ, имѣющій очиститься отъ продажи книги, за покрытіемъ расходовъ, предположенъ на увеличеніе фонда «Вспомогательной Кассы» — собственно на пособія вдовамъ наборщиковъ и на воспитаніе ихъ сиротъ.

Члены Правленія Кассы, какъ уполномоченные отъ всего Общества наборщиковъ, долгомъ считаютъ засвидѣтельствовать глубочайшую признательность: М. И. Семевскому, бр. Варгунинымъ, О. И. Леману, И. И. Бегрову, и Типографіи Товарищества «Общественная Польза» за ихъ труды и пожертвованіи по изданію настоящаго Сборника.

Члены уполномоченные Общества: *В. Вишняковъ, Н. Лебедевъ, С. Елизаровъ, В. Акентьевъ, В. Васильевъ, А. Лебедевъ, К. Генкенъ, А. Коуртиненъ, А. Неупокоевъ, Е. Чижовъ, П. Шмидтъ, Д. Никитинъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Устные разсказы и анекдоты о Петрѣ Великомъ и его времени, частью записанные его современниками, частью со словъ ихъ — людьми слѣдующаго за ними поколѣнія, наконецъ по преданіямъ въ позднѣйшее время,— составляютъ матеріалъ чрезвычайно важный для исторіи Россіи въ эпоху ея преобразованія.

Если въ этихъ разсказахъ нѣкоторыя подробности не всегда вѣрны, если въ нихъ встрѣчаются иногда ошибки, какъ напр., въ указаніяхъ времени или дѣйствующихъ лицъ,— то въ основѣ разсказа почти всегда лежитъ дѣйствительно совершившееся событіе. Затѣмъ въ преданіяхъ и анекдотахъ о Петрѣ Великомъ, обыкновенно какъ нельзя лучше, обрисовывается величавая, своеобразная личность мощнаго преобразователя Россіи и въ яркихъ, выпуклыхъ чертахъ выдвигаются образы его сподвижниковъ, этихъ «птенцовъ Петровыхъ».

Штелинъ, Нартовъ и Голиковъ—наиболѣе другихъ усердные собиратели «достопамятныхъ сказаній и анекдотовъ» о Петрѣ Великомъ. Труды перваго и послѣдняго выдержали нѣсколько изданій и послужили матеріаломъ для многихъ статей, брошюръ и даже книгъ о первомъ русскомъ императорѣ. Сами по себѣ труды Штелина и Голикова, несмотря на крайне тяжелый слогъ, на неумѣлость расположенія анекдотовъ, на введеніе въ число ихъ завѣдомо недостовѣрныхъ сказаній,—составляли до послѣдняго времени одно изъ любимыхъ чтеній русскаго грамотнаго люда, благоговѣющаго предъ памятью Петра.

Достойно замѣчанія, что даже позднѣйшіе историки царствованія Петра I-го, каковы: Н. Полевой, Устряловъ, Щебальскій, Пекарскій и Соловьевъ не оставляли безъ вниманія собраній Штелина и Голикова и пользовались ими въ числѣ другихъ источниковъ.

Въ виду всего этого—собрать анекдоты Штелина и Голикова въ новое, обстоятельное изданіе, расположить ихъ по отдѣламъ соотвѣтственно внутреннему ихъ содержанію, осторожно очистить, хотя мѣстами, устарѣлый слогъ, откинуть фразистыя разглагольствованія собирателей— представляется дѣломъ, для нашей исторической литературы, далеко не безполезнымъ.

Для настоящаго собранія мы не ограничились всѣми изданіями трудовъ Штелина и Голикова; мы ввели въ него анекдоты, собранные Нартовымъ и Ригельманомъ и извлекли тѣ характерные разсказы о Петрѣ и его вре-

мени, какіе нашли для сего пригодными въ многочисленныхъ твореніяхъ современниковъ Петра, таковы: Записки Желябужскаго, Гордона, Корба, Перри, Гизена, Неплюева, Вебера, Берхгольца, Нащокина и многихъ другихъ.

Труды новѣйшихъ писателей о Петрѣ также тщательно пересмотрѣны и изъ нихъ извлечено нами довольно много любопытныхъ разсказовъ.

При расположеніи всего этого обширнаго матеріала, мы не могли принять порядокъ хронологическій, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, въ разсказѣ не опредѣляется годъ, къ которому онъ относится. Болѣе удобный порядокъ признанъ нами въ группировкѣ разсказовъ соотвѣтственно ихъ содержанію, причемъ каждый разрядъ, не отдѣляясь внѣшнимъ образомъ отъ другого, вмѣщаетъ разсказы расположенные уже, хотя приблизительно, по времени.

Такимъ образомъ группы нашего собранія слѣдующія:

Дѣтство, юность, первые годы царствованія Петра.—Стрѣлецкіе бунты, заговоры, покушенія на жизнь Петра.—Путешествія и послѣдствія ихъ: промышленность, фабрики, заводы, науки, книгопечатаніе, типографіи, живопись и проч. —Духовенство.—Войны и походы; отношенія къ войску и жителямъ завоеванныхъ провинцій.—Основаніе и устройство Петербурга; попеченіе о первыхъ поселенцахъ.—Дѣятельность, судъ, характеръ, мысли и изрѣченія Петра.—Птенцы, сподвижники Петра.

Что касается до слога разказчиковъ, то хотя языкъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и устарѣлъ для нынѣшняго времени, но заботясь болѣе о сохраненіи фактовъ, мы исправили изложеніе весьма не много, при чемъ однако почти вездѣ отбросили длинныя разсужденія Штелина и въ особенности Голикова.

Большая часть заглавій изложена нами кратче подлинниковъ, наконецъ разсказы очевидно недостовѣрные совершенно опущены.

Достопамятныя сказанія о Петрѣ I-мъ въ изданіи С.-Петербургскихъ наборщиковъ выйдутъ въ нѣсколькихъ выпускахъ, не менѣе трехъ.

Сквозь всѣ разсказы проведена общая пумерація, а за тѣмъ въ концѣ собранія, въ послѣднемъ выпускѣ, будутъ приложены:

1) Полное, систематическое оглавленіе разсказовъ. 2) Указатель личныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ разсказахъ. 3) Перечень источникамъ нашего собранія. 4) Подробный хронологическій указатель происшествій со дня рожденія Петра Великаго до дня его кончины (1672—1725).

Въ заключеніе мы считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ поблагодарить *И. О. Семенова* за содѣйствіе, оказанное имъ въ редакціи настоящаго Сборника.

Михаилъ Семевскій.

Сельцо Федорцево.
1872 г.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ

О

ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1672 — 1725 г.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ВЫПУСКА.

		стран.
1.	Бракосочетаніе царя Алексѣя Михаиловича съ Наталіею Кирилловною Нарышкиною	1
2.	Воспитаніе и юность Петра	5
3.	Дѣдушка Русскаго флота	8
4.	Самообученіе Петра	9
5.	Отвращеніе Петра Великаго отъ воды въ дѣтствѣ	10
6.	Неустрашимость Петра въ морѣ	12
7.	Кликуши	15
8.	Нѣжность сыновняя и великодушіе государя	19
9.	Украденный кубокъ	20
10.	Петръ вытягиваетъ нѣсколько полосъ желѣза	22
11.	Бороды и нѣмецкое платье	23
12.	Государь, опасно заболѣвъ, не прощаетъ ни одного убійцы	25
13.	Уваженіе Петра къ врачамъ	26
14.	Грубость воронежскихъ гражданъ	28
15.	Московскій стрянчій	29
16.	Удивительная память Петра Великаго	31
17.	Судъ Божій	33
18.	Петръ награждаетъ самоотверженіе и въ самомъ бунтовщикѣ	35
19.	Присутствіе духа Петра	37
20.	Государь лично арестуетъ заговорщиковъ	38
21.	Заговоръ Цыклера и Соковнина	40
22.	Покушеніе деньщика на жизнь государя	43
23.	Раскольникъ	45
24.	Еврей	46
25.	Отвѣтъ Петра графу Вальдекскому	48
26.	Гринвичскій госпиталь	48
27.	Іезуиты	49

	стран.
28. Причины расположенія государя къ иностранцамъ	50
29. Посылка дворянъ и городскихъ обывателей въ чужіе края	51
30. Мнѣніе бояръ о посылкѣ дѣтей заграницу	53
31. Счетъ Голландскаго трактирщика	54
32. Плотникъ Петръ Михайловъ	55
33. Петръ въ Парижѣ	57
34. Причины поѣздки Петра во Францію	61
35. Госпожа Ментенонъ	62
36. Посѣщеніе Инвалиднаго дома въ Парижѣ	63
37. Монументъ маршалу Тюреню	69
38. Русская баня въ Парижѣ	69
39. Русскій кулакъ и англійскій лобъ	70
40. Великанъ Николай	72
41. Гробница Лютера	72
42. Физическая сила Петра	74
43. Польша во время Петра	75
44. Посѣщеніе короля прусскаго Фридриха I	76
45. Фабриканты	78
46. Шаблыкинъ	81
47. Примѣненіе Петромъ басенъ Езопа	83
48. О переводѣ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ	84
49. Монахъ-переводчикъ	86
50. Печатаніе библіи	87
51. Земледѣліе	89
52. Введеніе живописи и гравированія въ Россіи	90
53. Первая картинная галлерея въ Россіи	92
54. Изображеніе Петра на монетахъ и медаляхъ	94
55. Русскіе живописцы	94
56. Кунсткамера	96
57. Предсказаніе Петра о Черномъ морѣ	98
58. Челобитная посадскаго на Петра	99
59. Челобитная дворянина на Петра	101
60. Совѣтъ пьянаго пушечнаго мастера	103
61. Военныя неудачи	104
62. Военная хитрость	105
63. Взятіе Нарвы	105
64. Плѣнный шведскій офицеръ	106
65. Лагерь при Прутѣ	107

стран.

66. Иголкинъ 109
67. Иголкинъ прощаетъ государя 111
68. Государь повѣряетъ часовыхъ 113
69. Полтавская битва 115
70. Слово и дѣло 118
71. Самоотверженіе Петра 120
72. Празднованіе мира съ Швеціею 121
73. Петръ въ сухопутной и морской военной службѣ 124
74. Солдатскій паекъ 130
75. Просьба Петра 131
76. Обыкновенный мундиръ Петра 132
77. Иностранные кораблестроители 133
78. Ходатайство дочери о пенсіи отцу 134
79. Слуга и господинъ 136
80. Уваженіе къ храбрымъ 137
81. Порядокъ производства въ чины 138
82. Матушкинъ сынокъ 140
83. Солдатъ уличаетъ государя въ неправосудіи 141
84. Обида графинѣ Шереметевой 143
85. Новобранецъ на часахъ 144
86. Часовой не пропускаетъ государя 145
87. Жалоба солдата 146
88. Солдаты Петра Великаго 147
89. Солдатская каша 150
90. Просьба объ отпускѣ 151
91. Злостная шутка 152
92. Учрежденіе Музыкантскихъ хоровъ при войскахъ 154
93. Государь обвиняется рижскимъ судомъ 155
94. Народныя гульбища 157
95. О законахъ въ завоеванномъ краѣ 158
96. О древностяхъ въ Россійскомъ государствѣ 159
97. Скорая расправа 160
98. Основаніе С.-Петербурга 162
99. Ошибка въ расположеніи Васильевскаго острова 166
100. Заложеніе госпиталей 169
101. О дворцахъ, современныхъ Петру Великому 170
102. Лѣтній садъ 188
103. Дубовый лѣсъ 189

стран.

104. Постройки въ Петербургѣ 191
105. Основаніе Царскаго Села 192
106. Больной мѣщанинъ 194
107. Ложный предвѣщатель 195
108. Первый голландскій корабль въ Петербургѣ 196
109. Блины 198
110. Русское гостепріимство 200
111. Фельтенъ 200
112. Голландское привѣтствіе 201
113. Столкновеніе голландскаго корабля съ русскимъ фрегатомъ 202
114. Голландскій браковщикъ 203
115. Пріемъ датскаго посла на кораблѣ 204
116. Спускъ корабля 204

1.

Бракосочетаніе царя Алексѣя Михаиловича съ Наталіею Кирилловною Нарышкиною.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ канцлеромъ чужестранныхъ дѣлъ бояринъ Артемонъ Матвѣевъ, дѣдъ первой статсъ-дамы (съ 1775 года оберъ-гофмейстерины императрицы Екатерины II), Марьи Андреевны Румянцевой, матери фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. Сего министра удостоивалъ онъ особливой довѣренности. Лишившись первой своей супруги, княгини Милославской, его царское величество часто, противу древняго обычая прежнихъ царей, которые частныхъ людей не посѣщали, хаживалъ къ Матвѣеву, гдѣ иногда и ужиналъ.

Однажды царь пришелъ туда нечаянно вечеромъ и, увидѣвъ столъ, порядочно накрытый для ужина, сказалъ Матвѣеву:

— «Столъ вашъ такъ прекрасно и порядочно пріуготовленъ, что возбуждаетъ во мнѣ охоту вмѣстѣ съ вами отужинать. Добро, я останусь у тебя кушать, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобъ я никого не потревожилъ, и чтобъ никто не ушелъ отъ стола изъ тѣхъ, кто обыкновенно за онымъ бываетъ.»

— Благоугодность и повелѣніе вашего величества, отвѣчалъ Матвѣевъ, пріемлю я за честь и милость своему дому.

Между тѣмъ все было приготовлено, кушанье принесено, и царь сѣлъ за столъ; тотчасъ вошла хозяйка съ своимъ сыномъ, который только и былъ у нихъ одинъ, и съ одною дѣвицею. Они царю поклонились весьма низко и, по его повелѣнію, должны были сѣсть за столъ по своимъ мѣстамъ. Во время ужина царь, поглядывая на всѣхъ, особливо разсматривалъ дѣвицу, противу его сидѣвшую;

ему казалось, что онъ никогда не видывалъ ее между дѣтьми въ домѣ Матвѣева, и потому его величество сказалъ Матвѣеву:

—«Я всегда думалъ, что ты имѣешь одного только сына, но теперь вижу въ первой разъ, что есть у тебя и дочь. Какъ это случилось, что я никогда ее у тебя не примѣтилъ?»

— Ваше величество справедливо изволили думать: я и дѣйствительно имѣю одного только сына, но эта дѣвица есть дочь моего пріятеля и родственника, живущаго въ своихъ деревняхъ, Кириллы Нарышкина. Жена моя взяла ее къ себѣ, дабы въ городѣ воспитать, и, если Богъ благословитъ, современемъ отдать и въ замужество.

Царь, ничего болѣе не отвѣтствуя, похвалялъ и доброе, и благородное дѣло. Однакожъ послѣ стола, когда фамилія Матвѣева встала и вышла изъ столовой, а онъ, напротивъ того, съ хозяиномъ оставшись еще тамъ, началъ опять говорить о дѣвицѣ Натальѣ Кирилловнѣ.

— «Дѣвушка весьма пригожа; кажется имѣетъ доброе сердце и не слишкомъ молода для вступленія въ супружество; ты долженъ пещися, чтобъ она получила добраго жениха.»

— Такъ, отвѣтствовалъ Матьвѣевъ, ваше величество совершенно справедливо судить изволите. Она имѣетъ много разума, при великомъ цѣломудріи, и доброе сердце. Жена моя и весь домъ отмѣнно ее любятъ, и не меньше какъ родную мою дочь. Чтоже касается до жениха,—для нея не легко его найти. Хотя она и исполнена хорошихъ качествъ, но мало или и совсѣмъ не имѣетъ богатства и помѣстья; и хотя я за долгъ себѣ поставилъ ее выдать, однакоже приданое, по моему малому имѣнію, также не можетъ быть велико.

Царь отвѣтствовалъ, что она должна получить такого жениха, который былъ бы столько богатъ, чтобъ не имѣлъ нужды требовать отъ нея приданаго, но почиталъ бы за него добрыя ея качества, и сдѣлалъ бы ее счастливою.

— Сего-то я и желаю, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, но гдѣ найти такихъ жениховъ, которые болѣе смотрѣли бы на душевныя качества невѣсты, нежели на богатое приданое?

— «Иногда и противное сему случается, сказалъ царь, думай

ты только о семъ; при случаѣ я и самъ вмѣстѣ съ тобою постараюсь. Дѣвушка заслуживаетъ, чтобъ сдѣлать ея счастіе».

Матвѣевъ благодарилъ его величество за столь милостивое благоволеніе. На семъ дѣло и осталось. Царь, пожелавъ ему доброй ночи, ушелъ отъ него. Спустя нѣсколько дней, опять пришелъ къ Матвѣеву, говорилъ съ нимъ часа два о дѣлахъ государственныхъ, и былъ уже въ намѣреніи отъ него идти, но, сѣвъ снова, сказалъ Матвѣеву:

— «Теперь скажи мнѣ, не забылъ ли ты, со времени послѣдняго нашего разговора, думать о пріисканіи достойнаго жениха Натальѣ Кирилловнѣ?»

— Нѣтъ, всемилостивѣйшій государь, отвѣтствовалъ Матвѣевъ. Я всегда объ этомъ думаю, еслибъ только представился случай такъ скоро, какъ я желаю. Доселѣ еще не нашелъ я для нея достойнаго жениха, и сомнѣваюсь, чтобъ это могло такъ скоро сдѣлаться, ибо хотя многіе изъ нашихъ молодыхъ дворянъ ко мнѣ ходятъ, и часто посматриваютъ на мою пригожую питомицу, однакожъ никто не показываетъ виду взять ее за себя.

— «Изрядно, сказалъ царь, можетъ быть это и не нужно будетъ; я обѣщалъ тебѣ самъ принять на себя трудъ пещися о добромъ женихѣ; мнѣ посчастливилось одного найти, которымъ она, чаятельно, совершенно будетъ довольна и счастлива. Я его знаю; онъ весьма доброй и честной человѣкъ, имѣетъ заслуги, и столь богатъ, что не будетъ спрашивать у нея имѣнія и приданаго; онъ ее любитъ, хочетъ вступить съ нею въ супружество и сдѣлать ее счастливою. И она его знаетъ, хотя онъ и не далъ еще доселѣ примѣтить, что имѣетъ склонность сочетаться съ нею бракомъ. Я также думаю, что она не откажетъ ему, если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе.»

Матвѣевъ, прервавъ царскую рѣчь, сказалъ:

— Сего-то бы я и желалъ, какъ теперь только вымолвилъ вашему величеству: я бы избавился отъ попеченія, которое, въ разсужденіи сей бѣдной дѣвицы, всегда лежитъ на моемъ сердцѣ; смѣю ли просить ваше величество наименовать мнѣ сего человѣка, можетъ быть и я также его знаю, и могу что-нибудь донести вамъ о его состояніи.

На сіе отвѣтствовалъ царь:

— «Я тебѣ сказалъ, что его знаю, что онъ доброй и честной человѣкъ, и въ состояніи жену свою сдѣлать счастливою, ты, безъ сомнѣнія, можешь мнѣ повѣрить; больше ничего не могу я тебѣ о немъ сказать, покамѣсть мы не узнаемъ, согласна ли будетъ выдти за него Наталія Кирилловна.»

—Въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ Матвѣевъ, если она услышитъ, что ваше величество предлагаете его въ женихи. Однако же она все захочетъ знать кто онъ таковъ, если должна объявить свое согласіе; и это мнѣ кажется весьма справедливо.

— «Ну, такъ хорошо, сказалъ царь; знай и скажи ей, что я, я тотъ самый, который вознамѣрился взять ее за себя.»

Симъ толь нечаяннымъ объясненіемъ царя приведенъ будучи въ великое удивленіе, палъ Матвѣевъ къ его погамъ, говоря:

— Бога ради, ваше величество, удержитесь отъ сего намѣренія, или по крайней мѣрѣ не чрезъ меня сдѣлайте это предложеніе. Вы знаете, всемилостивѣйшій государь, что я уже между вельможами двора вашего и между знатнѣйшими фамиліями многихъ имѣю непріятелей, которые и безъ того уже завистливымъ окомъ взираютъ на особливую милость и довѣренность, которою меня ваше величество удостоивать изволите. Какое родится въ нихъ чувствованіе, если они увидятъ, что ваше величество, обошедъ всѣ знатныя фамиліи, сочетаетесь съ бѣдною дѣвицею изъ моего дома. Тогда-то уже зависть и ненависть всѣхъ устремится на меня и каждой подумаетъ, что я, употребляя во зло ваши милости, сосваталъ за васъ свою родственницу и воспитанницу, дабы всѣхъ ихъ превзойти вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ, и фамилію свою ввести въ родство царскаго дома.

— «Все это ничего не значитъ, продолжалъ царь; это уже мое попеченіе, чтобъ ты не имѣлъ никакой опасности. Намѣреніе мое рѣшено, и быть тому такъ.»

— Да будетъ воля ваша, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, да благословитъ Богъ намѣреніе вашего величества. Если же быть сему такъ, то единыя прошу я милости для себя и для Натальи Кирилловны, чтобъ ваше величество изволили поступить при семъ дѣлѣ по обычаю нашего отечества, и, по крайней мѣрѣ для виду, со-

брать ко двору нѣсколько дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ фамилій и между ними Наталію Кирилловну, дабы изъ нихъ выбрать вамъ невѣсту; а между тѣмъ ни одинъ человѣкъ о семъ не долженъ знать, кромѣ вашего величества и меня; даже и сама Наталія Кирилловна отнюдь ничего бы не знала о намѣреніи и предпріятіи вашемъ.

Царь, принявъ сіе предложеніе съ удовольствіемъ, обѣщалъ Матвѣеву оное исполнить, а притомъ ни одному человѣку болѣе не открываться. Чрезъ нѣсколько недѣль объявилъ онъ свое намѣреніе о вторичномъ вступленіи въ бракъ знатнѣйшему духовенству и министрамъ, въ тайномъ совѣтѣ, и повелѣлъ стараться о пріуготовленіи, чтобъ въ назначенной день всѣ взрослыя дѣвицы знатнѣйшаго дворянства собрались, дабы его величество могъ ихъ смотрѣть и выбрать себѣ невѣсту.

Сіе учинено сентября... дня 1670 года, въ Кремлѣ, въ Москвѣ, гдѣ находилось 60 благородныхъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна была лучше другой; между ними находилась и Наталія Кирилловна Нарышкина, и были всѣ великолѣпно угощены; царь весьма милостиво съ ними обошелся, а послѣдняя объявлена царевою невѣстою *).

Отъ графини Марьи Андреевны Румянцевой, внука упоминаемаго здѣсь сонрина Артамона Матвѣева.

2.

Воспитаніе и юность Петра.

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, Ѳеодора Алексѣевича, подвергся преслѣдованію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуютъ раннему развитію. Передъ глазами маленькаго Петра по-

*) Бракосочетаніе совершено 22 января 1671 года; но выборъ невѣсты былъ производимъ съ 28 ноября 1670 г. по 17-е апрѣля 1671 г., изъ 62 дѣвицъ; въ современномъ спискѣ «Кириллова дочь Нарышкина Наталья» значится тридцать шестою и представлена была на смотръ царю 1 февраля 1671 г. (См. V т. Извѣст. Имп. Археол. общества). *Ред.*

стояпно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева *).

Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ. Уже трехлѣтнимъ младенцемъ Петръ обнаруживалъ ту пылкую живость, которая впослѣдствіи была отличительною чертою его характера: однажды, когда въ селѣ Коломенскомъ царица (Наталья Кирилловна) тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ сосѣдняго покоя, нетерпѣливый Петръ настежъ распахнулъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть Московскую государыню **).

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ (27-го апрѣля 1682 г.). Петра выбираютъ въ цари, но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До-сихъ-поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ ***), отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчные толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка, которому уже «начинаетъ быть грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра, послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и

*) Матвѣевъ сосланъ былъ Оедоромъ Алексѣевичемъ въ 1676 г., въ Пустозерскій острогъ. По возвращеніи его, въ маѣ 1682 г., онъ былъ убитъ въ томъ же году стрѣльцами, въ первомъ бунтѣ. *Ред.*

**) Этотъ случай разсказываетъ очевидецъ, секретарь цесарскаго посольства, Адольфъ Лизекъ, бывшій въ Москвѣ въ 1675 году. Ист. Устрялова. *Ред.*

***) Тогда же были убиты братья и родственники царицы: Аѳанасій Кирилловичъ, Иванъ Кирилловичъ, Иванъ Ѳомичъ и Василій Филимоновичъ Нарышкины. Отецъ ея, Кирилла Полуэктовичъ, удаленъ отъ двора, а младшіе братья—Левъ, Мартемьянъ и Ѳеодоръ—успѣли скрыться въ первый день бунта, въ одеждѣ слугъ. *Ред.*

выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—«ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться», какъ говорила старинная пѣсня. Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ-кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые потѣшные конюхи (1682 г.)—будущіе образцовые полки.

Отрокомъ Петръ «въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на щекахъ игралъ румянецъ, какъ у красной дѣвицы; большіе черные очи сверкали огнемъ; темнорусыя природныя кудри украшали чело; во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась смѣлая живость».

Такъ описываетъ Петра извѣстный путешественникъ Кемпферъ, видѣвшій его на другой годъ по воцареніи, слѣдовательно на 11-мъ году возраста, и думалъ, что ему не менѣе 16-ти лѣтъ.

Петра не учили какъ должно, по его собственному признанію; но онъ многое зналъ; какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію въ посольствѣ, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль—украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ. «Купи мнѣ инструментъ во Франціи». Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу *), не знаетъ-ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго человѣка, и дѣйствительно приводитъ голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи». — «И тако», говоритъ Петръ, «сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами».

---

*) Захаръ фонъ-деръ-Гулстъ.

3.

Дѣдушка Русскаго флота.

Нашелся знающій человѣкъ и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета разспросы: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, а безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ-ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дѣда царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное! запросъ Тиммерману: что это за судно?—Ботъ Англійскій.— Гдѣ его употребляютъ? —При корабляхъ, для ѣзды и возки.— Чѣмъ лучше нашихъ?—Ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру.— Противъ вѣтру! быть не можетъ! надобно посмотрѣть: есть-ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ? —Есть. Сейчасъ отыскали Голландца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ: «Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало», говоритъ Петръ. «Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе».

Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера какъ Переяславское въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить— не отпуститъ, надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль.

Видъ обширнаго краснваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести такую потѣху на озерѣ; царица согласи-

лась, и Брантъ, съ мастеромъ Кортомъ, отправились въ Переяславль строить корабли.

4.

Самообученіе Петра I.

Циммерманъ былъ математикъ далеко не первоклассный: онъ ошибался даже въ простомъ сложеніи; но державный ученикъ, выслушавъ первыя четыре правила ариѳметики, подъ названіями, едва для него понятными —одиціо, субстракціо, мультипликаціо, дивизіо, тотчасъ сообразилъ въ чемъ дѣло: самъ своею рукою безошибочно и отчетливо изложилъ всѣ четыре правила, пояснивъ ихъ примѣрами, провелъ способы повѣрки, разобралъ путаницу съ онами или нулями, безъ труда понялъ именованныя числа, и перешелъ къ высшимъ частямъ математики: скоро достигъ, судя по его почерку, до многосложной теоріи астрономіи, въ нѣсколькихъ словахъ показалъ, какъ можно ею «собрать» или измѣрить поле, изучилъ подробности сооруженія крѣпостей, затвердилъ всѣ иностранные термины фортификаціи, вычислилъ размѣры орудій и опредѣлилъ, при какихъ условіяхъ, въ какомъ разстояніи, можетъ пасть на данную точку бомба.

Окружая себя Голландцами, Шотландцами, Англичанами, Швейцарцами и другими иноземцами, Петръ имѣлъ одну цѣль, къ которой давно уже, съ отроческихъ лѣтъ, устремлялъ всѣ свои мысли и желанія, изучить военное дѣло во всѣхъ видахъ его на сушѣ и на водѣ, отъ самыхъ мелкихъ подробностей техническихъ, до высшихъ началъ военнаго искусства, сколько могли изъяснить то и другое избранные имъ наставники. Многаго они сами не понимали, и державный ученикъ пріобрѣталъ необходимыя для него свѣдѣнія болѣе собственнымъ опытомъ, путемъ тяжелаго труда, чѣмъ уроками своихъ учителей. Все, что надобно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, токарю, бомбардиру, піонеру, артиллеристу, инженеру, все узналъ онъ на самомъ дѣлѣ и вскорѣ пріобрѣлъ такой во всемъ навыкъ, что едва ли кто изъ окружавшихъ

сго лицъ умѣлъ искуснѣе владѣть ружьемъ и топоромъ, точить изъ дерева и кости рѣзныя украшенія, править рулемъ, бросать гранаты, наводить орудія, придумывать составы огненныхъ снарядовъ, устроивать понтоны, закладывать мины и взрывать укрѣпленія на воздухъ. Примѣрныя битвы потѣшныхъ съ стрѣльцами въ окрестностяхъ Преображенскаго и Семеновскаго служили ему средствомъ къ пріобрѣтенію свѣдѣній тактическихъ, а плаваніе по озеру Переяславльскому и по Бѣлому морю образовало изъ него моряка.

Неутомимый въ трудахъ, Петръ не терялъ ни одной минуты въ праздности, и часто, по собственному выраженію его: «вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму». *).

Боярин Владиміръ Ивановичъ Лопухинъ описывалъ такъ Царя: «Видѣнъ собою и высокъ былъ Петръ Алексѣевичъ, выше всѣхъ насъ и не однимъ только ростомъ. Любо было смотрѣть на него, когда былъ веселъ, и снявъ шляпу здоровался; голосъ былъ пріятный и звучный; волосы по лбу разсыпались; изъ очей умъ да огонь искрами сыпались; подаритъ бывало, какъ посмотритъ на кого съ ласкою; а на кого взглянетъ гнѣвно, да еще губы сожметъ, у того вся душа, говорили, въ пятку уходила. Я при немъ началъ только служить. Былъ онъ строгъ, но и трудолюбивъ, не щадилъ себя, покоя себѣ не давалъ».

«Воспом. Ѳ. П. Лубяновскаго».

5.

Отвращеніе Петра Великаго отъ воды въ дѣтствѣ.

Царица Наталья Кирилловна, въ вешнее время посѣщала монастыри; при переѣздѣ чрезъ одинъ ручеекъ, отъ наводненія сдѣлавшійся порядочною рѣкою, имѣя пятилѣтняго сего сына своего, на рукахъ спящаго, и сама нѣсколько воздремавшая, шумомъ сильно стремившагося ручья сего и крикомъ людей пробу-

*) Кабин. дѣи I, кн. 55, 28. Ист. Устрялова.

дившись и увидя воду въ каретѣ нѣсколько наклонившуюся и опрокинуться готовою (по-крайней-мѣрѣ страхъ представилъ сй сіе), сильно закричала. Царевичъ, отъ сего крика пробудившійся, увидя блѣдность испуганной матери, воду въ каретѣ и шумное стремленіе воды, столько пораженъ былъ страхомъ, что тогда же получилъ лихорадку.

Таковое сильное впечатлѣніе въ сердцѣ младаго государя произвело таковое отвращеніе отъ воды, что онъ не могъ взирать на рѣку, на озеро и даже на прудъ равнодушно; и хотя онъ всячески старался скрывать сей страхъ свой, однакожъ примѣтенъ оный былъ потому, что никогда не видали его ни плавающаго по водамъ, ни переѣзжающаго въ бродъ чрезъ рѣку,—какъ бы она мала ни была,— и ниже чтобъ когда либо искупался онъ въ рѣкѣ или въ прудѣ, что продолжалось даже до четырнадцатилѣтняго его возраста.

Въ сіе-то время освободился онъ отъ страха сего слѣдующимъ образомъ:

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, занимавшій при немъ мѣсто дядьки, предложилъ его величеству позабавиться псовою охотою; и хотя младый государь не любилъ сей охоты, но изъ уваженія къ просьбѣ сего князя согласился. Во время сей забавы князь, желая истребить въ государѣ страхъ отъ воды, съ намѣреніемъ завелъ его къ берегамъ рѣки Истры. Петръ, увидя рѣку, остановилъ коня своего. Князь спросилъ тому причину; и государь съ видомъ огорченнымъ сказалъ:

—«Куда ты завелъ меня?»

— Къ рѣкѣ, отвѣтствовалъ князь. Ваше величество видите, сколь утомились лошади и запылились охотники, такъ нужно лошадямъ дать отдохнуть и прохладиться, а людямъ — вымыться. Родитель твой, заключилъ князь, часто сіе дѣлывалъ и въ сей рѣчкѣ самъ купывался.

Не дожидаясь отвѣта, поѣхалъ чрезъ опую, а между тѣмъ всѣ охотники, по предварительно данному приказу, раздѣвшись, вмигъ очутились въ рѣкѣ купающимися. Сначала царь на это досадовалъ, но увидя князя переѣхавшаго и съ другаго берега приглашающаго его къ себѣ, постыдился показать себя страшащимся воды и, сдѣлавъ, такъ сказать, нѣкоторое насиліе себѣ, осмѣ-

лился въѣхать въ рѣку и переѣхать оную. Всѣ бывшіе при его величествѣ и за нимъ слѣдовавшіе, вѣдая страхъ его, обрадовались сему, да и самъ монархъ ощутилъ уже въ себѣ отъ сего переѣзда нѣкое удовольствіе.

Царь, братъ его, Іоаннъ Алексѣевичъ, узнавши о семъ чрезъ нѣсколько времени, пригласилъ его съ собою въ село Измайлово, въ которомъ было нѣсколько прудовъ, способныхъ къ купанію. Онъ далъ тайно приказъ молодымъ своимъ царедворцамъ, что когда будетъ онъ съ царемъ, братомъ своимъ, прогуливаться у прудовъ, то-бъ они, разрѣзвяся, стаскивали другъ друга въ воду. Все сіе было исполнено, и хотя младый государь крайнее оказалъ на сіе негодованіе, но сіи однако же молодые люди, по данному же приказу, раздѣвшись, начали въ водѣ купаться и рѣзвиться. Рѣзвость сія мало-по-малу разсмѣшила младаго государя и онъ уже смотрѣлъ на то съ такимъ равнодушіемъ, что, наконецъ, согласился на предложеніе брата, и самъ съ нимъ послѣдовать ихъ примѣру; и съ того времени совершенно миновалось отвращеніе его отъ воды *).

6.

Неустрашимость Петра въ морѣ.

Государя постигло крайнее бѣдствіе въ безопытномъ еще плаваніи его на Бѣломъ морѣ, когда отъ жесточайшаго штурма и самые опытные мореходцы приведены были въ ужасъ, лишившій ихъ всякой рѣшимости, кромѣ одного его и простаго кормщика; на семъ же морскомъ суднѣ находилось нѣсколько иностранцевъ, взятыхъ имъ съ собою изъ Архангельска; одинъ изъ сихъ о семъ бѣдственномъ приключеніи изъясняется такъ: «когда

*) Разсказъ этотъ выписанъ Голиковымъ изъ дневника Крекшина, извѣстнаго многими вымыслами о Петрѣ 1-мъ и его времени. Поэтому къ разсказамъ «Новгородскаго дворянина-баснословца» надо относиться съ осторожностью. Большая часть разсказовъ Крекшина при составленіи нашего сборника опущена. *Ред.*

царь, въ 1694 году, отъ пристани Архангельской выѣхалъ въ океанъ, то такая страшная поднялась буря, что всѣ съ нимъ бывшіе пришли въ чрезвычайный ужасъ, и стали молиться, пріуготовляясь къ смерти; одинъ только младый государь казался нечувствительнымъ къ ярости свирѣпствующаго моря. Онъ, равнодушно возложа на себя обѣщаніе, —ежели благовременный подастся случай и не воспрепятствуютъ государственныя нужды,—побывать въ Римѣ и отдать поклоненіе мощамъ св. апостола Петра, своего патрона, пошелъ къ кормщику и веселымъ видомъ ободрялъ къ должности всѣхъ унынiемъ и отчаяніемъ пораженныя сердца» *).

Сіе засвидѣтельствованіе важно, яко отъ иностранца, немогущаго быть пристрастнымъ.

Но мы дополнимъ еще здѣсь оное. Помянутый кормщикъ былъ тамошній Нюхопскій крестьянинъ Антипъ Пановъ; онъ только одинъ съ монархомъ въ общемъ томъ страхѣ не потерялъ рѣшимости, и какъ сей крестьянинъ былъ презнающій на тамошнемъ морѣ кормщикъ, то когда государь, пришедъ къ нему, сталъ ему въ дѣлѣ его указывать, и куда должно направлять судно, то сей съ грубостію отвѣчалъ ему: «поди, пожалуй, прочь; я больше твоего знаю и вѣдаю, куда правлю». И такъ, когда управилъ онъ въ губу, называемую Унскіе рога, и между подводныхъ каменьевъ, коими она была наполнена, счастливо проведя судно, присталъ къ берегу у монастыря, называемаго Петромпнскимъ, тогда государь, подошедъ къ сему Антину, сказалъ: «помнишь-ли, братъ, какими ты словами на суднѣ меня отподчивалъ?» Крестьянинъ, въ страхѣ падши къ ногамъ монарха, признавался въ грубости своей и просилъ помилованія. Государь поднялъ его самъ и, три раза поцѣловавъ въ голову, сказалъ: «ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой, и я обязанъ еще благодарностію тебѣ за твой отвѣтъ и за искусство твое».

И тогда же, переодѣвшись въ другое платье, все бывшее на немъ, измоченное даже до рубашки, пожаловалъ ему въ знакъ памяти и, сверхъ того, опредѣлилъ ему-же годовую до смерть его пенсію.

(Разсказъ Голикова.)

*) См. Acta eruditorum, anno 1708 pag. 218.

Кормщикъ, спасшій Петра Великаго во время бури на Бѣломъ морѣ, въ 1694 году, какъ видно изъ подлинныхъ документовъ назывался Антономъ Тимоѳеевымъ. Петръ по выходѣ на берегъ, собственными руками сдѣлалъ въ полторы сажени вышиною крестъ и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ; на крестѣ виднѣлась голландская надпись: «Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ, въ лѣто Христово 1694.» — (Двинскія записки т. II, стр. 147, примѣч. 123).

О предполагаемой поѣздкѣ государя въ Римъ, Корбъ приводитъ разсказъ самого Петра. «Когда я плылъ», говорилъ Петръ боярамъ, «со многими изъ васъ изъ Архангельска въ Соловецкій (Sclowizi) монастырь, я былъ, какъ вамъ извѣстно, угрожаемъ кораблекрушеніемъ; я пройду молчаніемъ столь большую боязнь смерти и неминуемой, такъ сказать, гибели, которая вами тогда овладѣла. Теперь уже намъ не угрожаетъ предстоявшая гибель, мы спаслися, но я считаю справедливымъ и надѣюсь, что и вы на это согласитесь, исполнить клятвы и обѣты, данные вами святымъ. Я тогда, заботясь не столько о своемъ спасеніи, сколько объ избавленіи васъ всѣхъ, далъ обѣтъ Богу и святому моему Ангелу, Петру Апостолу, поклониться ему въ Римѣ, при его гробѣ. Скажи, Борисъ Петровичъ (обратился царь къ Шереметеву), въ какомъ состояніи находится Римская область и ея города? Ты тамъ былъ, и потому можешь сообщить вѣрнѣйшія о ней свѣдѣнія». —Шереметевъ похвалилъ пріятный климатъ и красоту мѣстности. Царь, выслушавъ его, сказалъ: «Съ нѣкоторыми изъ васъ я поѣду туда, покоривъ Турка, и такимъ образомъ исполню данный мною обѣтъ». Царь поѣхалъ бы въ Римъ и исполнилъ бы свой обѣтъ, если бы недавнія столь опасныя происшествія въ его владѣніяхъ, по случаю возникшаго возмущенія (стрѣлецкій бунтъ), не вызвали его въ Москву».

Дневникъ Корба, въ изд. М. И. Семевскаго. Москва, 1869 г.

7.

Кликуши.

Никакой періодъ времени неспособенъ столько къ обманамъ, плутовству и коварству, какъ суевѣрный; ни въ какое иное время, какъ въ сіе, столько не возникало и не обогащалось пустосвятовъ, ханжей и лицемѣровъ; не преуспѣвало въ злостныхъ намѣреніяхъ своихъ, коварниковъ и злодѣевъ; и не находили столько способовъ тунеядцы и бездѣльники проживать на счетъ простыхъ и всему вѣру емлющихъ людей. Между множествомъ случаевъ къ обманамъ не послѣднее было притворное бѣсованіе, взводимое на себя, по большой части, подлыми бабами и дѣвками, которыя у насъ извѣстны были подъ именемъ кликушъ. Сіи плутовки, среди стеченія народнаго, а паче въ церквахъ, въ праздничные и воскресные дни, начинали обманы свои паденіемъ на землю, испусканіемъ нелѣпыхъ криковъ, кривляніемъ лицъ, ломаніемъ и коверканіемъ членовъ, и среди оныхъ произносили нѣкія глухія предвѣщанія; все же то суевѣрами принималось за дѣйствіе нечистыхъ духовъ, въ нихъ будто-бы вселившихся, а мнимыя ихъ предвѣщанія толковались народомъ по-своему и разносились повсюду, съ прибавленіемъ разныхъ странныхъ чудесъ.

Между тѣмъ мнимобѣсующихся сихъ изъ жалости надѣляли подаяніями; пустосвяты и коварные подкупали ихъ произносить то, что было нужно: первымъ—къ притворной святости, вторымъ—къ какому-либо ихъ интересу, или ко вреду тѣхъ, которыхъ они погубить и обезславить хотѣли.

Во время Петра Великаго, а паче въ первые годы царствованія его, много было таковыхъ кликушъ, хотя сей государь, бывъ врагомъ суевѣрія, и старался всячески искоренять ихъ, изгоняя изъ нихъ дьяволовъ плетьми и другими наказаніями.

Слѣдующіе четыре анекдота докажутъ намъ это наилучше:

1. Коварный Милославской, другъ и родственникъ, съ материнской стороны, царевны Софьи Алексѣевны, предпріялъ утвердить на престолѣ сію царевну, управлявшую тогда самовластно, а лишить онаго младаго царя, брата ея. Сколь законопреступно было

намѣреніе сіе, таковы были и средства, къ сему имъ употребленныя; между прочимъ же, дабы отвратить сердца народныя отъ монарха, а привлечь ихъ къ царевнѣ, чрезъ преданныхъ себѣ уговорилъ, обѣщаніями разныхъ наградъ, нѣсколькихъ изъ сихъ кликушъ,—а въ числѣ оныхъ и одну знатнаго отца дочь,—вскленать на себя бѣсованіе. И сія послѣдняя, по условію, въ Успенскомъ соборѣ, въ праздничный день, когда находилась въ немъ царевна, столь искусно сыграла данную ей роль, что весь народъ увѣрился въ ея подлинномъ бѣсованіи и почелъ издаваемой ею страшной крикъ за голосъ поселившагося въ ней и ее мучащаго діавола.

Не меньшее же искусство въ притворствѣ оказала и царевна: она съ великимъ, повидимому, благоговѣніемъ пала предъ образомъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія, моля ее объ изгнаніи изъ мучимой нечистаго духа; и потомъ, приступя къ ней, заклинала его именемъ Божіимъ и Пречистыя его Матери изыйти изъ нея; и діаволъ вопилъ, что молитвы и заклинанія ея жгутъ его адскимъ огнемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ, съ страшнымъ крикомъ и терзаніемъ мучимой имъ, изшелъ какъ бы изъ нея, оставя притворщицу еле живу; царевна-жъ, приведя ее въ чувство и взявъ ее за руку, подняла ее здраву.

Можно себѣ представить, какъ удивленъ былъ непроницающій въ коварство сіе народъ чудомъ симъ: онъ почелъ царевну чудотворицею, а великаго брата ея и всѣхъ приверженныхъ къ нему охуждалъ съ негодованіемъ, за малое уваженіе ихъ къ толико святой царевнѣ. Нѣсколько же сему подобныхъ послѣ чудотвореній ея утвердили паче еще народъ въ расположеніи семъ, какъ въ отношеніи къ царевнѣ, такъ и къ монарху *).

II. Успѣхъ описаннаго коварства полюбился царевнѣ такъ, что она, дабы наиболѣе привязать къ себѣ народъ и очернить въ умахъ его державнаго своего брата, употребляла многократно къ тому сей же самый способъ. Самовидецъ этого, знаменитый господинъ, Иванъ Михайловичъ Головинъ, оставилъ намъ о семъ слѣдующее извѣщеніе. Она долго содержала на жалованьѣ своемъ многихъ та-

*) «О семъ кратко повѣствуетъ и г. Татищевъ въ своемъ »Географическомъ, историческомъ и политическомъ лексиконѣ», въ III-й части на стр. 212». *Голиковъ.*

кихъ-кликушъ, подъ именемъ бѣснующихся; и какъ имѣла обычай часто ѣздить въ Новодѣвичій монастырь, то наканунѣ выѣзда своего, одну или двухъ изъ нихъ повелѣвала тайно приводить къ себѣ и наставляла, какъ имъ поступать во время ея проѣзда мимо ихъ; и потомъ наученныхъ сихъ плутовокъ вывозили на Дѣвичье поле и полагали при дорогѣ къ монастырю; и какъ скоро карета царевнина, всегда тихимъ ходомъ шествующая, подъѣзжала къ которой изъ нихъ, то притворно бѣснующіяся, при зрѣніи многочисленнаго народа, всегда царевну сопровождавшаго, и начинали нелѣпыми голосами кричать, биться и всячески тѣлокривляться. Царевна, будто бы нечаянно услышавъ крикъ тотъ, спрашивала у наученныхъ уже ею изъ придворныхъ тварей своихъ: «что это за странной крикъ?» А сіи будто бы старались сначала заминать оное и не прежде открывались, какъ по вторичному уже приказу ея, что крикъ этотъ происходитъ отъ какой-то бѣснующейся; но, «ваше высочество», промолвливали они, «не извольте останавливаться: страшно на нее смотрѣть, какъ злой духъ ее ломаетъ».

— Боже мой! отвѣтствовала она, неужели эту бѣдную можно оставить безъ всякой помощи?

И повелѣвала каретѣ, подъѣхавъ къ ней ближе, останавливаться и двери каретныя отворять. Тутъ снова содѣйствователи ея коварству, удерживали просьбою, чтобъ не изволила выходить, однако она тому не внимала, подходила къ мнимобѣснующейся, оказывала чрезвычайные знаки своего состраданія, и потомъ, при зрѣніи всего народа, оградя ее крестообразно рукою, произносила съ видомъ набожнымъ сіи слова: «Христосъ Господь исцѣлилъ многихъ бѣснующихся силою своею, той же исцѣляетъ и тя, рабу Божію (имя рекъ), отъ всякія юзы душевныя и тѣлесныя». Послѣ чего дѣвка или баба переставала бѣсноваться, дѣлалась тиха и приходила въ разумъ, какъ бы освободившаяся отъ жившаго въ ней и терзавшаго ее діавола. Потомъ чудотворица, надѣляя ее милостынею, отпускала, а сама, при восклицаніи благоговѣющаго къ ней народа, продолжала шествіе свое къ монастырю.

Не меньшая на сей же самый конецъ хитрость царевны была, въ такіе же выѣзды ея въ тотъ монастырь, по свидѣтельству того же г. Головина, и слѣдующая: по приказу ея должны были быть

при ней при выѣздахъ и докладчики дѣлъ, которые въ монастырѣ и докладывали ей всегда почти, по дѣламъ сколь важнымъ, столь и труднымъ къ рѣшенію; и она, выслушивая ихъ, ни мало не думавъ, давала весьма дѣльныя резолюціи, чему не только простой народъ, но и сами докладчики и предсѣдатели приказовъ, всегда же при ней въ такіе выѣзды присутствовавшіе, удивлялись и превозносили проницательный разумъ ея, не вѣдая того, что она тѣ самыя дѣла, по которымъ докладывали ей тогда, брала къ себѣ въ комнату и, разсматривая оныя съ умными совѣтниками, заготовляла заранѣе на это время резолюціи. О даваемыхъ ею рѣшеніяхъ въ монастырѣ семъ упоминаетъ и Татищевъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на «Судебникъ» царя Ивана Васильевича.

III. Дворянка Кутузова, имѣвшая въ Москвѣ, на Петровкѣ, близъ монастыря сего имени, домъ свой, пользуясь легковѣріемъ и суевѣріемъ народа, ославила бывшій у нея образъ Богоматери разными, будто-бы отъ него происходившими, чудотвореніями, и тѣмъ привлекла множество молельщиковъ; дабы же наиболѣе увѣрить народъ о чудотвореніяхъ образа, а вмѣстѣ и о своей святости, содержала у себя нѣсколько подобныхъ плутовокъ, т. е. кликушъ, изъ которыхъ предъ образомъ, молитвами и заклинаніями своими, изгоняла мнимыхъ нечистыхъ духовъ; а сими и подобными коварствами, сдѣлавъ себя въ умахъ народныхъ чудотворицею, знатно обогатилась.

Все это не могло укрыться отъ монарха. Государь, по прибытіи своемъ въ Москву, повелѣлъ всѣхъ сихъ мнимобѣсноватыхъ, при собраніи народномъ, у дома Кутузовой, наказать плетьми; онѣ принуждены были предъ народомъ же во всемъ описанномъ плутовствѣ признаться, и, бывъ рецептомъ симъ, такъ сказать, изцѣлены, отданы въ работу на фабрику. Какое же наказаніе понесла Кутузова—неизвѣстно; образъ тотъ, со всѣмъ богатымъ его прикладомъ, государь повелѣлъ отдать въ монастырь.

IV. Одна баба затѣяла на деверя своего, по злости, будто бы онъ колдовствомъ поселилъ въ нее діавола; а чтобы довести того деверя до несчастія, въ церкви Исакіевской, во время обѣдни, въ присутствіи государя, обыкновеннымъ притворщицамъ таковымъ голосомъ заревѣвъ, упала, билась и всячески ломалась

Монархъ тотъ же часъ повелѣлъ вывести ее изъ церкви и изгнать изъ нея діавола плетьми, что, не отлагая, и исполнено. Кликуша призналась во всемъ сказанномъ, за что по указу, въ которомъ прописано, какъ злодѣйство, такъ и признаніе ея, — еще наказана на площади публично; а дабы пресѣчь навсегда такое плутовство, государь за лучшее призналъ къ тому средство публиковать во всемъ пространствѣ Россіи указы, повелѣвающіе всѣхъ кликушъ, гдѣ оныя окажутся, отсылать въ С.-Петербургъ, «и отъ того времени», говоритъ г. Татищевъ, «такъ оное зло пресѣклось, что уже нигдѣ такихъ дьяволовъ на осталось» *).

8.

Нѣжность сыновняя и великодушіе государя.

Стольникъ Желябужской впалъ въ такое преступленіе, которое по справедливости заслужило публичное наказаніе и ссылку, къ чему воинскимъ судомъ и былъ онъ приговоренъ, и приговоръ тотъ утвержденъ государемъ. Сынъ его, человѣкъ молодой и видной, узнавшій о таковомъ приговорѣ, при выходѣ государя изъ дворца, палъ къ стопамъ его и со слезами возопилъ:

— Надежа-Государь! не дерзаю умолять тебя, меньше же негодовать на приговоръ, учиненный судомъ отцу моему,— зная, что оной правосуденъ,— а прошу только изъ единаго милосердія твоего: преступленіе отца и заслуженное имъ наказаніе перенесть на меня. Онъ, при старости и слабости своей, наказанія такого перенести не можетъ, а я, по молодости и крѣпости моей, удобно снесу и заплачу тѣмъ за рожденіе свое. А такимъ образомъ, безъ нарушенія правосудія твоего, спасу и мать мою, которая не можетъ перенести толь горестнаго лишенія мужа; малолѣтнихъ же братьевъ и сестръ избавлю отъ несноснаго сиротства и безчестья всего рода нашего.

*) Четыре разсказа о кликушахъ заимствованы изъ втораго изданія анекдотовъ Голикова 1798 г., въ послѣднее же тисненіе «Дѣяній» 1843 г. они не вошли, такъ какъ не были пропущены цензурою. *Ред.*

Государь, чувствительно тронутый таковою сыновнею нѣжностію, поднялъ его и, поцѣловавъ, сказалъ:

— «За рожденіе такого сына, какъ ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жалую чиномъ и мѣстомъ его, надѣясь, что исполнишь должность лучше, нежели отецъ твой» *).

9.

Украденный кубокъ.

Извѣстно, что Петръ крайне ласкалъ пріѣзжавшихъ въ Россію купцовъ иностранныхъ; онъ нерѣдко посѣщалъ ихъ въ нѣмецкой слободѣ, пріѣзжая къ нимъ на ассамблеи и ужины, изъ коихъ особливо любилъ онъ Голландскихъ Бранта, Любса, Гутфеля и Гоппа; желая же вложить склонность къ нимъ и къ ихъ обхожденіямъ въ невѣстокъ и сестеръ своихъ, привозилъ иногда и ихъ на таковыя вечеринки.

Однажды государь пригласилъ съ собою старшую невѣстку свою, царицу Марѳу Матвеевну, къ Гоппу на ассамблею. Его величество имѣлъ привычку пить изъ одного кубка, или стакана, и иностранцы, зная это, поставляли передъ нимъ обыкновенно одинъ, изъ котораго онъ въ каждый пріѣздъ свой пивалъ. У Гоппа для его величества былъ къ сему назначенъ серебряный кубокъ съ крышкою, весьма искусной работы.

Послѣ ужина продолжались разныя забавы, какъ-то: музыка, танцы и проч. Петръ попросилъ меду, но видя что ему не подаютъ, сказалъ хозяину:

— «Если медъ весь вышелъ у тебя, такъ вели подать полпива».

— Медъ есть, но кубка, изъ котораго ваше величество жалуете пить, не могутъ отыскать и сказываютъ, что пропалъ во время уборки съ стола.

— «Поэтому», сказалъ государь, «его украли, но вору должно быть въ домѣ. Я его найду».

---

*) Изъ изд. Голикова 1798 г.; въ изданіе 1843 г., разсказъ этотъ не вошелъ. *Ред.*

И тотчасъ, приказавъ запереть вороты дому, и никого не выпускать изъ онаго, и даже изъ покоевъ на дворъ, вышелъ самъ, велѣлъ всѣмъ людямъ, бывшимъ на дворѣ, предстать предъ себя и спрашивалъ у каждаго: не выходилъ-ли кто изъ покоевъ на дворъ послѣ стола? Одинъ изъ нихъ сказалъ, что видѣлъ выходящаго къ каретѣ царицыной пажа ея величества. Пажъ этотъ былъ Юрловъ. Государь пошелъ къ каретѣ, осмотрѣлъ все въ ней и нашелъ тотъ кубокъ.

Все это происходило безъ шуму, и царица ничего того почти и не примѣтила, меньше же еще, чтобъ кто изъ ея людей что могъ сдѣлать непристойное. Симъ все дѣло кончилось, и монархъ казался попрежнему спокоенъ; но при разъѣздѣ, распростясь съ хозяиномъ и гостями, подойдя къ невѣсткѣ своей, потихоньку сказалъ ей:

— «Завтра поутру, въ восемь часовъ, пришлите ко мнѣ пажа вашего Юрлова, которому нѣчто надобно приказать.»

Царица, по прибытіи въ комнаты свои, призвала къ себѣ пажа, спрашивала у него не сдѣлалъ ли онъ въ домѣ Гопповомъ чего непристойнаго, «государь велѣлъ тебя завтра прислать къ себѣ, чего никогда прежде не бывало». — Тотъ, упавши къ ногамъ ея, признался въ кражѣ кубка и что самъ государь нашелъ оный въ каретѣ ея, гдѣ онъ его спряталъ.

— Что ты сдѣлалъ, проклятый? сказала царица, вѣдь государь разсѣчетъ тебя и вѣчно напишетъ въ матросы, или, по-крайней-мѣрѣ, въ солдаты.

Слезы, страхъ и раскаяніе пажа привели въ такую жалость добросердечную царицу, что она, давъ ему нѣсколько червонныхъ, велѣла спасаться какъ онъ знаетъ. Виноватый тою же ночью выбрался изъ Москвы и ушелъ, какъ послѣ узнано, на Вологду.

Поутру, не видя въ назначенный часъ Юрлова, государь послалъ за нимъ къ царицѣ, но та отвѣтствовала, что не могла его сыскать. Его величество, увидясь съ нею, открылъ ей, что этотъ молодой человѣхъ «сдѣлалъ всему двору нашему позоръ, укравъ у Гоппа кубокъ, и должно его за столь постыдное воровство наказать», а безъ того-де можетъ остаться онъ навсегда бездѣльникомъ и негоднымъ ни къ какой должности. Невѣстка призналась также, что она уже вѣдаетъ отъ него самаго, но

что слезы и раскаяніе убѣдили ее отпустить его и что не знаетъ куда онъ ушелъ. Монархъ, сдѣлавъ ей довольно чувствительный за это выговоръ, сказалъ, что жалость ея погубила его, «а можно-бы сего молодаго и проворнаго дѣтину еще исправить и употребить современемъ въ какое-либо полезное служеніе».

10.

Петръ вытягиваетъ нѣсколько полосъ желѣза.

Петръ I, вводя всякія полезныя заведенія въ Россіи, тщательно посѣщалъ всѣ фабрики и мастерскія, побуждалъ и одобрялъ работниковъ. Между прочимъ ходилъ онъ часто на желѣзные заводы Миллера въ Истіи, за 90 верстъ отъ Москвы, по Калужской дорогѣ. Тамъ онъ однажды четыре недѣли употреблялъ тамошнюю минеральную воду, и между своими ежедневными государственными дѣлами избралъ себѣ постороннимъ упражненіемъ не только со всевозможнымъ тщаніемъ все разсматривать и всему учиться, но даже при плавленіи и кованіи пособлять собственными руками, и тянуть въ полосы желѣзо. Научившись этой работѣ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней своего тамъ пребыванія вытянулъ его восемнадцать пудовъ и каждую полосу означилъ своимъ штемпелемъ, при чемъ его свиты камеръ-юнкеры и бояра посили уголья, разводили огонь, раздували его мѣхами и другія работы должны были отправлять. Спустя нѣсколько дней пришелъ государь къ самому заводчику Вернеру Миллеру, въ Москвѣ; похвалялъ учрежденія его на заводахъ и спрашивалъ, сколько каждый мастеръ получаетъ тамъ за работу съ пуда, поштучно выкованныхъ желѣзныхъ полосъ?

— По алтыну, отвѣтствовалъ Миллеръ.

— «Очень хорошо» сказалъ царь, «такъ ты долженъ мнѣ заплатить восемнадцать алтынъ».

Вернеръ Миллеръ тотчасъ пошелъ въ ящикъ, гдѣ были у него деньги, вынулъ восемнадцать червонцевъ и, отсчитавъ оные царю, сказалъ:

— Такому работнику, какъ ваше величество, менѣе дать неможно.

Но царь, отвергнулъ ихъ.

— «Возьми свои червонцы, я не лучше другихъ мастеровъ работалъ; заплати мнѣ только то, что ты обыкновенно платишь другимъ мастерамъ: за эти деньги я куплю себѣ новые башмаки, которые мнѣ теперь нужны».

Его величество показалъ однажды уже подкинутые и опять подпоровшіеся свои башмаки, взялъ восемнадцать алтынъ, поѣхалъ на рынокъ и дѣйствительно купилъ себѣ новую пару башмаковъ, которые онъ часто въ компаніи на своихъ ногахъ показывалъ, и обыкновенно говаривалъ: — «Вотъ башмаки, которые я выработалъ собственными руками».

Таковаго собственными его величества руками тянутаго желѣза и понынѣ еще находится одна полоса съ царскимъ штемпелемъ на Миллеровыхъ желѣзныхъ заводахъ въ Истіи, за 90 верстъ отъ Москвы, а другая, которую государь потомъ вытянулъ въ Олонцѣ, на Ладожскомъ озерѣ — въ кунсткамерѣ Санктпетербургской академіи наукъ.

11.

Бороды и нѣмецкое платье.

Суевѣріе въ то время столь владычествовало надъ умами, что самое, такъ сказать, ничтожное представлялось имъ грѣхами смертными, какъ-то: бритье бороды, покрой платья, несообразный съ платьемъ предковъ ихъ и проч.; въ Воронежѣ самыхъ членовъ магистратскихъ государь ни какъ не могъ уговорить обрить бороды и перемѣнить платье*). Они хотѣли лучше платить штрафъ

*) 26-го августа 1697 года Петръ, на другой день по возвращеніи въ Москву изъ перваго путешествія, принимая вмѣстѣ съ знатью людей самыхъ простыхъ, собственноручно обрѣзывалъ бороды вельможамъ, разговаривая съ ними, начиная съ Шейна и Ромодановскаго; не дотронулся только до самыхъ почтенныхъ стариковъ—боярина Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алегуковича Черкаскаго. *Ред.*

и нести гнѣвъ его, нежели согласиться на такое, по мнѣнію ихъ, преступленіе. И хотя прискорбно это было Петру, но онъ не хотѣлъ однако же принудить ихъ къ тому властію, а ожидалъ того отъ времени и отъ воспитанія дѣтей ихъ.

Князь Меншиковъ, желая угодить государю, изготовилъ для всѣхъ магистратскихъ членовъ нѣмецкое платье, даже до рубашекъ, и накануне праздника Пасхи, предъ самою уже заутренею, призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ и объявилъ именной будто бы его величества указъ: чтобъ они тотчасъ или обрили бороды и одѣлись въ нѣмецкое платье, или готовились бы въ ссылку, въ Сибирь, указавъ имъ на изготовленныя уже къ тому и подводы; и что не допуститъ онъ ихъ даже проститься съ женами и семействомъ, но тотъ-же часъ увезутъ, ежели они явятся преслушными указу.

Поднялся плачъ, рыданіе и вопль бѣдныхъ поистинѣ людей. Они упали къ ногамъ его, просили милости и заступленія у государя, говоря притомъ, что они готовы все сдѣлать, нежели растлить (какъ они говорили) образъ Божій, и что лучше согласятся потерять головы, нежели бороды, и проч. «Головъ вы не потеряете», отвѣтствовалъ князь, «но я не смѣю просить государя о перемѣнѣ его указа; и такъ должны вы сейчасъ садиться въ кибитки». При семъ словѣ, по приказу его, вошли солдаты и готовились вести ихъ къ кибиткамъ. Предразсудокъ такъ былъ силенъ, что они съ плачемъ и рыданіемъ согласились лучше ѣхать въ заточеніе, нежели лишиться бородъ; но однако же какъ повели ихъ изъ покоевъ на дворъ, то одинъ изъ нихъ, который былъ помоложе, любя свою жену, при пролитіи горькихъ слезъ, перекрестясь, сказалъ: «буди воля Божія!» и согласился на обритіе бороды. Тотчасъ обрили ее, что видя и всѣ другіе, тѣмъ же сожалѣніемъ о женахъ, дѣтяхъ и домахъ своихъ бывъ тронуты, одинъ по другому согласились послѣдовать примѣру товарища своего; и такъ были они обриты и паряжены въ нѣмецкое платье. Князь, видя однако-же неутѣшно ихъ плачущихъ, хотя не былъ онъ и самъ богословъ, утѣшалъ ихъ, говоря, что «нѣтъ въ томъ никакого грѣха, когда волосы будутъ обрѣзаны, но въ томъ грѣхъ, если будутъ заповѣди Христовы и апостольскія не сохранены; а одна изъ заповѣдей сихъ поучаетъ, что противляющіеся предержащей власти, про-

тивляются повелѣнію Божію: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога», и проч.

Все это продолжалось даже до заутрени, и когда уже государь былъ въ соборѣ, тогда князь пришелъ съ ними и поставилъ новопреображенныхъ за клиросомъ. Государь сначала не примѣтилъ ихъ входа, но въ продолженіе заутрени нечаянно огляпулся, и увидя стоящихъ, въ новыхъ нѣмецкихъ кафтанахъ одинаковаго цвѣта, не могъ никакъ узнать ихъ; подозвалъ къ себѣ князя и спросилъ: «что это за люди»? Князь донесъ, что члены здѣшняго магистрата. Государь столь обрадовался тому, что тотъ часъ сошелъ къ нимъ съ клироса и прежде еще времени поцѣловалъ каждаго, говоря: «Христосъ воскресъ»! благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ его обрадовали и, оборачивая каждаго изъ нихъ, говорилъ: «ахъ! какіе молодцы! посмотрите пожалуйста, тѣ-ли вы стали, какіе были прежде?» а на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу своему и пилъ за ихъ здоровье.

12.

Государь, опасно заболѣвъ, не прощаетъ ни одного убійцы.

Петръ I, на двадцать пятомъ году своего возраста *) былъ опасно боленъ горячкою. Когда уже почти никакой не оставалось надежды къ его выздоровленію, и весь дворъ погруженъ былъ въ уныніе, а въ церквахъ денно и нощно отправлялось молебствіе, доложено ему было, что судья уголовныхъ дѣлъ пришелъ спросить, по древнему обычаю: не благоволитъ ли его величество даровать свободу девяти грабителямъ и разбойникамъ, на смерть осужденнымъ, дабы они молили Бога о царскомъ здравіи? Какъ скоро Петръ услышалъ это, велѣлъ его представить предъ постель, на которой онъ лежалъ, и приказалъ ему прочитать предъ собою реестръ осужденныхъ къ смерти и ихъ пре-

*) Около 1697 года; но объ этой болѣзни ни гдѣ не упоминается; Петръ I былъ серьезно боленъ съ ноября 1692 по февраль 1693 г. *Ред.*

ступленія. По прочтеніи, его величество сказалъ судьѣ, прерывающимся голосомъ:

— Не уже ли ты думаешь, что я, чрезъ прощеніе столь страшныхъ злодѣевъ и чрезъ пренебреженіе правосудія, сдѣлаю доброе дѣло и преклоню небо къ сохраненію моей жизни? И что Богъ внемлетъ молитвамъ столь противныхъ ему преступниковъ? тотчасъ поди, и завтра же вели исполнить приговоръ надъ всѣми девятью злодѣями. Я паче уповаю, что Богъ за это правосудное дѣло на милость ко мнѣ подвигнется, пощадитъ жизнь мою и даруетъ мнѣ здравіе.

Приговоръ на другой же день исполненъ, а царь, со дня на день чувствуя облегченіе, въ краткое время совершенно выздоровѣлъ.

13.

Уваженіе Петра къ врачамъ.

Извѣстно, что Петръ Великій видѣлъ совершенную необходимость въ добрыхъ лекаряхъ, для своего новоучрежденнаго войска и флота, весьма ихъ уважалъ и самъ выучился дѣлать многія операціи. Для чего онъ послалъ быконовенно съ собою двѣ готовальни: одну съ математическими инструментами для вымѣриванія представляемыхъ ему чертежей гражданскихъ, воинскихъ и корабельныхъ строеній, а другую съ лекарскими инструментами. Самъ онъ вырывалъ зубы нѣкоторымъ частнымъ людямъ, и женѣ купца Боршта, при весьма усилившейся водяной болѣзни, выпустилъ воду.

Уже на двадцатомъ году своего возраста имѣлъ онъ дружеское обхожденіе не только съ господиномъ Лефортомъ, первымъ своимъ тогдашнимъ любимцемъ, но также и съ господиномъ Тирмондомъ, старымъ, забавнымъ, и весьма искуснымъ лекаремъ, который вездѣ бывалъ съ царемъ и часто вмѣстѣ съ его величествомъ просиживалъ до позднѣйшей ночи. Онъ совершенно обладалъ милостію своего государя. Однажды пьяный убилъ онъ стараго вѣрнаго своего слугу, и на другой день въ великой печали прибѣжалъ къ царю, палъ

предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; государь не хотѣлъ его слушать, пока онъ не встанетъ, и какъ тотъ однакожъ продолжалъ лежать, то самъ царь его поднялъ, обнялъ, цѣловалъ и слушалъ его объясненія. Его величество сказалъ ему въ отвѣтъ, чтобъ онъ не печалился и не скорбѣлъ, что онъ долженъ только одного Бога просить о помилованіи, и если убитый оставилъ послѣ себя жену или дѣтей, то старался бы ихъ нѣкоторымъ образомъ обезпечить. Дѣйствительно, онъ опредѣлилъ женѣ убитаго во всю жизнь ея достаточное содержаніе на каждой годъ, изъ своего имѣнія.

Сей славный Тирмондъ, достигнувъ болѣе семидесяти лѣтней старости, оставилъ по себѣ еще не старую и довольно пригожую вдову, съ имѣніемъ въ нѣсколько тысячъ рублей, и какъ жена еще при жизни своего мужа изрядная была щеголиха, то обратила она свои глаза особливо на одного молодаго, пригожаго изъ себя, подлекаря изъ Данцига, которой въ лекарской наукѣ гораздо менѣе былъ искусенъ, нежели въ волокитствѣ. Скоро потомъ она и дѣйствительно вышла за него замужъ, начала вести съ нимъ жизнь весьма расточительную, ѣздила четверкой въ великолѣпномъ экипажѣ, и сею новою пышностію много въ Москвѣ дѣлала шуму. Объ этомъ, при случаѣ, разсказано было царю съ презрительнымъ описаніемъ данцигскаго уроженца. Однажды его величество былъ у одного боярина въ гостяхъ, со своими приближенными, и послалъ за молодымъ преемникомъ своего любимаго Тирмонда. Тотъ думая, конечно, что будетъ помѣщенъ на мѣстѣ своего предшественника, пріѣхалъ туда, разрядившись, въ наилучшей своей каретѣ, со всею пышностію, гдѣ царь находился въ великомъ обществѣ. Всѣ бѣжали къ окну смотрѣть на великолѣпный его въѣздъ. Г. подлекарь предсталъ предъ царя, которой спрашивалъ его о всѣхъ обстоятельствахъ, и онъ, въ присутствіи цѣлой компаніи, долженъ былъ выдержать весьма строгой экзаменъ. Въ заключеніе всего царь призналъ его за незнающаго и недостойнаго наслѣдника искуснаго Тирмонда, и для того тотчасъ велѣлъ призвать къ себѣ множество деревенскихъ и простыхъ мужиковъ въ особливую горницу, и разряженной господинъ подлекарь долженъ былъ тотчасъ всѣмъ стричь и брить долгія бороды; потомъ въ своей пышной каретѣ опять домой возвратиться. Этотъ случай горделиваго господина и его возлюбленную супругу столь-

ко огорчилъ, что они чрезъ нѣсколько времени потомъ, съ остаткомъ своего имѣнія уѣхали въ Данцигъ. Тамъ жили они нѣсколько лѣтъ столь же знатно и въ такихъ же забавахъ, покамѣсть всѣ деньги прожили, и одинъ старый знакомецъ Тирмонда, бывшій потомъ въ шведской войнѣ, нѣкогда знаменитаго подлекаря видѣлъ бѣднымъ маклеромъ, а супругу его въ такомъ состояніи, что она должна была за деньги мыть чужое бѣлье.

14.

Грубость воронежскихъ гражданъ.

Государь, устроилъ въ Воронежѣ корабельную верфь и часто пріѣзжалъ въ этотъ городъ. Въ великій постъ потребовалъ его величество кислой капусты; послано было за нею къ членамъ магистратскимъ, состоявшимъ изъ тамошняго купечества. Тѣ были тогда въ собраніи; посовѣтовавшись о томъ, заключили такъ: «Если одинъ разъ дадимъ капусты, то уже и всегда не только государю, но и всѣмъ при немъ находящимся отпускать ее будемъ принуждены, а чрезъ то и у самихъ насъ можетъ быть недостатокъ», разсудили отказать, какъ будто-бы нѣтъ у нихъ капусты. Государь, вѣдая, что это происходитъ отъ одного грубаго ихъ воспитанія, не огорчился на нихъ, но почувствовалъ только крайнее сожалѣніе о такой грубости. Онъ послалъ одпаго изъ деньщиковъ осмотрѣть у членовъ ледники; тотъ нашелъ въ нихъ цѣлые чаны капусты. Государь, призвавши ихъ къ себѣ, представляетъ имъ, съ отеческою милостію, ихъ глупость и грубость, что они государю своему, пекущемуся о ихъ благосостояніи, отказываютъ въ ничего незначущей малости, имѣя у себя съ излишествомъ. Не могли они не почувствовать и милости его, и своего непростительнаго поступка; упавъ къ ногамъ его, они со слезами просили въ томъ прощенія. Монархъ, сдѣлавъ имъ еще увѣщаніе, прощаетъ ихъ, пригрозя однако-же, что если они впредь подобное сему что учинятъ, то-бъ страшились гнѣва его.

15.

Московскій стряпчій.

Петръ слышалъ въ Москвѣ объ одномъ стряпчемъ, котораго почитали за искуснѣйшаго въ судныхъ дѣлахъ, особливо разсказывали объ немъ, что онъ какъ древніе законы и обыкновенія, такъ и всѣ прежнихъ царей указы, какіе когда-либо были изданы, совершенно знаетъ, и часто въ судебныхъ мѣстахъ самыхъ судей наставляетъ въ законахъ, хотя бы то было ко вреду и самаго производимаго имъ дѣла. Онъ часто о себѣ сказывалъ, что будто по закону и по праву лучше желаетъ потерять свое дѣло, нежели выиграть его несправедливо; ибо если истецъ подастъ ему дѣло несправедливое а онъ узнаетъ потомъ объ истинныхъ обстоятельствахъ онаго въ судѣ, и лучше нежели отъ истца, то въ такомъ случаѣ не можетъ истецъ на него жаловаться за потерю тяжбы, которой бы онъ не взялъ на себя, если бы просившій его о томъ не обманулъ ложнымъ объявленіемъ и не привлекъ бы его къ напрасному старанію.

Такой человѣкъ былъ по сердцу Петра. Его величество, не желая, безъ особливаго изслѣдованія, совершенно вѣрить чужимъ словамъ, захотѣлъ его сперва узнать лично; и потому призывалъ его къ себѣ неоднократно, говорилъ съ нимъ о различныхъ запутанныхъ судебныхъ дѣлахъ, и нашелъ въ немъ человѣка глубокаго проницанія, основательнаго разсужденія и совершенной честности. Наконецъ рѣшился принять его въ свою службу, и вдругъ, изъ простаго стряпчаго возвысилъ его на степень главнаго судьи въ Новгородской губерніи, съ такимъ притомъ объявленіемъ, что полагается на его правоту, не меньше какъ и на его искусство въ судопроизводствѣ, что онъ прекратитъ тамошнія крючкотворства и тяжбы, и что ни знатность особы, ни подарки не воспрепятствуютъ ему въ справедливомъ рѣшеніи дѣлъ. Новопожалованный судья обѣщалъ, по мѣрѣ высочайшія довѣренности, точно исполнять свою должность, и довольно долгое время держалъ свое слово къ удовольствію государя.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ разнесся слухъ, будто бы онъ беретъ взятки, нарушаетъ правосудіе и явныя дѣлаетъ несправедливости. Жалобы дошли до престола. Государь, считая, что онъ лучше знаетъ этого человѣка, почиталъ сперва жалобы такія за клеветы. Однакожъ онѣ сомнительными случаями такъ умножились, что побудили его приступить къ надлежащему изслѣдованію. Монархъ увѣрился въ истинѣ доносовъ, и узналъ въ самомъ дѣлѣ, что мнимо-добрый судья для взятокъ нарушилъ справедливость, и неоднократно за деньги продавалъ правосудіе. Его величество весьма строго его испытывалъ и изобличилъ въ преступленіи. Судья признался, что при толь многихъ справедливо рѣшенныхъ дѣлахъ былъ ослѣпленъ иногда подносимыми ему деньгами, и нѣкоторыя дѣла, подъ видомъ справедливости, рѣшилъ несправедливо.

— «Я бы отъ тебя этого никогда не ожидалъ» сказалъ государь, «что же тебя къ этому побудило?»

— Не иное, отвѣтствовалъ изобличенный, какъ то, что я однимъ моимъ жалованьемъ, за всѣ свои труды и работу, едва имѣлъ нужное пропитаніе, а для жены и дѣтей не только ничего не могъ пріобрѣсть, и какъ при прежнихъ доходахъ, что-нибудь сберечь, но и такъ жить, какъ другіе мнѣ подобные, не подвергая долгамъ себя и своего семейства.

— «Сколько-же ты думаешь», продолжалъ государь, «надобно, чтобы ты былъ доволенъ, и не былъ принужденъ брать взятки и ради денегъ поступать несправедливо?»

—По-крайней мѣрѣ еще столько-же, сколько нынѣ получаю, отвѣтствовалъ судья.

— «И ты дѣйствительно симъ будешь доволенъ?» спрашивалъ государь, «станешь вѣрно отправлять свою должность и никогда болѣе не будешь брать взятокъ или инымъ образомъ поступать несправедливо?»

—Совершенно буду доволенъ, всемилостивѣйшій государь, отвѣтствовалъ судья, и я подвергаю себя строжайшему наказанію, если меня изобличатъ, что я сдѣлалъ какой-либо неправый приговоръ за деньги, бралъ взятки, несправедливо поступалъ, или инымъ какимъ образомъ оказалъ невѣрность вашему величеству.

— «Хорошо», продолжалъ государь, «этотъ разъ я тебѣ прощаю;

опредѣляю тебѣ въ полутора жалованья болѣе прежняго, только съ тѣмъ, чтобъ ты сдержалъ свое слово, и по мѣрѣ моей къ тебѣ довѣренности, въ званіи своемъ поступалъ бы честно и правосудно. Притомъ, увѣряю тебя, что я отъ нынѣ всегда буду строго присматривать за тобою, и если ты деньгами ослѣпишься, или подарками будешь соблазненъ къ несправедливости, то непремѣнно будешь повѣшенъ.»

Удовольствованный судья благодарилъ его величество, припадая къ ногамъ его, и нѣсколько лѣтъ велъ себя, сообразуясь желанію и воли монаршей—наблюдалъ справедливость и правосудіе по всей строгости, словомъ, исполнялъ свою должность безъ малѣйшаго нареканія. Наконецъ, однакожъ, забылъ свое слово, въ томъ мнѣніи, что государь давно также и свое забылъ; началъ брать взятки и дѣлалъ насиліе и несправедливость. Дошло это до государя; судью взяли подъ стражу, произвели надъ нимъ судъ, и изобличили его въ преступленіи. Приказано ему сказать, что если онъ не сдержалъ своего слова, то государь сдержитъ свое: его повѣсили.

16.

Удивительная память Петра Великаго.

Во время перваго стрѣлецкаго бунта въ Москвѣ (1682 г.), когда Петръ первый былъ еще отрокомъ, мать его Наталья Кирилловна, сопровождаемая небольшею свитою вѣрныхъ служителей, убѣжала съ нимъ за 60 верстъ отъ города, въ Троицкой монастырь *), думая найти тамъ безопасность. Но стрѣльцы и это убѣжище вывѣдали, и, въ великомъ бѣшенствѣ, толпою пришли туда, чтобы убить юнаго царя. Они вездѣ искали его по монастырю и не находили; одна шайка злодѣевъ кинулась даже въ церковь. Тамъ одинъ нашелъ молодаго государя въ объятіяхъ матери, передъ алтаремъ, въ самомъ священнѣйшемъ мѣстѣ, и не ужаснулся,—

*) Удаленіе Натальи Кирилловны въ Троицкій монастырь было при второмъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ сентябрѣ 1682 г., а 1-й бунтъ былъ въ маѣ того же года. Второй разъ Петръ былъ въ этомъ монастырѣ въ августѣ 1689 г. *Ред.*

устремляется съ обнаженнымъ ножемъ на неповинnаго отрока. Уже поднялъ ножъ на грудь и намѣренъ былъ совершить свое убійство, но Провидѣніе Божіе, предъуготовлявшее государя къ великимъ дѣламъ, и спасавшее его потомъ неоднократно изъ очевидныхъ опасностей, и въ это мгновеніе, когда уже никакой человѣкъ не могъ подать помощи, и когда онъ въ ужасѣ, какъ оцѣпенѣвшій, быстро смотрѣлъ въ глаза убійцы—сильною десницею защитило его. Въ то самое время, какъ стрѣлецъ готовъ уже былъ поразить государя, держа его одною рукою за плечо, а въ другой ножъ предъ грудью, одинъ изъ мятежниковъ въ церкви закричалъ ему страшнымъ голосомъ: «постой братъ! не здѣсь предъ олтаремъ. Подожди, покамѣсть выйдетъ изъ церкви. Онъ отъ насъ не уйдетъ». Между тѣмъ, и почти въ ту же самую минуту, прочіе стрѣльцы увидѣли, не далеко отъ церкви, во весь опоръ скачущую конницу царскую, и потому кричали они бывшимъ въ церкви, чтобъ поспѣшно спасались бѣгствомъ. Въ семъ смятеніи всѣ разбѣжались и молодой царь чудеснымъ образомъ невреднимъ возвратился опять къ своимъ.

По прошествіи уже болѣе 20 лѣтъ послѣ сего приключенія, когда всѣ бывшія возмущенія давно уже укрощены, стрѣльцы истреблены, и не осталось изъ нихъ ни единаго, государство наслаждалось покоемъ, и царь занимался обученіемъ своего войска и заведеніемъ флота. Однажды училъ онъ въ Петербургѣ, на адмиралтейской сторонѣ, нѣсколько сотъ новоприведенныхъ матросовъ; разсматривая ихъ въ строю съ великимъ вниманіемъ, государь вдругъ взглянулъ на одного изъ матросовъ и такъ ужаснулся, что отскочилъ на нѣсколько шаговъ, и въ ту самую минуту велѣлъ его схватить. Матросъ палъ на землю, крича: «повинень смерти; помилуй, государь, помилуй!» Никто изъ стоявшихъ вокругъ, ни офицеры, даже его товарищи не знали, что это значитъ, потому что этотъ матросъ много лѣтъ уже былъ извѣстенъ между ними за человѣка, который свою должность дотолѣ съ великою вѣрностію и прилежностію исполнялъ и ничего не сдѣлалъ достойнаго наказанія. Но они ужаснулись, услышавъ, что царь спрашиваетъ матроса:

— «Не былъ ли ты стрѣльцомъ и не ты ли мнѣ въ отрочествѣ, въ Троицкомъ монастырѣ предъ олтаремъ, приложилъ къ груди ножъ?»

— Такъ, государь, отвѣтствовалъ матросъ, это я.

Когда царь спрашивалъ его далѣе, то онъ разсказывалъ, какъ прежде, будучи повичкомъ въ стрѣльцахъ, замѣшался въ бунтъ, какъ онъ скоро въ своемъ злодѣяніи раскаялся, какъ бѣгствомъ прежде еще спасся, нежели бывшіе его сотоварищи пойманы и казнены были, какъ горестно, въ отдаленныхъ пустыняхъ, препроводилъ нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, какъ крестьянинъ, пришедшій изъ Сибири, записался въ матросы въ Архангелогородскомъ адмиралтействѣ и доселѣ вѣрно и честно продолжалъ свою службу. Царь, за откровенное признаніе, простилъ ему ужасное преступленіе и даровалъ жизнь, съ строгимъ однако же объявленіемъ неизбѣжной смерти, если онъ въ свою жизнь еще разъ попадется ему на глаза. Матросъ благодарилъ Бога и царя за милость, и былъ посланъ въ отдаленную провинцію Россійскаго государства, такъ что царь совершенно могъ быть увѣренъ во всю свою жизнь болѣе его невидать.

17.

Судъ Божій.

Во время стрѣлецкаго бунта, отъ нечаяннаго нападенія шайки извергов государь спасся уходомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь (1689 г.); *) виновные стрѣльцы Шакловитаго прибѣгли къ милосердію прогнѣваннаго ими государя, въ помянутый монастырь и получили отъ великодушія его прощеніе; его величество удовольствовался только опредѣленіемъ: предать казни однихъ зачинщиковъ сего заговора и бунта.

Въ числѣ зачинщиковъ того злодѣйскаго заговора, которые содержались уже въ монастырѣ подъ стражею, находились три родные брата. Престарѣлая мать ихъ, узнавъ о близкой казни всѣхъ, рѣшилась просить государя о помилованіи. Съ симъ намѣреніемъ, дождавшись выхода государя въ церковь, упала къ ногамъ его и съ слезнымъ рыданіемъ молила о помилованіи сыновей представляя, что она умретъ безъ нихъ голодною смертію: «кто будетъ меня

*) Съ 7 на 8 августа Шакловитый хотѣлъ напасть въ расплохъ на Преображенскъ и убить Петра, которому во время дали знать. *Ред.*

кормить; кто старость мою призритъ, надежда-государь, когда я, бѣдная, останусь безъ нихъ?» и проч.

Молодой царь выслушавъ все терпѣливо и узнавъ, кто дѣти ея, сказалъ:

— «Я простить ихъ не могу, не наруша справедливости и своей должности; они, забывъ страхъ Божій и свое крестное цѣлованіе, возстали на меня, законнаго своего государя, а слѣдовательно, и на все отечество, котораго спокойствіе дороже мнѣ и самой жизни моей».

Онъ винилъ также и ее, что она не пеклась о вкорененіи съ дѣтства въ сердца ихъ страха Божія, и, какъ видно, потворствомъ своимъ ихъ избаловала, и тѣмъ къ злодѣйствамъ подала поводъ. Съ симъ словомъ оставилъ ее государь.

Старуха, дождавшись выхода его величества изъ церкви, опять пала предъ нимъ и, проливая слезы, молила.

— Прости, надежда-государь! прости преступныхъ дѣтей моихъ, и ради Господа Бога, Пречистой Богоматери и святыхъ чудотворцевъ Сергія и Никона, даруй имъ жизнь!

Государь, выслушавъ все, велѣлъ ей встать и говорилъ:

— «Слушай, старуха! ежели Богъ поставилъ меня царемъ, и вручилъ мнѣ мечъ правосудія, для охраненія спокойствія общаго, то не прогнѣвлю-ли я его, спасая враговъ онаго? и не навлеку-ли тѣмъ и на себя, подобно Саулу, гнѣва его, и отъ потомства проклятія? я самъ плачу съ тобою о пролитіи крови злодѣевъ, но должность превозмогаетъ сожалѣніе; и такъ должны дѣти твои, какъ злодѣи, и злодѣи нераскаянные,—умереть, потому что они были уже участниками и перваго бунта, и многой неповинной крови пролитія, но обстоятельствами времени спаслись отъ заслуженной казни».

Мать, бросясь къ ногамъ государя, ухватила ихъ и обливая слезами, молила о помилованіи, по крайней мѣрѣ, хотя одного изъ сыновей, который могъ бы закрыть ей очи и похоронить ее. Тронутый, наконецъ, государь сказалъ:

— «Ну, что дѣлать! даю тебѣ одного, выбери сама кого болѣе любишь!»

— И, обратясь къ сопровождающимъ сказалъ:

— «Отведите ее къ нимъ въ тюрьму; пусть она изберетъ одного изъ трехъ дѣтей своихъ, и выпустите его изъ монастыря».

Приведенная къ нимъ печальная мать бросилась на шею сперва къ старшему, и въ положеніи такомъ пробыла около четверти часа; потомъ къ среднему, и такъ же обнявъ его, рыдала, не произнося ни единаго слова, а напослѣдокъ къ меньшему, и такимъ образомъ долго колебалась—котораго-бы изъ нихъ избрать. Наконецъ, вынуждаемая рѣшиться, избрала меньшаго; и тогда же была съ нимъ выпущена изъ темницы.

Но избавленный отъ казни злодѣй, идя съ матерью изъ монастыря, въ самыхъ святыхъ воротахъ споткнувшись, упалъ навзничь, разбилъ себѣ темя и тотъ же часъ испустилъ духъ.

Донесено государю; его величество, ужаснувшись суду Божію, непопустившему злодѣю остаться въ живыхъ, палъ на колѣни предъ образомъ Спасителя, и умиленною душею молилъ, да отпуститъ ему согрѣшеніе, нарушеніемъ правосудія отъ него ему ввѣреннаго. И потомъ, вставши и обратясь къ предстоящимъ, сказалъ:

— «Я согрѣшилъ, какъ человѣкъ, простивъ изъ жалости злодѣя, недостойнаго жизни; но судъ Божій рѣшилъ иначе, не попустя остаться ему живымъ, это будетъ всегдашнимъ мнѣ наставленіемъ — не прощать злодѣевъ, вредныхъ обществу. Страшитесь», заключилъ государь, «преступники нераскаянные строгости правосудія, ввѣреннаго мнѣ».

Послѣ этого осужденные судомъ злодѣи были казнены.

18.

Петръ награждаетъ ревность и въ самомъ бунтовщикѣ.

Старый фельдмаршалъ, Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, разсказывалъ, что будучи капитаномъ въ преображенскомъ полку, съ своею ротою содержалъ подъ стражею сестру императора, Софію Алексѣевну, *) во время ея заключенія въ дѣвичемъ монастырѣ, въ Москвѣ, въ комнатѣ за желѣзными рѣшет-

*) Царевна Софія была заключена въ монастырь въ сентябрѣ 1689 г. *Ред.*

ками. Тогда шайка стрѣльцовъ, державшихъ ея сторону, подкопавшись нечаяно подъ монастырь, проломала полъ въ крѣпко-остерегаемомъ покоѣ, вывела, ее чрезъ подземный ходъ и хотѣла произвести новое возмущеніе, полагая истреблять всѣхъ, кто имъ только сопротивляться станетъ. И въ самомъ дѣлѣ много было пролито крови; между прочимъ, въ своей ярости, искали они также и мужественнаго капитана Трубецкаго. Уже дошли они до того мѣста, гдѣ онъ находился и откуда не могъ отъ нихъ избѣгнуть; въ то самое время одинъ изъ стрѣльцовъ, который былъ доселѣ брадобрѣемъ капитана и получилъ отъ него многія милости, желая его избавить отъ неизбѣжной опасности, бросился впередъ, будто бы имъ показать, гдѣ непремѣнно можно найти капитана, потому что онъ, какъ его брадобрѣй, знаетъ всѣ закоулки въ домѣ. Подъ этимъ предлогомъ раздраженную шайку стрѣльцовъ отвелъ отъ того покоя, въ которомъ капитанъ заперся, и далъ ему время спастись бѣгствомъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, когда успокоилось возмущеніе, стрѣльцы были переловлены и выведены уже на достойную казнь, капитанъ Трубецкой, будучи тамъ вмѣстѣ съ царемъ, примѣтилъ въ числѣ связанныхъ стрѣльцовъ, головы которыхъ уже положены были на плахи, своего брадобрѣя, спасшаго ему жизнь. Въ ту же минуту упалъ онъ къ ногамъ царя, разсказалъ ему вѣрность осужденнаго на смерть стрѣльца и просилъ о помилованіи. Вѣрность и въ этомъ несчастномъ такъ благоугодна была Петру, что немедленно велѣлъ онъ его освободить и требовалъ, чтобъ онъ самъ ему разсказалъ, какъ поступилъ при спасеніи капитана. Услышавъ, что онъ разсказывалъ согласно съ объявленіемъ Трубецкаго, простилъ его, съ такимъ однакожъ условіемъ, чтобы этотъ стрѣлецъ, во всю свою жизнь не жилъ въ Москвѣ. Трубецкой, отослалъ его вмѣстѣ съ женою и ребенкомъ въ отдаленнѣйшія свои деревни, далъ ему землю для хлѣбопашества, и какъ его, такъ и все потомство свободилъ отъ обыкновенныхъ податей.

19.

Присутствіе духа Петра.

По заключеніи, въ Дѣвичій монастырь, царевны Софіи Алексѣевны, она старалась заводить тайно бунты на державнаго брата своего, отлучившаго ее отъ правленія государствомъ, которыя однако же всегда были разрушаемы бдительнѣйшимъ монархомъ. Онъ неоднократно выходилъ изъ терпѣнія и въ гнѣвѣ своемъ предпринималъ пресѣчь дни мятежной и злобной сестры своей. Государь, будучи въ такомъ раздраженіи, исчисляя всѣ ея на жизнь свою покушенія, опредѣлилъ-было, наконецъ, совершенно избавиться отъ нея, какъ отъ главнѣйшаго своего злодѣя, но къ утушенію гнѣва его и къ отмѣнѣ такого опредѣленія стоило только Лефорту напомнить, что она ему сестра и что Туркамъ только свойственно обагрять руки въ крови родныхъ своихъ и проч., и вмѣсто казни довольствовался онъ личнымъ ей выговоромъ, а слезами ея такъ еще умягчился, что присоединилъ и свои, и выходя отъ нея, сказалъ тому же Лефорту «она имѣетъ великой разумъ, но жаль, что столько зла».

И послѣ сего прощенія она не переставала заводить подобные же бунты и умыслы на жизнь великодушнаго брата и государя своего. Въ одинъ изъ такихъ заговоровъ, желая узнать отъ нея нѣкоторыя обстоятельства, государь пріѣзжаетъ въ монастырь, входитъ къ ней съ сверкающими гнѣвомъ глазами, уличаетъ ее новыми на жизнь свою умыслами, и требуетъ ея признанія и отвѣтовъ на вопросы. Какъ ни ясны были улики государя, но она, однакожъ, ни въ чемъ не признается; этаго еще мало: гордость ея колкостію, такъ сказать, упрековъ монаршихъ разбужденная, разгорячастъ ее, и она колкими, и оскорбительными выраженіями защищаясь, обвиняетъ въ мятежахъ тѣхъ его самого. Такая непризнательность, непокорливость и ѣдкость отвѣтовъ ея выводятъ государя изъ терпѣнія; онъ, въ крайней запальчивости, выхватываетъ мечъ свой и говоритъ, что одна смерть ея доставитъ ему безопасность: —«Умри злодѣйка!» Въ это мгновеніе бывшая при царевнѣ двѣнадцатилѣтняя, служившая ей, дѣвушка становится между государя-

ремъ и царевною, бросается къ ногамъ его и, ухватившись за нихъ, вопіетъ: «Что ты дѣлаешь, государь? Вспомни, она родная тебѣ сестра!» Слово это останавливаетъ его, мечъ выпадаетъ изъ рукъ и онъ, помолчавъ съ минуту, прощаетъ мятежную и непокорную сестру; а дѣвушку цѣлуетъ въ голову, говоря: «спасибо, дѣвочка, я тебя не забуду»; успокоивается и выходитъ.

Петръ I, по горячему темпераменту своему, не рѣдко бывалъ въ крайнемъ раздраженіи, но присутствіе духа и въ такомъ положеніи никогда его не оставляло.

Въ одно время, за дерзновенныя слова того же самаго Лефорта, государь крайнимъ воспылалъ на него гнѣвомъ и къ тому же замѣтить должно, что было это при одной пирушкѣ, когда и винные пары еще затмѣвали нѣсколько разсудокъ его. Въ такомъ кипящемъ, такъ сказать, гнѣвѣ государь, выхватя изъ ножень кортикъ свой, устремился на пораженіе Лефорта; любимецъ, знавши его совершенно, не уклонился отъ государя ни мало; но, обнажа грудь свою, сказалъ: «рази ревностнаго твоего слугу, вотъ грудь его!»— Въ мигъ выпадаетъ изъ рукъ царя оружіе и онъ, вмѣсто пораженія, бросается въ объятія Лефорта и проситъ прощенія.

20.

Государь лично забираетъ заговорщиковъ.

Объявленное намѣреніе царя — послать юношей россійскихъ въ чужія земли для ученія — возмутило суевѣрные умы, особенно чиновниковъ стрѣлецкаго корпуса. Они дѣлали тайныя совѣщанія: какъ бы удобнѣе сбыть имъ съ рукъ такого государя, который заводитъ новизны, противныя, по ихъ мнѣнію, православному закону. Одна изъ такихъ злодѣйскихъ шаекъ, около 1695 года, то есть за годъ до заговора Цыклера, собралась въ одномъ домѣ, зимою, въ 8 часу пополудни. Надобно думать, что было это весьма тайно; въ ту же самую ночь, и въ томъ же часу, государь, по обыкновенію, поѣхалъ въ санкахъ по улицамъ московскимъ,

имѣя при себѣ одного только деньщика Дурнова; но, пріѣхавъ къ Арбатскимъ воротамъ, остановилъ лошадь и, углубясь въ размышленіе, простоялъ на одномъ мѣстѣ около четверти часа. Деньщикъ, видя это, осмѣлился сказать: «Долго-ль, государь, стоять намъ здѣсь?» Петръ, какъ-бы опомнясь отъ этаго вопроса, сказалъ про себя: «Поѣхалъ-было я туда, а надобно заѣхать не туда».—И поворотя лошадь, выѣхалъ въ переулокъ, называющійся Хлѣбнымъ, остановился около одного дома, вышелъ изъ санокъ и послалъ на нихъ деньщика къ караульному офицеру съ повелѣніемъ, чтобъ онъ съ двѣнадцатью гренадерами, не мѣшкая ни мало, пришелъ къ тому дому; а самъ безъ шума вошелъ въ калитку на дворъ, оттуда въ покои, гдѣ, во второмъ, нашелъ сидящихъ за столомъ, и попивающихъ четверыхъ изъ чиновныхъ стрѣльцовъ, которыхъ онъ всѣхъ зналъ по имени.—«Что вы здѣсь дѣлаете, ребята?» сказалъ имъ царь.

Можно себѣ представить, какъ должно было смѣшать ихъ такое нечаянное посѣщеніе: они не могли даже произнести слова; но монархъ вывелъ ихъ изъ этого замѣшательства и страха, сказавъ, что онъ ѣздилъ по Москвѣ въ саняхъ, прозябъ и видя огонь, заѣхалъ обогрѣться, а по счастію нашелъ еще въ немъ и знакомыхъ. Ободренные такимъ милостивымъ отзывомъ тѣ отвѣчали, что званы хозяиномъ на пиво; это подтвердилъ и вошедшій, между тѣмъ, хозяинъ дома; наливъ стаканъ осмѣлились поднести его величеству. Государь выпилъ и разговаривалъ съ ними и съ хозяиномъ о дѣлахъ, ничего почти незначащихъ, до того времени, въ которое должно было уже прибыть офицеру; потомъ сказалъ, что онъ обогрѣлся и пора ему съ ними разстаться, вышелъ изъ комнатъ. Они хотѣли-было его проводить, но государь, остановя ихъ, затворилъ двери и приперъ.

Офицеръ съ командою былъ уже у воротъ и монархъ повелѣлъ ему всѣхъ четырехъ гостей забрать и привести въ Преображенскъ, а хозяину сказать его указомъ, чтобъ онъ и домашніе его, подъ смертною казнію, не дерзнули происшествія этаго никому открывать. Разспросы по одиночкѣ, смѣшали и разбили ихъ, такъ что они принуждены были, наконецъ, признаться въ совѣщаніи своемъ на жизнь государя. Причиною того, по словамъ ихъ, была неспо-

сная имъ служба, предпочтеніе, оказываемое солдатамъ, особенно вводимыя новости, противныя, по мнѣнію ихъ, закону и старинному обыкновенію, и посылка дѣтей ихъ въ еретическія земли, и проч. Они были наказаны и посланы въ Сибирь, и все это произведено такъ тайно, что никто не провѣдалъ и не знали даже, куда дѣвались четыре чиновника.

Какимъ образомъ узналъ государь тотъ домъ и собравшихся въ немъ заговорщиковъ—соталось неизвѣстнымъ.

21.

Заговоръ Цыклера и Соковнина.

Во время возмутительныхъ стрѣлецкихъ бунтовъ, одна рота этаго злодѣйскаго войска, вмѣстѣ съ двумя своими начальниками —Цыклеромъ и Соковнинымъ, сдѣлали заговоръ—убить Петра. Чтобы легче добраться до него, вознамѣрились они, посрединѣ Москвы, зажечь два дома рядомъ и быть при томъ самимъ, будто бы для потушенія пожара. Но такъ какъ царь при всякомъ пожарѣ бывалъ первый, то злоумышленники, будучи уже тамъ, притворились бы, что они стараются тушить пожаръ, и подъ этимъ предлогомъ хотѣли, мало-по-малу, окружить царя и въ тѣснотѣ непримѣтно его заколоть.

Уже назначенъ былъ день къ произведенію ужаснаго умысла. Заговорщики, какъ вѣрные друзья, собрались обѣдать къ Соковнину, а отъ обѣда до ночи проводили время въ пьянствѣ. Всѣ изрядно нагрузились пивомъ, медомъ и виномъ; между тѣмъ какъ прочіе продолжали пить для ободренія себя къ такому злодѣйству, одинъ изъ стрѣльцовъ, котораго, вѣроятно и вино, и совѣсть удручали, часу въ восьмомъ вышелъ на дворъ; другой, такое же смущеніе чувствовавшій, пошелъ вслѣдъ за нимъ. Увидѣвъ себя однихъ на дворѣ, одинъ сказалъ другому:

— «Чемъ-то, братъ, это кончится—неизвѣстно; а что намъ худо будетъ, то вѣрно. Какъ-бы намъ такъ сдѣлать, чтобъ съ честію отъ этаго отстать?»

— И я, братъ, говорилъ другой, одного съ тобою мнѣнія; нѣтъ другаго средства, какъ идти въ Преображенское и открыть все царю.

— «Хорошо,» сказалъ первой; «но какъ бы намъ уйти изъ шайки?»

— Скажемъ, отвѣтствовалъ второй, что время уже перестать пить, а идти домой, если нужно въ полночь производить въ дѣйствіе наше намѣреніе.

Потомъ подали другъ другу руки и опять вошли въ измѣнническую шайку, которой сдѣлали предложеніе по своему условію. Прочіе на это согласились: каждый, кто хотѣлъ, могъ идти, чрезъ нѣсколько часовъ, домой, но съ строгимъ обѣщаніемъ—въ полночь непремѣнно опять явиться; нѣкоторые должны были остаться вмѣстѣ съ Соковнинымъ, покамѣсть загорятся дома и станутъ бить въ набатъ на пожаръ.

Такимъ образомъ оба они прямо пошли въ Преображенское, (увеселительный замокъ въ Москвѣ), гдѣ находился государь. Они объявили о себѣ деньщику, что желаютъ говорить съ царемъ. Петръ, и тогда уже не довѣрявшій этимъ людямъ, велѣлъ спросить, какая имъ нужда? Они отвѣчали, что никому болѣе не могутъ сказать, какъ самому его величеству, потому что она весьма важна и не терпитъ ни малѣйшей отсрочки. Царь, услышавъ это, приказалъ представить себѣ обоихъ стрѣльцовъ. Какъ скоро приблизились они, тотчасъ пали на землю, говоря, что приносятъ царю свои головы, сдѣлавшія ихъ преступниками, потому что они вступили противъ него въ заговоръ съ ротою своихъ собратьевъ, которые, собравшись къ Соковнину, сидятъ въ его домѣ, ожидая покамѣсть въ полночь станутъ бить въ набатъ на пожаръ, какъ они условились, и тогда хотѣли убить царя. Петръ спокойно слушалъ эту ужасную вѣсть и ничего болѣе не спрашивалъ, какъ «подлинно-ли это правда?»

— Точно такъ, повторили стрѣльцы, мы въ твоей власти; приносимъ тебѣ наши головы; пошли только туда, тамъ всѣхъ ты ихъ найдешь вмѣстѣ.

Обоихъ доносчиковъ задержали въ Преображенскомъ подъ карауломъ, и какъ было уже около восьми часовъ вечера, то царь,

тотчасъ написалъ записку къ капитану Лопухину (а по объявленію другихъ—къ Липунову), въ которой приказалъ ему всю его роту потихоньку собрать и около одиннадцати часовъ предъ полупочью, такъ подойти къ дому Соковнина, чтобы точно въ одиннадцать часовъ окружить его и захватить всѣхъ, кого тамъ найдетъ. Капитанъ точно исполнилъ царское повелѣніе; царю показалось, что онъ въ своей запискѣ назначилъ ему быть въ десятомъ часу, онъ и сдѣлалъ такой разсчетъ, что если придетъ туда въ половинѣ одиннадцатаго часа, то все уже въ домѣ Соковнина будетъ сдѣлано. И потому въ десять часовъ немедленно сѣлъ въ одноколку и съ однимъ только деньщикомъ прямо поѣхалъ къ Соковнину. Пріѣхавъ туда въ половинѣ одиннадцатаго часа, не мало удивился, что ни у воротъ, ни около дома не нашелъ ни одного человѣка изъ роты, которой онъ приказалъ туда быть. Онъ ничего не могъ себѣ представить больше, какъ то, что караулы, можетъ быть, находятся внутри двора. И такъ, безъ дальняго размышленія въѣхалъ онъ прямо на дворъ, и съ однимъ только деньщикомъ вошелъ въ домъ. Услышавъ о пріѣздѣ царя, всѣ въ домѣ пришли въ нѣкоторое смущеніе. Петръ вступилъ въ горницу, нашелъ Соковнина, Цыклера и всю роту злоумышленниковъ, которые, тотчасъ вставъ, поклонились государю. Онъ, поклонившись имъ взаимно, благосклонно сказалъ, что проѣзжая мимо, замѣтилъ большой свѣтъ въ окнахъ, подумалъ, что конечно у хозяина пирушка; а какъ ему показалось, что еще рано спать, то заѣхалъ посѣтить хозяина. Царь сколько ни дивился и ни сердился, на капитана, которому онъ приказалъ туда быть, и который, какъ ему казалось, не исполнилъ того въ назначенное время, ни мало не далъ того примѣтить по внѣшнему виду. Онъ сидѣлъ тамъ довольно долго, и какъ злоумышленники стоя пили въ круговую за его здравіе, онъ имъ безъ всякаго страха отвѣтствовалъ; одинъ изъ стрѣльцовъ, давъ знакъ Соковнину, говорилъ потихоньку: «пора братъ!» Соковнинъ, которой не хотѣлъ еще дать замѣтить своего намѣренія, мигнувъ ему обратно, сказалъ: «нѣтъ еще». Между тѣмъ какъ онъ это говорилъ, Петръ бодро вскочилъ и, ударивъ его такъ сильно, что тотъ упалъ, сказалъ грознымъ голосомъ: «ежели тебѣ еще не пора, такъ мнѣ теперь пора. Возьмите и свяжите его».

Въ эту самую минуту, въ одиннадцать часовъ, вошелъ въ горницу капитанъ съ своею ротою, которая была во всемъ снарядѣ. Тотчасъ всѣ пали ницъ, признавая себя виновными. Обратясь къ капитану, государь въ первомъ жару далъ ему жестокую пощечину, укоряя, что не явился въ назначенный часъ. Капитанъ вынулъ изъ кармана письменное повелѣніе и показалъ царю, который призналъ, что ошибся цѣлымъ часомъ, поцѣловалъ капитана въ лобъ, назвавъ исправнымъ и прямымъ офицеромъ, и отдалъ ему подъ караулъ связанныхъ злоумышленниковъ. Какую злодѣи получили мзду —всему свѣту извѣстно *).

22.

Покушеніе деньщика на жизнь государя.

Извѣстно, что деньщики государя имѣли къ нему всегда свободный входъ и нерѣдко оставляемы были въ спальнѣ его до того времени, пока онъ заснетъ; тогда уже они выходили. Это самое время было избрано и на исполненіе замышленнаго убійства: извергъ имѣлъ при себѣ заряженный пулею пистолетъ; онъ направляетъ его въ самое сердце заснувшаго крѣпкимъ сномъ государя, спускаетъ курокъ, — осѣчка. Злодѣй смущается этою неудачею и выходитъ; поступокъ остается непзвѣстнымъ.

Чрезъ нѣкоторое время этотъ изувѣръ предпринимаетъ опять тоже. Онъ перемѣнилъ кремень, пробовалъ нѣсколько разъ курокъ и увѣрясь въ исправности его, приходитъ вечеромъ, оставляется какъ и прежде, въ спальнѣ государя до его заопочиванія. Извергъ снова направляетъ въ заснувшаго царя выстрѣлъ, но Провидѣніе Божіе, по невѣдомымъ смертному судьбамъ, допустившее Равальяку убить Генриха IV—покрыло щитомъ монарха: пистолетъ, какъ и прежде, осѣкся.

Онъ рѣшился разбудить государя и признаться въ своемъ злодѣяніи. Первое слово Царя было: «что сдѣлалось?» Но преступникъ говоритъ ему:

*) Иванъ Цыклеръ, думный дворянинъ, и Алексѣй Соковнинъ, окольничій, казнены съ прочими заговорщиками 4-го марта 1697 года. *Ред.*

— Государь! я посланъ къ тебѣ отъ Бога — возвѣстить, что онъ содержитъ тебя въ своемъ покровительствѣ; и что никакая вражія сила и никакая адская злоба твоихъ злодѣевъ не сильны погубить и повредить тебѣ.

При окончаніи этихъ словъ злодѣй падаетъ на колѣни и, показывая ему пистолетъ, говоритъ: «посмотри, какъ онъ хорошъ, никогда не осѣкался, но теперь два раза мною направляемъ былъ на отнятіе твоей жизни и въ оба раза осѣкся. Видя такое явное покровительство Божіе, рѣшился возвѣстить тебѣ, не отлагая ни мгновенія, и поздравить съ хранящею силою Вышняго. Теперь голова моя въ твоей волѣ и я недостоинъ болѣе тяготить собою землю».

Государь, выслушавъ это, всталъ съ постели и, оставя преступника въ положеніи его, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, не говоря ни слова.

— «Пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ; покровительство Божіе ощущаю еще болѣе по твоему раскаянію. Богъ тебя проститъ!» сказялъ государь.

И послѣ этого не отмѣнилъ онъ милости своей къ преступнику. Умыселъ этотъ приписываютъ Кикину, не утверждая заподлинно, что извергъ былъ Кикинъ, можно однако же о немъ сказать, что крайняя неблагодарность его къ государю доказываетъ чудовищное сердце, способное къ самымъ величайшимъ злодѣйствамъ *).

Этотъ Кикинъ вознесенъ былъ отъ его величества на достоинство адмиралтейскаго президента; уличенный по слѣдствію, въ дѣлѣ хлѣбныхъ и другихъ адмиралтейскихъ подрядовъ, въ похищеніи казенныхъ интересовъ, по которому судомъ отписано было все имѣніе его, онъ былъ посланъ въ ссылку; но государь милостиво принялъ присланное отъ него прошеніе, и простилъ его во всемъ: возвратилъ изъ ссылки, отдалъ имѣніе и оставилъ въ прежнемъ званіи. Но къ чему послужила эта милость? Имъ развращенъ былъ

*) Объ этомъ происшествіи Голиковъ говоритъ, что слышалъ отъ трехъ особъ, которые «согласны въ томъ, что предпріявшій лишить жизни монарха былъ издавна зараженъ ядомъ изувѣрства, представлявшимъ ему въ государѣ еретика и разорителя старинныхъ обыкновеній и обрядовъ». Библіотекарь Бухвостовъ называлъ преступника деньщикомъ, не упоминая имени, а Крекшинъ и дѣйств. стат. совѣт. Веревкинъ указывали на Кикина, называя его комнатнымъ государевымъ. *Ред.*

царевичъ Алексѣй Петровичъ; по его то совѣтамъ ушелъ онъ изъ Россіи. Слѣдовательно, онъ и былъ главнѣйшею причиною бѣдствія несчастнаго царевича; что уже и принудило, наконецъ, государя поступить съ нимъ, какъ съ нераскаяннымъ злодѣемъ. Но кажется, его величество и тогда еще, жалѣя лишиться въ немъ ума тонкаго и способнаго къ важнымъ препорученіямъ,— расположенъ былъ еще простить его, если-бы только могъ увѣриться въ сердечномъ его раскаяніи *). Наканунѣ казни государь еще видѣлъ его и спрашивалъ, что побудило его употребить умъ свой на такое зло. Какой же отъ него получилъ отвѣтъ?

— «Умъ», сказалъ нераскаянный злодѣй, «любитъ просторъ, а отъ тебя было ему тѣсно».

Государь удивился такому ожесточенію и тогда то уже получилъ онъ соразмѣрную злодѣяніямъ своимъ казнь.

23.

Раскольникъ.

Происшествіе это случилось въ Петербургѣ, въ лѣтнемъ дворцѣ, что былъ на Фонтанкѣ. Императоръ имѣлъ обыкновеніе, по окончаніи совѣта съ своими министрами, провожать ихъ до передней. Однажды вечеромъ, во время совѣта, забрался въ нижній этажъ дворца незнакомой человѣкъ, имѣвшій кису изъ разныхъ лоскутковъ, въ которыхъ секретари и писцы обыкновенно нашивали къ своимъ начальникамъ письменныя дѣла, подлежащія для разсматриванія или подписанія государя. Никто изъ бывшихъ тамъ деньщиковъ и другихъ служителей не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія объ умыслѣ этого человѣка. Можетъ быть каждой почиталъ его за подъячаго или писца изъ какой нибудь коллегіи, которому повелѣно тамъ быть съ письменными дѣлами; и потому никто его и не спрашивалъ, кто онъ такой, или что ему надобно, особенно отъ того, что онъ почти нѣсколько часовъ стоялъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, держа кису. По окончаніи совѣта, государь провожалъ министровъ въ самую переднюю; стояв-

*) Извѣстіе о расположеніи государя къ прощенію Кикина едва-ли вѣроятно: «министры приговорили учинить ему казнь жестокую». *Ред.*

шій человѣкъ, за которымъ никто не примѣчалъ, оборотясь къ стѣнѣ, вынулъ что-то изъ своей кисы и завернулъ въ нее и когда государь возвращался въ свой покой, пошелъ за нимъ такъ смѣло, что, казалось, будто бы ему было повелѣно слѣдовать. Но такъ какъ о такомъ повелѣніи никто изъ бывшихъ тамъ деньщиковъ и служителей ничего не зналъ, то одинъ изъ нихъ тотчасъ подбѣжалъ и сталъ между имъ и государемъ, въ дверяхъ передней, оттолкнулъ незнакомца рукою отъ дверей и спросилъ: кто онъ и чего ему надобно? Между тѣмъ тотъ сопротивлялся и насильно хотѣлъ ворваться въ комнату; произошелъ шумъ; государь спрашиваетъ: «что тамъ?» Къ величайшему удивленію, вмѣсто отвѣта, у дерзкаго вынала киса и съ нею большой ножъ; злодѣй тотчасъ, бросясь на колѣни, призналъ себя виновнымъ. Государь самъ его удержалъ и спросилъ, что онъ хотѣлъ съ ножемъ сдѣлать?

— Тебя зарѣзать, сказалъ онъ.

— «За что? Развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ?»

— Нѣтъ, ты мнѣ никакого зла не сдѣлалъ, но сдѣлалъ нашей братьи и нашей вѣрѣ.

— «Хорошо», продолжалъ государь, «разсмотримъ это».

Потомъ велѣлъ его взять подъ караулъ, и ничего съ нимъ не дѣлать, покамѣсть онъ его самъ не разспроситъ обстоятельно.

24.

Евреи.

Когда царь Петръ Алексѣевичъ, въ бытность первой еще разъ въ Голландіи, учился въ Сардамѣ строенію кораблей и старался узнать, что нужно было къ распространенію торговли, заведенію мануфактуръ и обдѣлыванію произведеній своего государства, то онъ заботился и о томъ, чтобы привлечь въ Россію искусныхъ художниковъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и купцовъ разными привиллегіями, совершенною вольностію и многими для нихъ особенными преимуществами. Хитрые евреи амстердамскіе вздумали этой случай обратить себѣ въ пользу. Хотя они и знали, что предки ихъ изгнаны были изъ Россійскаго государства царемъ Ива-

номъ Васильевичемъ, и отъ всѣхъ по немъ слѣдовавшихъ государей жительство въ Россіи было имъ возбранено, однако же думали, что Петръ, при введеніи во всемъ новыхъ перемѣнъ въ Россіи и при уничтоженіи нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ предразсудковъ, уничтожить и повелѣніе Ивана Васильевича, относительно чадъ израильскихъ. Для сего прибѣгли они къ славному амстердамскому бургомистру Витсену, къ которому царь имѣлъ особенную довѣренность, и просили о предстательствѣ у его царскаго величества, чтобъ онъ, какъ и прочимъ чужестранцамъ, дозволилъ имъ пріѣзжать въ Россію, селиться тамъ, заводить купеческія конторы и отправлять торговлю; при чемъ не забыли представить, какія знатныя преимущества могутъ получать Россіяне, распродавая произведенія своего отечества посредствомъ ихъ. Сверхъ того, дабы получить успѣхъ въ свой просьбѣ, почли они за долгъ изъявить государю первую свою признательность, принесеніемъ въ подарокъ ста тысячъ гульденовъ.

Бургомистръ Витсенъ принялъ просьбу отъ сихъ израильтянъ и обѣщалъ, при первомъ случаѣ, донести царю объ ихъ предложеніи. Этотъ честный мужъ, которому царь рѣдко въ чемъ отказывалъ, сдержалъ свое слово, и при первомъ случаѣ обстоятельно донесъ царю о предложеніи и просьбѣ евреевъ. Царь сперва важно слушалъ это предложеніе; наконецъ, съ усмѣшкою далъ отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: «Другъ мой, Витсенъ! ты знаешь жидовъ и образъ мыслей моихъ подданныхъ, и я также знаю и тѣхъ, и другихъ. Не время еще дозволить жидамъ пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ моимъ именемъ, что я благодарю ихъ за предложеніе и сожалѣю, что они желаютъ поселиться въ Россіи: ибо хотя они и почитаются за весьма искусныхъ обманывать весь свѣтъ, однакожъ, я думаю, что у моихъ русаковъ немного выторгуютъ».

О евреяхъ государь говорилъ: «я хочу видѣть у себя лучше магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не расиложаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются, и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ».

Сколько ни старались евреи получить позволеніе быть въ Россіи и торговать, однако государь на то не склонялся, и всѣ просьбы объ нихъ уничтожилъ.

25.

Отвѣтъ Петра графу Вальдекскому.

Государь, ѣдучи въ Голландію, заѣхалъ въ Вальдекское княжество, въ Нижней Саксоніи. Тамъ хотѣлъ онъ этотъ случай употребить себѣ въ пользу, и чрезъ нѣсколько дней пить пирмонтскія воды. Графы Вальдекскіе, нынѣ князья, владѣльцы сихъ славныхъ источниковъ, прибыли туда, чтобы принять знаменитаго гостя, и просили царя, дабы онъ благоволилъ, по совершеніи своего леченія, пожаловать къ нимъ въ близъ-лежащій, тогда еще совершенно новой замокъ, называемый Арголценъ, или Арользенъ.

Царь согласился на ихъ просьбу и въ назначенный день прибылъ. Послѣ стола, который былъ приготовленъ съ чрезвычайною пышностію и великолѣпіемъ, и весьма долго продолжался, его величеству показывали всѣ украшенія въ замкѣ. Когда владѣлецъ спросилъ государя, какъ ему кажется строеніе этаго замка? то, привыкшій къ умѣренной жизни, государь отвѣчалъ, что положеніе замка весьма пріятно и зданіе очень пространно и великолѣпно, но при всемъ томъ есть въ немъ большая погрѣшность; графъ просилъ показать ее и получилъ въ отвѣтъ: — «кухня слишкомъ велика».

26.

Гринвичскій госпиталь.

Короткое время, проведенное Петромъ въ Лондонѣ (въ сентябрѣ 1697 г.), казалось ему, какъ онъ самъ говаривалъ, еще короче отъ множества достопамятныхъ вещей, которые онъ тамъ видѣлъ.

Цѣлой день проводилъ онъ въ расхаживаніи и разъѣздѣ и когда вечеромъ сидѣлъ дома, то обыкновенно бывшимъ съ нимъ повторялъ,

что къ тотъ день случалось ему видѣть, и замѣчалъ, что казалось ему достойнымъ. При чемъ часто говаривалъ, что онъ желастъ еще современемъ побывать въ Англіи, потому что много находитъ предметовъ, достойныхъ вниманія.

Однажды, проводивъ утро въ разсматриваніи великолѣпнаго зданія и изящныхъ учрежденій Гринвичскаго госпиталя, для отставныхъ матросовъ, обѣдалъ онъ съ королемъ Вилліямомъ. За столомъ король спрашивалъ, какъ показался ему госпиталь? «Чрезвычайно хорошъ», отвѣчалъ Петръ «и даже такъ хорошъ, что я совѣтовалъ бы вашему величеству взять его для вашего дворца, а дворецъ очистить для живущихъ тамъ матросовъ».

27.

Іезуиты.

На обратномъ пути изъ Англіи и Голландіи Петръ проѣхалъ чрезъ Германію въ Вѣну, и тамъ съ отмѣннымъ почтеніемъ былъ принятъ императоромъ Леопольдомъ; вѣсть о стрѣлецкомъ бунтѣ скоро однако отозвала его въ Москву, что воспрепятствовало ему долѣе остаться при императорскомъ дворѣ и удержало отъ предположеннаго путешествія въ Венецію. Между тѣмъ, въ кратковременномъ пребываніи въ Вѣнѣ государь много видѣлъ достопамятныхъ вещей и сохранилъ въ своей памяти. Однажды въ Петербургѣ, за его столомъ, зашла рѣчь о Вѣнскомъ дворѣ. Петръ сказалъ, что у императора Леопольда все ему весьма понравилось, кромѣ одного: онъ при дворѣ, внѣ онаго и вездѣ находилъ іезуитовъ, чему тѣмъ болѣе дивится, что они въ его имперіи имѣютъ земель, не много меньше императора, а денегъ—болѣе, о чемъ Леопольдъ знаетъ; но при всемъ томъ, въ послѣднюю трудную войну съ Турками, въ 1683 году, не оказали ему помощи, они—ни рекрутами, ни деньгами.

28.

Причина расположенія государя къ иностранцамъ.

Нельзя сказать, чтобы Петръ имѣлъ слѣпую любовь къ иностранцамъ, ихъ нравамъ и образу жизни; а если изъ всѣхъ обстоятельствъ и видно, что былъ весьма хорошо къ нимъ расположенъ и ихъ ласкалъ—это происходило только изъ желанія просвѣтить свое государство.

По возвращеніи изъ перваго своего путешествія, въ 1698 г., онъ замѣтилъ различіе своего государства съ другими, какъ въ нравственности народа, такъ въ промыслахъ и торговлѣ и видѣлъ, что всего этого недоставало еще въ его землѣ. Въ 1690 году обнародовались два указа: первымъ дозволялось дворянству путешествовать внѣ своего отечества, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы каждый, имѣющій охоту къ путешествію, являлся къ царю для полученія наставленія: что ему, по состоянію и способностямъ, замѣчать и чему наиболѣе учиться. Второй указъ данъ собственно его посламъ, резидентамъ и агентамъ въ иностранныхъ земляхъ: имъ предписано было повсюду возвѣстить, что чужестранцы, желающіе или вступать въ россійскую службу, или поселяться въ Россіи, для испытанія собственнаго своего счастія, будутъ съ удовольствіемъ приняты, и не только преимущественную вольность получатъ, но помощь и защищеніе для своихъ промысловъ, въ случаѣ нужды; и что особенно благоугодно будетъ его величеству видѣть въ своемъ государствѣ искусныхъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ, искусныхъ художниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ.

Какъ скоро заложеніе новаго города Санктпетербурга, въ чужихъ краяхъ стало извѣстно, съ того времени изъ всѣхъ земель начали пріѣзжать иностранцы, селиться и строиться въ немъ; частію вступали въ царскую службу, а частію собственными своими промыслами пріобрѣтали себѣ выгоды. Государь обходился со всѣми благосклонно и милостиво; офицеры получали двойное жалованье, съ художниками и ремесленниками разговаривалъ откровенно, посѣщалъ ихъ мастерскія и отдавалъ имъ въ науку молодыхъ людей

изъ русскихъ, которыхъ поощрялъ, чтобы они основательно и прилежно учились, дабы, сдѣлавшись потомъ мастерами, могли обучать своихъ земляковъ.

Примѣтилъ, или слышалъ государь, что нѣкоторые русскіе господа за его пристрастіе къ иностранцамъ, за свободное обхожденіе съ строителями кораблей, голландскими корабельщиками, нѣмецкими художниками и ремесленниками и проч., тайно негодовали и такимъ преимуществамъ завидовали. По этому однажды, въ присутствіи однихъ русскихъ, сказалъ предъ всѣми:

— «Знаю, что видимое преимущество, оказываемое мною чужестранцамъ, не нравится всѣмъ моимъ подданнымъ; но я имѣю двоякихъ подданныхъ: разумные и благонравные дѣйствительно видятъ, что я принимаю и ласкаю чужестранцевъ только для того, чтобы они охотно у насъ оставались, и дабы отъ нихъ научиться и подражать имъ въ наукахъ и искуствахъ; слѣдовательно—для благосостоянія государства и очевидной пользы моихъ подданныхъ. Имѣю также безразсудныхъ и злыхъ, которые не постигаютъ моихъ намѣреній и, не признавая ихъ полезными, остаются охотно въ прежнемъ своемъ невѣжествѣ, по глупости презираютъ все новое и даже охотно бы препятствовали, если-бы только могли. Они не разсуждаютъ—въ какомъ было у насъ все состояніи, прежде нежели я осмотрѣлъ иностранныя земли и привлекъ чужестранцевъ въ свое государство, и какъ бы мало я успѣлъ безъ ихъ помощи во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, имѣя многихъ и столь сильныхъ непріятелей».

29.

Посылка дворянъ и мѣщанъ въ чужіе краи.

По возвращеніи изъ перваго путешествія, государь опредѣлилъ посылать молодыхъ людей за море, для обученія наукамъ и художествамъ. Кораблеплаваніе, кораблестроеніе, гражданская и военная архитектура были тѣ науки, о введеніи которыхъ въ Россіи весьма ревностно заботился державный преобразователь. Для этого многіе изъ молодыхъ дворянъ посланы были въ Амстердамъ,

Лондонъ, Тулонъ, Брестъ и прочія мѣста, съ одобрительными письмами и приличнымъ содержаніемъ; а мѣщанѣ—въ Голландію, для изученія каменнаго мастерства и хорошаго жженія кирпича.—Они должны были, по прошествіи урочнаго времени, увѣдомлять его величество о своихъ успѣхахъ, а по возвращеніи своемъ, являться для испытанія; каждаго, по знанію и способностямъ, опредѣлялъ онъ къ должностямъ; а нерадивыхъ и ни въ чемъ не оказавшихъ успѣховъ, съ посмѣяніемъ отдавалъ подъ начальство Педріело, бывшаго главнаго придворнаго шута, которыми тотъ распоряжался по своему произволу, опредѣляя ихъ въ помощь истопникамъ и въ другія низкія должности. Видя пользу изъ такихъ посылокъ, государь умножилъ ихъ, по возвращеніи изъ втораго своего путешествія, и изъ мѣщанъ посылалъ уже больше; между ними посланы: Земцовъ и Еропкинъ—въ Италію, для архитектуры; Никитинъ и Матвѣевъ—въ Голландію, для живописи; Башмаковъ и многіе другіе—туда же, для пріобрѣтенія искуства въ каменномъ строеніи. При заложеніи адмиралтейскаго двора и другихъ большихъ строеній въ Петербургѣ, выписалъ онъ изъ Голландіи наилучшихъ кирпичныхъ мастеровъ, каменьщиковъ и строителей мостовъ и мельницъ, которымъ тогда же опредѣлилъ на помощь и своихъ подданныхъ, къ таковымъ ремесламъ назначенныхъ. Въ нѣсколько лѣтъ довелъ онъ своихъ до такого познанія, что не имѣлъ болѣе надобности въ голландскихъ мастерахъ; однакожъ оставилъ ихъ у себя въ службѣ, при полномъ жалованьи, до конца ихъ жизни, или до тѣхъ поръ, пока требовали сами себѣ увольненія.

Черепицы и кирпичи, величиною въ половину обыкновенныхъ, были приготовляемы по Голландскому образцу и по Витрувіеву наставленію *). Изъ сихъ кирпичей выстроены: пространное адмиралтейство, кузницы, слесарни и пр., подзорный дворецъ, лежащій при взморьѣ, между Калинкинымъ и Екатерингофомъ, лѣтній дворецъ и многія другія строенія, отъ которыхъ еще и до сего времени не отвалился ни одинъ почти камень. Слѣдовательно, мнѣніе многихъ, что императоръ, для своихъ строеній выписывалъ черепицы и кирпичи изъ Голландіи, несправедливо.

*) Напечатано въ Парижѣ, въ 12-ю долю листа, подъ заглавіемъ: «Le petit Vitruve» и переведено, по приказанію Петра I, на русскій языкъ. *Штелинъ.*

30.

Мнѣніе бояръ о посылкѣ дѣтей за границу.

Царь въ молодости своей, пылая, такъ сказать, желаніемъ насадить въ подданныхъ своихъ всякое познаніе, предпринялъ, въ 1689 году, послать многихъ дѣтей знатнаго своего дворянства въ чужія земли для ученія, и объявилъ о томъ отцамъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ повиновались тому въ молчаніи, не смѣя противорѣчить молодому и горячему монарху; но многіе осмѣлились отсовѣтывать ему такую посылку, говоря, между прочимъ: «Гдѣ нашимъ ребятамъ познать заморскія хитрости! ихъ разума на то не станетъ, и потому понапрасну только великій коштъ издержанъ будетъ.»

Такого рода мнѣнія, достойныя невѣжества тѣхъ, которые ихъ подавали, взволновали царя.

— «По вашему мнѣнію, говорилъ онъ, мы родимся одаренными отъ природы менѣе счастливо, чѣмъ другіе народы; Богъ, по вашему сужденію, далъ намъ душу ни къ чему неспособную? Между тѣмъ какъ у насъ такія-же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ и у людей другихъ народовъ, которымъ даны онѣ для развитія ума; по чему-же мы только выродки человѣческаго рода и должны имѣть умъ неразвитый? Почему-же мы только одни недостойны науки, облагораживающей всѣхъ прочихъ людей? Нѣтъ, такой же умъ и у насъ, мы такъ же будемъ успѣвать, какъ и другіе, ежели только захотимъ. Всѣмъ людямъ природа одинаково дала начала и сѣмена добродѣтелей, всѣмъ предназначено ими пользоваться, и какъ только кто возбудитъ въ людяхъ эти добродѣтели, то всѣ хорошія качества души вполнѣ пробуждаются.» *)

*) Дневникъ Корба, въ изд. М. И. Семевскаго.

31.

Счетъ Голландскаго трактирщика.

Въ Голландіи, въ 1716 году, Петръ вездѣ скрывалъ свое имя; пріѣхалъ онъ при наступленіи ночи въ Нимвегенъ, остановился въ одномъ трактирѣ переночевать, съ тѣмъ чтобы на разсвѣтѣ опять продолжать путь. Въ семъ намѣреніи хотѣлъ онъ тотчасъ успокоиться; спрашивали, что ему угодно кушать: онъ потребовалъ только яицъ въ смятку и кусокъ хлѣба съ масломъ и сыромъ. Спутники его сдѣлали ему компанію при этомъ умѣренномъ ужинѣ, и всѣ вмѣстѣ, выпивъ притомъ бутылки двѣ краснаго вина, легли спать. На разсвѣтѣ почтовыя лошади стояли уже запряженными; прежде царскаго выхода, бывшій при немъ гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, спросилъ у хозяина, что заплатить за ночлегъ и ужинъ. Хозяинъ требовалъ 100 червонцевъ. Гофмаршалъ ужаснулся и говорилъ хозяину, не стыдно-ли ему за десятокъ яицъ, кусокъ хлѣба съ масломъ и сыромъ дѣлать такой счетъ.

— «Отнюдь онъ не великъ», говорилъ хозяинъ, «и вы мнѣ должны заплатить 100 червонцевъ».

Это повторилъ онъ нѣсколько разъ, не спуская нимало цѣны. Шепелевъ, не смѣя заплатить столь чуднаго требованія и поставить на счетъ, доложилъ царю, спрашивая, какъ ему поступить съ такимъ безстыднымъ хозяиномъ; его величество, въ совершенномъ будучи увѣреніи, что никто его не знаетъ, самъ какъ будто бы ненарочно вышелъ на дворъ, которой былъ запертъ хозяиномъ, и спрашивалъ его по-голландски, за что онъ требуетъ 100 червонцевъ, такую большую сумму.

— «100 червонцевъ великая сумма?» говорилъ хозяинъ, «я бы заплатилъ 1000 червонцевъ, если бы былъ Россійской царь».

Петръ не сказалъ на это ни слова и, оборотившись, далъ знакъ маршалу заплатить требуемыя 100 червонцевъ. Безстыдный хозяинъ, принявъ деньги, отворилъ ворота и пожелалъ путешествующимъ добраго дня.

32.

Плотникъ Петръ Михайловъ.

Приближаясь къ Голландскимъ границамъ, Петръ оставилъ свое посольство и самъ поѣхалъ въ Амстердамъ, который желалъ съ нетерпѣніемъ видѣть. Прибылъ онъ туда за пятнадцать дней прежде посольства, имѣя съ собою нѣсколько молодыхъ дворянъ, въ числѣ коихъ находился Сибирскій царевичъ и Меншиковъ; осмотрѣвъ городъ, удалился немедленно въ Сардамъ*), въ нанятомъ суднѣ, которымъ самъ управлялъ, въ матросской одеждѣ; приставъ къ берегу, выскочилъ первый на землю, чтобы веревкою привязать свое судно, дабы тѣмъ менѣе могли его узнать. Съ бывшими при немъ вошелъ онъ въ первый вольный домъ; а какъ всѣ одѣты были по-русски, то скоро вольный домъ наполнился любопытствующими зрителями. Государь, убѣгая толпы народной, пошелъ въ особую комнату, приказавъ переводчику провѣдать, что про него говорятъ. Сказано ему было, что вѣдаютъ уже о томъ, что Россійскій государь находится въ свитѣ великаго посольства; а онъ, имѣя отъ государя повелѣніе, увѣрялъ при семъ народъ, что они не въ томъ числѣ, а особо посланные сюда учиться корабельному строенію. На другой день Петръ нарядился, съ бывшими при немъ, такъ какъ одѣваются ватерланскіе жители: въ короткой бострокъ краснаго боя и широкіе брюки бѣлаго холста; а какъ онъ прежде путешествія своего довольно уже голландскій языкъ разумѣлъ, то сіе и помогло ему удовлетворить любопытство свое въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ спрашивалъ или которыя видѣть и знать желалъ. Здѣсь обучался онъ корабельному строенію, здѣсь работалъ, какъ простой плотникъ, и съ товарищами пилъ и ѣлъ вмѣстѣ; здѣсь имѣлъ знакомство съ лучшими рукодѣльщиками и въ часы отдохновенія учился токарному искусству, а въ Амстердамѣ — съ лучшими художниками, мореходцами и знатными купцами, получалъ отъ нихъ разныя свѣдѣнія. Купилъ онъ одно судно, называемое буеръ,

*) Петръ прибылъ въ Сардамъ 7-го августа 1697 г., гдѣ прожилъ подъ именемъ плотника Петра Михайлова, въ хижинѣ мастероваго Киста, до 15 августа, а потомъ выѣхалъ въ Амстердамъ, работалъ тамъ на верфи Остъ-Индской компаніи 4 мѣсяца. *Ред.*

сдѣлалъ самъ складную мачту, на двѣ части разбиравшуюся, каковой до того не бывало и никто оной не выдумывалъ; эта новоизобрѣтенная мачта почтена была такимъ искуствомъ въ мастерствѣ, которое дало ему право быть принятымъ въ обществѣ корабельныхъ строителей, гдѣ онъ записанъ былъ подъ именемъ Петра Михайлова; но ему гораздо пріятнѣе было, когда друзья его называли сардамскимъ корабельщикомъ или мастеромъ Петромъ. На семъ-то буерѣ разъѣзжалъ онъ въ Амстердамъ и по другимъ мѣстамъ, правя имъ самъ, и молодые дворяне его поневолѣ принуждены были иногда претерпѣвать страхъ, ибо отважный и небоязливый государь въ самый сильный штурмъ хладнокровно странствовалъ. Между прочими особливаго знакомства удостосны были бургомистръ Витсенъ и мореплаватель Мусъ.

Сколько государь ни скрывалъ о себѣ въ Сардамѣ, однако это открылось чрезъ одного Голландца, получившаго письмо изъ Россіи. Монархъ тотчасъ примѣтилъ, по принужденному обхожденію товарищей своихъ и по ихъ почтенію, чего нѣсколько мѣсяцевъ не было, и которое ему оказывать начали,—что особа его была уже имъ извѣстна, досадовалъ онъ на это несказанно, видя, что они съ тѣхъ поръ обращались съ нимъ не такъ уже откровенно; онъ просилъ ихъ, чтобъ они на царское достоинство его не смотрѣли, и почитали бы его такъ, какъ прежде, говоря имъ по-голландски: «Если хотите быть моими друзьями, такъ обходитесь со мною не такъ какъ съ царемъ, а какъ съ своимъ товарищемъ, иначе лишите меня удовольствія быть вашимъ ученикомъ, ради чего я нарочно сюда пріѣхалъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи, мнѣ свобода тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, которое Сардамцамъ несродно».

33.

Петръ въ Парижѣ.

При отъѣздѣ въ Парижъ, въ 1717 году, Петръ сдѣлалъ самъ себѣ расположеніе путешествія и списокъ вещей, о которыхъ онъ тамъ хотѣлъ спрашивать и разсматривать. Посѣщая первой разъ опекуна королевскаго и правителя Франціи, герцога Орлеанскаго, прежде всего просилъ объ отложеніи всѣхъ пышныхъ обрядовъ и пожелалъ осмотрѣть королевскія строенія, инвалидные домы, госпитали, арсеналы, фабрики, мануфактуры, монетные дворы и проч.

Правитель, принявъ государя съ великимъ почтеніемъ, увѣрялъ, что чего бы ни пожелалъ его величество, все будетъ исполнено. Потомъ представили ему молодаго короля Людовига XV, которой царю сдѣлалъ маленькое привѣтствіе. Такъ какъ Петру должно было весьма низко наклониться, чтобъ увидѣть короля въ лицо, то онъ взялъ его, съ пріятнымъ видомъ, къ себѣ на руку и, поцѣловавъ, сказалъ:

— «Желаю отъ всего сердца, чтобы его величество выросъ благополучно и со временемъ славно царствовалъ. Можетъ быть мы когда-нибудь будемъ нужны и полезны другъ другу».

Князь Куракинъ, — которой находился Россійскимъ посланникомъ при Генеральныхъ Штатахъ Голландіи и Вестъ-Фрисландіи, долженъ былъ съ царемъ изъ Гаги путешествовать въ Парижъ, — при семъ высокомъ посѣщеніи, такъ какъ и вездѣ, заступалъ мѣсто переводчика. Царь, слышавъ о славномъ заведеніи въ Сентъ-Сирѣ, не далеко отъ Версаля, которое госпожа Ментенонъ, кроткая любовница Лудовика XIV, учредила для содержанія нѣкотораго числа благородныхъ дѣвицъ, и для своего собственаго убѣжища, хотѣлъ его также осмотрѣть.

Для сего послалъ онъ сказать о себѣ госпожѣ Ментенонъ, но въ отвѣтъ получилъ, что посѣщеніе его вмѣнила бы она себѣ за особливую честь, еслибъ не была больна, и еслибъ такое ея состояніе не препятствовало ей принять его.

— «Это не мѣшаетъ», сказалъ царь, «я не хочу ее безпокоить,

но должно ее видѣть и изъявить ей мое почтеніе: она имѣетъ весьма великія заслуги у короля и государства, которому сдѣлала много добра; напротивъ того, никогда никакого зла не причинила никому, кромѣ Гугенотовъ, и то по простотѣ и суевѣрію».

И въ самомъ дѣлѣ онъ въ тотъ же день поѣхалъ въ общество Сентъ-Спра, дабы посѣтить госпожу Ментенонъ. Нашедъ ее въ постелѣ, у которой занавѣсы были задернуты, отдернулъ ихъ полегоньку, привѣтствовалъ больную весьма дружескимъ образомъ, сѣлъ у ногъ ея на постель, извинялся, что онъ, можетъ быть, пришелъ не во время, съ такимъ притомъ привѣтствіемъ: такъ какъ онъ пріѣхалъ осмотрѣть все достопримѣчательное въ Парижѣ и Версали, то не могъ миновать ея и не засвидѣтельствовать ей своего почтенія. Его величество, не спускалъ съ нея глазъ и спросилъ потомъ, чѣмъ она больна?

— Старостію, отвѣтствовала она томнымъ голосомъ.

—«Этой болѣзни всѣ мы подвержены, если будемъ долго жить», сказалъ царь.

Потомъ всталъ, пожелалъ ей облегченія, вышелъ отъ нея и ходилъ по всему обществу, дабы осмотрѣть прекрасное его расположеніе и учрежденія.

День спустя, онъ осматривалъ славную шпалерную фабрику Гобеленскую, съ великимъ вниманіемъ и удивленіемъ. Ему были поднесены въ подарокъ, отъ имени правителя, четыре большія картины, тканныя съ прекраснѣйшихъ картинъ славнаго Жувенета, а именно: Рыбная ловля Св. Петра, Воскресеніе Лазаря, Исцѣленіе разслабленнаго и Изгнаніе изъ храма торгующихъ; всѣ фигуры были въ человѣческій ростъ *).

Въ королевской библіотекѣ царю показываемы были знатнѣйшія рѣдкости и поднесено ему въ подарокъ двѣнадцать большихъ книгъ, въ александрійскій листъ, переплетенныхъ въ сафьянъ подъ золотомъ, а именно: наилучшимъ образомъ выгравированныя изображенія королевскихъ зданій и садовъ въ Версали, и походы Людо-

*) Эти изящнѣйшіе, оцѣненные въ шестьдесятъ тысячъ талеровъ, обои всегда хранились съ великою бережливостію, и за нѣсколько еще предъ симъ лѣтъ ими украшены были три стѣны одного покоя въ Императорскомъ зимнемъ дворцѣ, въ Санкт-Петербургѣ. *Штелинъ. Изд. 1787 г.*

вика XIV, рисованныя славнымъ фонъ-деръ-Миленомъ и вырѣзанныя на мѣди лучшими художниками въ Парижѣ *).

Но нигдѣ царь не былъ лучше привѣтствованъ, какъ въ королевскомъ монетномъ дворѣ, на разсматриваніе котораго употребилъ онъ все время послѣ обѣда. Тамъ, разсматривая всѣ станы съ особеннымъ вниманіемъ, и разбирая отъ самыхъ малыхъ до величайшихъ орудій, просилъ, чтобъ ему показали также чеканы медалей и тиски. Въ то самое время начальникъ монетнаго двора велѣлъ подать серебряные и золотые кружечки, изготовленные для медалей, и позвавъ монетнаго мастера, приказалъ подать штемпель медали.

— «Какой прикажете», спросилъ мастеръ?

— Какой-нибудь, отвѣчалъ начальникъ, тотъ и лучше, который ближе.

Его тотчасъ положили въ тиски, наложили золотой кружечикъ и тиснули. Царь сверху внимательно замѣчалъ всѣ пріемы, первый подошелъ къ тискамъ и видѣлъ, какъ вынули медаль. Но какъ онъ былъ восхищенъ, когда начальникъ поднесъ ему еще теплую, изъ тисковъ, медаль: на одной сторонѣ, сверхъ его ожиданія, весьма живо представлено было грудное его изображеніе, а на другой—лестное эмблематическое привѣтствіе, представляющее летящую славу и рѣку, съ надписью: «crescit eundo», т. е. шествуя возрастаетъ. Долгое время удивлялся онъ этой неожиданной медали, которую тщательно разсматривалъ, нѣсколько разъ переворачивалъ и, наконецъ, показывая своимъ спутникамъ, говорилъ по русски: «это я, дѣйствительно я!» потомъ отпечатали еще нѣсколько такихъ медалей, и знатнѣйшимъ изъ царской свиты по золотой, а прочимъ по серебряной, сего же тисненія, подарено было. Рисунокъ и штемпель этой медали въ скорости сдѣланы тамъ тогда, когда уже получено было изъ Англіи извѣстіе о намѣреніи царя ѣхать въ Парижъ.

Эту медаль его величество имѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а по смерти его она отдана въ Минцкабинетъ императорской Академіи Наукъ, гдѣ она и понынѣ находится въ числѣ драгоцѣннаго собранія Россійскихъ медалей.

*) «Эти драгоцѣнныя книги Петръ Великій всегда имѣлъ въ своемъ кабинетѣ, но по смерти его отданы онѣ въ библіотеку Академіи Наукъ». *Штелинъ.*

Французы-современники такъ описываютъ Петра: онъ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, смуглъ, глаза у него большіе и живые, взглядъ проницательный. Когда онъ хотѣлъ сдѣлать кому-нибудь хорошій пріемъ, то физіономія его прояснялась и становилась пріятною, хотя всегда сохраняла немного сарматскаго величія. Его неправильныя и порывистыя движенія обнаруживали стремительность характера и силу страстей. Никакія свѣтскія приличія не останавливали дѣятельность его духа; видъ величія и смѣлости возвѣщалъ государя, который чувствуетъ себя хозяиномъ повсюду. Иногда, наскучивъ толпою посѣтителей, онъ удалялъ ихъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ, или просто выходилъ, чтобъ отправиться, куда влекло его любопытство. Если при этомъ экипажи его не были готовы, то онъ садился въ первую попавшуюся карету, даже пасмную; однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Матиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ, и приказалъ вести себя въ Булонь; маршалъ Тессе и гвардія, приставленная всюду сопровождать его, бѣгали тогда за нимъ, какъ могли. Петръ поражалъ французовъ и простотою своей одежды: онъ носилъ простое суконное платье, широкій поясъ, на которомъ висѣла сабля, круглый парикъ безъ пудры, не спускавшійся далѣе шеи, рубашку безъ манжетъ. Для него были приготовлены комнаты королевы въ Луврѣ; но это помѣщеніе ему не понравилось по великолѣпію, и онъ потребовалъ, чтобъ ему отвели квартиру въ домѣ какого-нибудь частнаго человѣка; ему отвели отель де-Лидигьеръ, подлѣ арсенала. Но и здѣсь мебель показалась ему слишкомъ великолѣпною; онъ велѣлъ вынуть изъ фургона свою походную постель и послать ее въ гардеробѣ. Онъ обѣдалъ въ 11 часовъ, ужиналъ въ восемь *).

*) Mémoires dé Duclos de Saint-Simon, t. XV.

34.

Причины поѣздки Петра во Францію.

До Петра попытки сближенія между Россіею и Франціею постоянно оканчивались неудачно; сближенію этихъ державъ мѣшала совершенная разрозненность ихъ интересовъ. Когда, по окончаніи внутренняго процеса собиранія французской земли, Франція, пользуясь своими обширными средствами, начала стремиться къ первенству въ Европѣ, то въ этомъ стремленіи встрѣтила сильное сопротивленіе отъ Габсбургскаго дома; отсюда ожесточенная борьба между нею и Габсбургами, отсюда господствующее направленіе французской политики къ тому, чтобы всѣми средствами вредить послѣднимъ, отсюда союзъ ея съ Турціею. Во время тридцати-лѣтней войны Франція отыскала удобное орудіе для нанесенія тяжелыхъ ударовъ Габсбургамъ: то была Швеція. Съ помощію Франціи Швеція получила важное значеніе, утвердилась на германской почвѣ; и Швеція исправно платила свой долгъ: въ ней Франція имѣла вѣрную союзницу противъ Австріи и Германіи, посредствомъ ихъ распространяла свое вліяніе и на восточную Европу. Но является новое государство, которое схватывается съ Швеціею, наноситъ ей страшные удары, отнимаетъ у нея значеніе первенствующей державы на сѣверо-востокѣ Европы и беретъ это значеніе себѣ. Франція употребляетъ дипломатическія усилія, чтобъ остановить успѣхи преобразованной Россіи, дать оправиться Швеціи посредствомъ турокъ и уничтожить русское вліяніе въ Польшѣ, но успѣха не было. Неуспѣхъ долженъ былъ повести къ мысли: если нельзя поднять Швецію, если нельзя сломить Россію, то нельзя-ли попытаться замѣнить союзъ съ слабою Швеціею союзомъ съ сильною Россіею? Россія была не прочь: лѣтомъ 1711 г. начались переговоры, но Прутскій миръ прервалъ ихъ.

По смерти Людовика XIV отношенія перемѣнились. На французскомъ престолѣ сидѣлъ ребенокъ, Людовикъ XV; регентъ, герцогъ Филиппъ Орлеанскій, чувствуя слабость Франціи и желая обезпечить свое положеніе, искалъ союза сильныхъ, не заботясь о поддержаніи слабыхъ. Франція сама желала сближенія съ Россіею. Первымъ усло-

віемъ союза съ Франціею Петръ поставилъ гарантію со стороны ея всѣхъ своихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ сѣверную войну. Франція не хотѣла принять этого условія, тѣмъ болѣе, что она уже сблизилась съ Англіею, король которой былъ въ явной враждѣ съ русскимъ царемъ. Таковы были отношенія Россіи къ Франціи, когда Петръ рѣшился самъ ѣхать въ Парижъ.

Кромѣ того тутъ было сильное желаніе прекратить какъ можно скорѣе войну; могло быть и другое побужденіе ѣхать самому во Францію: агентъ царскій во Франціи, Кононъ Зотовъ, отъ 17-го декабря 1716 года, писалъ Петру: «Бонмазари говорилъ съ Дэтре о женитьбѣ (вторичной) царевича Алексѣя на Европейской принцессѣ, и искусно спросилъ, неугодно-ли будетъ двору французскому царевича женить на принцессѣ французской, именно на дочери дюка д'Орлеанса? на что маршалъ отвѣчалъ, что весьма радъ слышать такую добрую мысль, и сказалъ, что царскому величеству ни въ чемъ здѣсь не откажутъ. Маршалъ объявилъ обо всемъ дюку, который сказалъ: я де-бы радъ былъ, чтобы сіе сегодня учинилося». Эти увѣренія, что здѣсь ни въ чемъ не откажутъ, могли внушить Петру мысль, которую онъ не покидалъ до конца жизни,— мысль о бракѣ своей дочери Елисаветы съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV.

Узнавъ о выѣздѣ Петра во французскія границы, регентъ отправилъ къ нему на встрѣчу маршала Тессе, который и привезъ его въ Парижъ 26-го апрѣля 1717 года, въ 9 часовъ вечера.

35.

Госпожа Ментенонъ.

Въ день отъѣзда изъ Парижа, 9-го іюня 1717 года, Петръ посѣтилъ и госпожу Ментенонъ. Онъ засталъ ее въ постели; царь открылъ занавѣсъ кровати и долго, пристально смотрѣлъ на нее молча, потомъ сѣлъ у ногъ ея на постель и спросилъ, чѣмъ она больна? Она отвѣчала: «старостію». Петръ всталъ и уѣхалъ. Въ Сорбоннѣ онъ оказалъ больше вниманія статуѣ Ришелье, чѣмъ живой Ментенонъ. Тѣмъ не менѣе его посѣщеніе какъ-то оживило лице

82-хъ-лѣтней старухи; свидѣтели этого свиданія разсказывали, что въ минуту появленія Петра на лицѣ старухи блеснулъ лучъ прежней красоты *).

36.

Посѣщеніе Инвалиднаго дома въ Парижѣ.

Петръ пожелалъ еще въ 1689 году посѣтить Парижъ, чтобы собрать въ немъ новыя полезныя свѣдѣнія. Для этого онъ обратился къ французскому двору. Но Людовикъ XIV—или изъ зависти къ славѣ Петра, или изъ политическихъ видовъ, далъ ему знать чрезъ своего посла въ С.-Петербургѣ, что такое посѣщеніе будетъ ему непріятно (que cette visite ne lui serait point agréable); почему царь и отложилъ свою поѣздку на неопредѣленное время. Когда же Людовикъ XIV (въ 1715 году) умеръ, тогда Петръ, въ маѣ 1717 г., явился инкогнито въ столицѣ Франціи и остановился въ отелѣ de Lesdiguières, что возлѣ аренала. Со всею подобающею честію принялъ его регентъ Филиппъ Орлеанскій отъ имени, тогда еще малолѣтняго, Людовика XV, назначивъ къ царю нѣсколько каммергеровъ, имѣвшихъ приказаніе повсюду сопутствовать его величеству; но такое распоряженіе было вовсе напрасно. Если, напримѣръ, царь намекалъ объ оперѣ, тотчасъ извѣщали о томъ всѣхъ танцовщиковъ и музыкантовъ. Танцовщики и музыканты ждутъ. Поѣхалъ не въ оперу, а пошелъ одинъ пѣшкомъ по разнообразнымъ заведеніямъ, коихъ множество находилось въ то время въ Porcherons de la grènouillière **). Онъ изъявилъ однажды желаніе побывать въ засѣданіи сорока членовъ французской академіи, и тотчасъ повѣстили о томъ членовъ; но Петръ сѣлъ въ карету и велѣлъ вести себя въ кабинетъ натуральной исторіи въ ботаническій садъ, не потому, чтобы онъ былъ врагъ поэзіи и краснорѣчія, но потому что зналъ, и не безъ основанія, что искуства и положительныя науки для его народа нужнѣе.

*) Сравни выше, разсказъ №. 33, стр. 58.

**) Теперь Faubourg de Montmartre и Port de Beruj. *Ред.*

Слѣдуя тому же безотчетному своему влеченію, вошелъ онъ, 13 мая 1717 года, въ Инвалидный домъ, въ такое время, когда ожидали его въ первый разъ къ Версальскому двору.

Петръ не носилъ никакихъ почетныхъ знаковъ, по коимъ бы можно было узнать высокое его званіе. Онъ одѣвался въ сюртукъ изъ толстаго темнозеленаго сукна польскаго покроя, а на голову надѣвалъ шапку, обшитую сибирскимъ мѣхомъ. Сверхъ того носилъ онъ, для верховой ѣзды, узкое лосиное нижнее платье и длинные съ стальными шпорами сапоги. Кожаный поясъ, на коемъ висѣла шпага съ мѣднымъ ефесомъ, дополнялъ его нарядъ. Такимъ образомъ одѣтый, прошелъ онъ обширную внутреннюю площадь дома и, разспросивъ о квартирѣ губернатора, пробрался, ни кѣмъ не примѣченный, въ его комнату.

— «Милостивый государь», сказалъ онъ отрывисто маршалу де Бель-Иль, кланяясь: «мнѣ желательно посмотрѣть домъ инвалидовъ. Дайте мнѣ человѣка, который бы мнѣ его показалъ; но пожалуйста поторопитесь: я спѣшу,—сегодня я долженъ быть въ Версалѣ!»

— Судя по вашему выговору, государь мой, отвѣчалъ губернаторъ, весьма удивленный появленіемъ столь необыкновеннаго гостя, вы вѣроятно иностранецъ?

Петръ кивнулъ головою.

— Я бы охотно исполнилъ ваше желаніе, но, къ сожалѣнію, долженъ вамъ въ томъ отказать. Повелѣніемъ его королевскаго высочества, регента, строго запрещенъ иностранцамъ входъ въ Инвалидный домъ, безъ приказанія военнаго министра. Принесите отъ министра записку, и я съ удовольствіемъ прикажу показать вамъ весь домъ.

— «Что!» сказалъ Петръ, изъ-коса посматривая на стараго маршала,—«чтобы видѣть Инвалидный домъ, я напередъ долженъ принести пропускную записку отъ военнаго министра?»

Маршалъ кивнулъ теперь въ свою очередь головою.

— «Хотя и нѣтъ у меня такой записки», продолжалъ царь небрежнымъ тономъ, «но все-таки домъ посмотрю!»

— Это будетъ не легко, государь мой!

— «И не такъ трудно, какъ вы думаете... Эй, тамъ!» вскри-

чалъ Петръ громкимъ голосомъ, «поведите меня сей часъ въ оружейную Инвалиднаго дома. Господинъ губернаторъ не хочетъ побезпокоиться провести меня туда».

Въ это время царь шпагою сильно ударилъ въ дверь.

— Остановитесь, государь мой, закричалъ маршалъ грозно,— знаете-ли чему вы подвергаетесь за подобный поступокъ? Инвалидный домъ—домъ королевскій, п...

— «Это я знаю», отвѣчалъ Петръ, «и потому-то именно хочу его видѣть».

— Еще разъ повторяю, государь мой, что долгъ службы моей заставляетъ вамъ отказать. Если вы, какъ я вижу по виду вашему, солдатъ, то позвольте вамъ напомнить, что вамъ слѣдовало бы имѣть поболѣе уваженія къ волѣ короля; а я, какъ дворянинъ, имѣю право требовать, чтобы подобные вамъ иностранцы обращались со мною повѣжливѣе.

— «А я повторяю вамъ, государь мой, что хочу непремѣнно осмотрѣть домъ; и хотя дворянское мое происхожденіе не ниже вашего, однакоже для васъ я хочу быть простымъ солдатомъ, пришедшимъ посѣтить заслуженныхъ солдатъ.—Я не хочу, чтобы сказали, что я прогулялся сюда даромъ», продолжалъ государь съ гнѣвомъ.

Во время этого спора вошли въ комнату — старый маркизъ де Шарпапсе и молодой графъ де Сентъ-Флорентинъ, имѣвшіе повелѣніе въ этотъ день сопровождать монарха въ Версаль.

— Любезный маршалъ, сказалъ маркизъ, его величеству, императору Россійскому, непужно особеннаго позволенія, чтобы осмотрѣть Инвалидный домъ: побѣдитель при Полтавѣ вездѣ дома, гдѣ есть герои и слава!

При этихъ словахъ герцогъ де Бель-Иль остолбенѣлъ, выпучилъ глаза, упалъ на колѣно предъ монархомъ и, запинаясь, проговорилъ:

— Какъ! возможно-ли?.. ахъ государь! ваше величество простите меня... Я не зналъ.

— «Вы ни въ чемъ не виноваты, господинъ маршалъ», прервалъ его Петръ, взявъ за руку герцога и поднимая его. Въ этой солдатской одеждѣ, которую ношу съ честію, врядъ-ли кто-нибудь

узнастъ брата французскаго короля. Напротивъ, я долженъ просить у васъ прощенія. Я хотѣлъ избавить этихъ двухъ господъ отъ длинной и скучной дороги, ведущей сюда отъ арсенала, гдѣ я остановился и откуда пріѣхалъ верхомъ. Но не успѣлъ обмануть ихъ услужливость и, кажется, поступилъ не очень хорошо, потому что они не допустили бы меня сдѣлать невѣжливость. Господа», продолжалъ онъ, обратясь къ двумъ вновь прибывшимъ, «я скиѳъ; повѣрьте, что скиѳъ этотъ удивляется и любитъ французскаго короля и его подданныхъ».

Въ эту минуту вошли въ комнату французы и чиновники Инвалиднаго дома, увѣдомленные графомъ Флорентиномъ о прибытіи Россійскаго императора.

— Господа, сказалъ маршалъ, прикажите сію минуту ударить тревогу, чтобы инвалиды собрались на площадь и выстроились въ боевой порядокъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, мой любезный маршалъ», возразилъ Петръ, смѣясь: «я сказалъ вамъ, что я простой солдатъ, и повторяю, что сегодня пришелъ къ вамъ не такъ, какъ императоръ, а какъ солдатъ. — Гдѣ они теперь?» спросилъ онъ съ живостію одного изъ офицеровъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ губернаторъ, теперь полдень; они у стола.

— «Такъ я ихъ навѣщу въ обѣденной залѣ.—Господа», проговорилъ онъ, взявъ стараго маршала подъ руку, «проводите насъ, если нѣтъ у васъ другаго дѣла».

Петръ медленно сходилъ съ лѣстницы, потому что маршалъ былъ не изъ числа проворныхъ, и, сопровождаемый своимъ штабомъ, маркизомъ де Шарпансе, графомъ де Сенъ-Флорентиномъ и многими слугами, императоръ вступилъ въ большую залу.

При видѣ длинныхъ столовъ, за коими четыре тысячи человѣкъ вкушали здоровый и простой обѣдъ, примѣтя съ какимъ стараніемъ прислуживали старымъ и немощнымъ, при тишинѣ тутъ царствовавшей, прерываемой только голосомъ унтеръ-офицера, читавшаго вслухъ жизнеописанія великихъ полководцевъ, Петръ не могъ пересилить своимъ чувствованій, слезы показались въ глазахъ его, и тронутый до глубины души, онъ все еще дер-

жалъ за руку стараго маршала, но скоро, отъ сильнаго душевнаго волненія, слезы полились сильнѣе, въ особенности когда услышалъ, что начали читать о полтавскомъ сраженіи. Дойдя до слѣдующихъ словъ, которыя унтеръ-офицеръ прочелъ громко и внятно: «Въ этотъ достопамятный день Петръ стяжалъ неувядаемую славу; онъ сражался какъ левъ и послѣ побѣды призрѣлъ раненыхъ, безъ разбора—и своихъ, и непріятелей», — всѣ инвалиды молча встали, и, приложивъ лѣвую руку къ шляпамъ, а правою поднявъ кружки вверхъ, устремили взоры свои на Петра.

Этому трогательному зрѣлищу царь долѣе не могъ противустоять.

— «Друзья!» закричалъ онъ громкимъ голосомъ, «дайте мнѣ стаканъ!»

Слуга въ королевской ливреѣ *) подалъ ему серебряный кубокъ, и маршалъ хотѣлъ его наполнить виномъ изъ собственнаго своего погреба.

— «Нѣтъ, нѣтъ!»—вскричалъ императоръ, отталкивая бутылку,—«хочу пить изъ такой же кружки, изъ какой пьютъ эти храбрые воины, и такое же вино».

Сержантъ подалъ ему свою кружку. Петръ наполнивъ самъ виномъ, и поднявъ вверхъ, произнесъ громко: «Товарищи! Петръ Россійскій пьетъ за ваше здоровье!» и однимъ разомъ выпилъ.

— Здоровье Петра, закричали инвалиды.

— «Вина»! закричалъ Петръ, подавъ другой разъ сержанту кружку: «Друзья! здоровье короля! благоденствіе Франціи!»

— Да здравствуетъ король! да благоденствуетъ Франція! возгласили инвалиды.

— «Прощайте, товарищи», сказалъ монархъ, уходя; «теперешнее мое посѣщеніе я никогда не забуду!»

Въ сопровожденіи окружавшей его толпы, царь потомъ осмотрѣлъ всѣ части строенія, свѣтлымъ умомъ и проницательнымъ взоромъ, болѣе нежели сообщаемыми ему поясненіями, постигалъ царь тотчасъ все хорошее въ семъ заведеніи и замѣчалъ все требовавшее усовершенствованія. Онъ хотѣлъ видѣть все: спальни, погреба, лазаретъ, церковь и даже кладбище, окружавшее въ то время

*) Въ то время инвалидамъ прислуживали королевскіе слуги.

зданія инвалиднаго дома, а нынѣ обращенное въ гульбище. Онъ восхищался порядкомъ и повсемѣстною чистотою.

— «Если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь», сказалъ онъ губернатору, «то я постараюсь въ Петербургѣ, въ подражаніе Людовику XIV, воздвигнуть такой же Инвалидный домъ. За камнемъ, деревомъ и желѣзомъ дѣло у меня не станетъ, но статься можетъ— буду нуждаться въ людяхъ, подобныхъ вамъ, для управленія моимъ заведеніемъ. И при всемъ томъ», прибавилъ онъ со вздохомъ, «я все начинаю; не знаю-будутъ-ли продолжать начатое!»

— Богъ, ваше величество, перебилъ его маршалъ де Шарпантье,—Богъ хранитъ великія державы, когда великіе люди не существуютъ болѣе.

Губернаторъ приказалъ тихонько, чтобы инвалиды, прежде чѣмъ монархъ оставитъ Инвалидный домъ, встали подъ ружье. Когда царь все обозрѣлъ, г. де Бель-Иль повелъ его на эспланаду, на которой старые воины стояли въ боевомъ порядкѣ. Удивленный этою быстротою, государь сказалъ съ улыбкою:

— Поистинѣ, во Франціи одно чудо погоняется другимъ; мы, жители сѣвера, не такъ развязны. — Предварительно, г. маршалъ, я жалую вамъ орденъ св. Андрея, и какъ скоро возвращусь въ Россію, немедленно вышлю къ вамъ пятьдесятъ бочекъ нашего вина для Инвалиднаго дома».

Послѣ того, отдавъ поклонъ знаменамъ, которыя предъ нимъ преклонили до земли, пожавъ руку маршалу и кивнувъ головой въ знакъ прощанія солдатамъ, Петръ сѣлъ въ экипажъ, который Шарпантье и гр. Флорентинъ приказали подать, чтобъ везти Петра Великаго въ Версаль гдѣ ожидалъ его дворъ.

Когда всегдашніе гости въ Oeil de Boeuf увидѣли входящаго въ залу геркулеса, Россійскаго монарха въ его нарядѣ, котораго не счелъ онъ за нужное перемѣнить, всѣ придворные были поражены невольнымъ удивленіемъ; удивленіе ихъ увеличилось еще болѣе, когда увидѣли гордый видъ его, съ какимъ онъ встрѣтилъ королевскую фамилію, желая тѣмъ показать, что не забылъ еще отказъ, сдѣланный ему Людовикомъ XIV, двадцать восемь лѣтъ тому назадъ. Считая неумѣстнымъ идти впереди Людовика XV, и не желая также идти позади ребенка, схватилъ онъ юнаго короля, къ

великой досадѣ придворныхъ, на руки, и такимъ образомъ вошелъ съ нимъ въ галлерею. Спустя два года, онъ сдержалъ слово свое, данное въ Инвалидномъ домѣ. По запискамъ этого дома видно, что 14-го сентября 1719 года прибыло въ Гавръ 50 бочекъ донскаго вина, которое тотчасъ было препровождено въ Парижъ, и поступило въ домъ инвалидовъ 28-го числа того же мѣсяца*).

37.

Монументъ маршалу Тюреню.

Іюня 2-го дня 1717 года, послѣ полудня, ѣздилъ государь въ С. Дени — смотрѣть разныя сокровища, королевскія гробницы и славное зданіе монастыря. Увидя тамъ маршалу Тюреню поставленный мраморный монументъ, при которомъ поставленъ орелъ устрашенный, Петръ Великій спросилъ: «что это значитъ?» и когда донесено было, что эта эмблема знаменуетъ Германію, подвигами сего славнаго героя въ ужасъ приведенную, то на сіе его величество сказалъ: «потому то сей орелъ пасмуренъ и не перистъ, что Тюрень крылья у него обстригъ. Достойному мужу достойная и честь, когда Тюрень между королями погребенъ». Но между знатными россіянами государь, разсуждая, говорилъ: «желалъ бы я видѣть гробницу Монтеку кули, представлены-ль тамъ лиліи цвѣтущими».

38.

Русская баня въ Парижѣ.

Въ 1717 году, въ бытность Петра въ Парижѣ, приказалъ онъ сдѣлать въ одномъ домѣ для гренадеровъ баню, на берегу Сены, чтобъ они могли послѣ пару купаться. Такое необыкновенное и, по мнѣнію парижанъ, приключающее смерть дѣйствіе произвело многолюдное сборище. Парижане съ удивленіемъ смотрѣли, какъ солдаты, выбѣгая разгоряченные баннымъ паромъ,

*) Изъ журнала Военно-Учебныхъ заведеній, 1845 г., № 205.

кидались въ рѣку, плавали и ныряли. Королевскій гофмейстеръ Вертонъ, находящійся при государѣ, видя самъ такое купанье, докладывалъ Петру (не зная, что это дѣлалось по его приказу), чтобы онъ запретилъ солдатамъ купаться, ибо-де всѣ перемрутъ. Государь, разсмѣявшись, отвѣчалъ: «Не опасайтесь, г. Вертонъ. Солдаты отъ парижскаго воздуха нѣсколько ослабли, такъ закаливаютъ себя русскою банею. У насъ бываетъ это и зимою; привычка—вторая натура».

39.

Русскій кулакъ и Англійскій лобъ.

Во время пребыванія Петра I въ Лондонѣ, случилось ему видѣть на площади воксала англійскихъ бойцовъ, сражающихся другъ съ другомъ лбами, изъ которыхъ одинъ побивалъ всѣхъ. Возвратясь къ себѣ въ домъ, разсказывалъ о такомъ сраженіи прочимъ россіянамъ и спрашивалъ: нѣтъ ли охотниковъ изъ гвардейскихъ гренадеровъ, при свитѣ находившихся, побиться съ силачемъ лондонскимъ? Вызвался одинъ гренадеръ мочной, плотной, бывалый въ Москвѣ часто на бояхъ кулачныхъ и на себя надѣявшійся; онъ просилъ позволенія сперва посмотрѣть такую битву, что и было разрѣшено. Гренадеръ, примѣтя всѣ ухватки ихъ, увѣрялъ государя, что онъ перваго и славнаго бойца сразитъ разомъ такъ, что съ русскими впредь биться не пожелаетъ. Государь, улыбнувшись, говорилъ ему:

— «Полно, такъ-ли? я намѣренъ держать закладъ; не постыди насъ».

— Извольте, государь, смѣло держать; я не только этого удальца, да и всѣхъ съ нимъ товарищей вмѣстѣ, однимъ кулакомъ размечу: вѣдь я, царь-государь, за Сухаревою башнею противъ кулачной стѣны хаживалъ! Я зубы съ челюстями и ребры англичанину высажу.

Спустя нѣсколько дней, Петръ обѣдалъ у герцога Леедса; завелъ разговоръ о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и сказалъ ему, что русскій гренадеръ побѣдитъ перваго ихъ витязя. Прочіе лорды,

увѣренные о силѣ и мастерствѣ побѣдителя своего, противъ котораго никто не могъ стоять, осмѣлились предложить, не угодно-ли государю подержать закладъ, что англичанинъ верхъ одержитъ.

—«А сколько?» спросилъ государь.

— Пять сотъ гиней.

—«Пять сотъ гиней! добро. Но вѣдайте, господа, что мой боецъ лбомъ не бьется, а кулакомъ обороняется».

Къ сраженію назначенъ былъ садъ Карокатена, сына Леедса. Его величество, бывшіе при немъ россіяне, Карматенъ и Дсанъ (послѣдній былъ искусный корабельный мастеръ; обоихъ государь любилъ и они всегда при немъ находились) и прочіе лорды прибыли туда. Явились два бойца; англичанинъ богатырскимъ своимъ видомъ, при первомъ на соперника своего взглядѣ, увѣрялъ уже почти каждаго зрителя, что это для него есть малая жертва. Всѣ думали, что гренадеръ не устоитъ. Тотъ вызывалъ соперника своего, но гренадеръ, поджавъ руки, стоялъ прямо, не спускалъ съ ратоборца глазъ и ожидалъ его къ себѣ. Зрители смотрѣли со вниманіемъ. Англичанинъ, нагнувъ по обыкновенію шею, устремилъ твердый лобъ свой противъ груди гренадерской и шелъ его сразить; всѣ ждали послѣдствія произведеннаго лбомъ удара, какъ вдругъ увидѣли, что гренадеръ, не допустивъ его до себя, вмигъ кулакомъ своимъ треснулъ англичанина по нагбенной шеѣ въ становую жилу и такъ метко и проворно, что шотландскій гигантъ палъ на землю и растянулся. Зрители кричали и били въ ладоши и кланялись государю; закладъ былъ уплоченъ. Государь, оборотясь къ своимъ, весело сказалъ:

— «Русскій кулакъ стоитъ англійскаго лба; я думаю онъ безъ шеи».

Тотчасъ сраженному бойцу пущена была кровь, думали, что онъ умретъ, но онъ очнулся. Побоище тѣмъ и кончилось, и слава бойца погибла. Его величество весьма старался, чтобъ англійскаго бойца вылечили, для чего подозвавъ къ себѣ лекаря, и наказывая о излеченіи, далъ врачу двадцать гиней; изъ выиграннаго заклада пожаловалъ побѣдившему гренадеру двадцать гиней, англичанину бойцу двадцать гиней, бывшимъ съ нимъ гренадерамъ тридцать гиней, черни бросилъ пятьдесятъ гиней, а остальныя деньги отослалъ

въ инвалидные домы. Потомъ государь приказалъ тутъ же всѣмъ своимъ гренадерамъ прежде бороться, а послѣ между собою сдѣлать кулачной бой, чтобъ показать лордамъ проворство, силу и ухватки русскихъ богатырей, чему все собраніе весьма удивлялось, ибо всѣ находившіеся при Петрѣ, въ путешествіи гренадеры выбраны были люди видные, рослые и сильные, и прямо похожи были на древнихъ богатырей.

40.

Великанъ Николай.

Въ Кале Петръ смотрѣлъ военныя экзерциціи; потомъ любопытствовалъ видѣть огромнаго великана, по имени Николая, и, увидя, спросилъ, хочетъ-ли онъ быть у него?

— Желаю, ваше величество, только чтобы не ѣхать чрезъ Берлинъ и не попасться въ руки короля Прусскаго: онъ непремѣнно выпроситъ меня у васъ и сдѣлаетъ Потсдамскимъ солдатомъ.

«Правда», сказалъ государь, «у него ты былъ бы въ шеренгѣ первый гренадеръ и флигельманъ, но у меня будешь первый гайдукъ. Не бойся, Потсдамскимъ воиномъ тебѣ не быть и короля не видать».

Почему и приказалъ отправить его моремъ въ Петербургъ, гдѣ, по возвращеніи государя, Николай служилъ и у него стаивалъ за столомъ. Сей великанъ есть тотъ самый, который находился потомъ въ Санкт-Петербургской Кунсткамерѣ.

41.

Гробница Лютера.

Любопытство къ познанію всего и желаніе—при всякомъ случаѣ удовлетворить его, были въ Петрѣ не ограниченны. Въ путешествіи своемъ при естественной или иной какой достопамятности, вставалъ онъ повсюду и осматривалъ. Если онъ на пути своемъ проѣзжалъ чрезъ деревушку или городокъ, котораго едва было извѣстно имя, всегда останавливался и освѣдомлялся, не находилось-ли

тамъ чего достойнаго примѣчанія. Какъ скоро ему отвѣтствовали, что есть что-нибудь такое, и присовокуплялп, что то не особливая или чрезвычайная какая вещь, онъ говаривалъ всегда: «Почему знать, можетъ быть только въ вашихъ, а не въ моихъ глазахъ; я хочу самъ посмотрѣть». И дѣйствительно, часто случалось, что онъ, сверхъ всякаго чаянія, находилъ предметы достойные своего вниманія. Такъ однажды, въ маломъ городкѣ, въ нѣмецкой землѣ, въ трактирѣ, гдѣ онъ остановился, поднесли ему для продажи цризящной работы висячій замокъ и другія прекрасныя вещи слесарной работы, за весьма малую цѣну. Узнавъ по распросамъ, что эти и многія другія вещи такой же работы были сдѣланы тамошнимъ слесаремъ, которой только и былъ одинъ, почелъ за достойное посѣтить самаго мастера. Онъ увидѣлъ у него различные отмѣнной выдумки и работы замки, приказалъ себѣ показать искусное ихъ строеніе, разсматривалъ работу и мастера съ особымъ вниманіемъ, и держа въ рукѣ одинъ изъ купленныхъ замковъ, обратясь къ своимъ спутникамъ, сказалъ: «Видали вы гдѣ у насъ такую работу? чаяли-ль найти ее въ этомъ городкѣ?» а мастеру велѣлъ сказать, что если онъ хочетъ имѣть большой расходъ на свои рукодѣлія, чего въ такомъ маломъ мѣстѣ конечно ожидать не можетъ—то пусть ѣдетъ въ Петербургъ и прямо явится къ государю, которой не премнетъ споспѣшествовать его счастію.

Во второмъ своемъ путешествіи въ Голландію, въ 1716 году, пріѣхалъ онъ передъ обѣдомъ въ Виттембергъ, въ Саксоніи, и пока приготовляли ему обѣдъ, спрашивалъ у хозяина, что тутъ обыкновенно осматриваютъ чужестранные путешественники?

— Не много особливаго, отвѣтствовалъ хозяинъ, развѣ только старой курфирстской замокъ, мѣдную гробницу доктора Лютера въ церкви сего замка, его прежнее жилище и учебной покой.

— «Вотъ кстати!» сказалъ государь, «надобно мнѣ это посмотрѣть: весьма много хорошаго слышалъ я объ этомъ знаменитомъ мужѣ.»

Высокій путешественникъ прежде обѣда еще просилъ, чтобъ его проводили въ церковь замка, гдѣ онъ со вниманіемъ разсматривалъ вылитое изъ мѣди изображеніе доктора Лютера надъ гробницею, во весь его ростъ, и, отходя отъ него сказалъ: «Подлинно,

онъ заслужилъ это.» Въ покояхъ, гдѣ Лютеръ жилъ и умеръ, было ему показано на стѣнѣ, въ учебной комнатѣ, большое чернильное пятно; при чемъ разсказывали старую сказку, что однажды когда Лютеръ писалъ, явился ему діаволъ и различными кознями старался мѣшать его мысли; Лютеръ такъ разсердился, что, схвативъ чернильницу, бросилъ діаволу въ рожу, отчего и произошло это большое чернильное пятно, котораго доселѣ нельзя отмыть. Петръ очень смѣялся этой сказкѣ, и говорилъ:

«Неужели такой разумный мужъ вѣрилъ, что діавола можно видѣть?»

Замѣтилъ монархъ, что вся закоптѣлая стѣна снизу до верху уписана была карандашемъ; ему объяснили, что это имена чужестранцевъ и проѣзжихъ, посѣщавшихъ это жилище, которые для памяти, что они тамъ были, написали свои имена.

— «Такъ и мнѣ надобно написать свое имя», сказалъ государь.

Тогда вынулъ онъ кусокъ мѣлу изъ кармана и подлѣ упомянутаго чернильнаго пятна написалъ русскими словами: «Петръ». Чтобы эту достопамятность сохранить невредимою, давно уже сдѣлана около подписи круглая, въ два дюйма, возвышенная оправа изъ жести, съ рѣшеткою, въ семь или восемь дюймовъ въ поперечникѣ, изъ такого же желѣза, чрезъ которую можно ясно читать это имя *).

42.

Физическая сила Петра I.

Извѣстно, что Петръ Великій и Августъ, король Польскій имѣли необычайную силу. Однажды случилось быть имъ вмѣстѣ въ городѣ Торнѣ, на зрѣлищѣ битвы буйволовъ. Тутъ захотѣлось поблистать Августу предъ царемъ богатырствомъ своимъ, и для этого, схватя за рога разсвирѣпѣвшаго буйвола, который упрямился идти,—однимъ махомъ сабли отсѣкъ ему голову.

*) Штелинъ прибавляетъ, что при проѣздѣ въ Россію, въ 1735 г., онъ видѣлъ и читалъ эту подпись, но что означала буква Ъ — никто не умѣлъ тамъ объяснить. *Ред.*

— «Постой, братъ Августъ», сказалъ ему Петръ, «я не хочу являть силы своей надъ животнымъ, прикажи подать свертокъ сукна».

Принесли сукно; царь взялъ одною рукою свертокъ, кинулъ его вверхъ, а другою рукою, выдернувъ вдругъ кортикъ, ударилъ на лету по немъ такъ сильно, что раскроилъ его на двѣ части. Августъ сколько потомъ ни старался сдѣлать тоже, но былъ не въ состояніи.

При свиданіи съ королемъ Августомъ въ городкѣ Биржѣ, царь Петръ Алексѣевичь остался у него ужинать. Во время стола Августъ замѣтилъ, что поданная ему серебряная тарелка была не чиста; согнувъ ее рукою въ трубку, онъ бросилъ въ сторону. Петръ, думая что король щеголяетъ предъ нимъ силою, также согнулъ тарелку вмѣстѣ и положилъ передъ собою. Оба сильные государя начали вертѣть по двѣ тарелки, и перепортили бы весь сервизъ, ибо сплющили потомъ между ладонями двѣ большія чаши, если бы эту шутку не кончилъ Петръ слѣдующею рѣчью: «братъ Августъ, мы гнемъ серебро изрядно, только надобно потрудиться, какъ бы согнуть тамъ шведское желѣзо».

43.

Польша во время Петра I.

Государь, пиршествуя у Лефорта, гдѣ находились всѣ генералы и чужестранные министры, между разговорами о своемъ путешествіи, говорилъ польскому резиденту, что онъ, проѣзжая чрезъ Польшу, чуть-было на пути съ голоду не умеръ: такую бѣдность нашелъ онъ тамъ; на это резидентъ отвѣчалъ:

— Удивляюсь сему, всемилостивѣйшій государь! я тамъ рожденъ и воспитанъ, однакожъ совсѣмъ тѣмъ, слава Богу, живъ, здоровъ и толстъ.

— «Хорошо», сказалъ ему государь, «ты думаешь, что разжирѣлъ въ Польшѣ; а я думаю, такъ въ Москвѣ, пируя часто съ нашими».

Резидентъ позадумался, прочіе смѣялись, а государь, примѣтя, что онъ не веселъ сталъ, съ улыбкою продолжалъ:

— «Не гнѣвайся, господинъ резидентъ; я Польшѣ пріятель и шутилъ. Знаютъ всѣ, что она изобильна и богата; только теперь богаче она еще тѣмъ, что Августъ у васъ король».

Потомъ приказалъ поднесть ему бокалъ венгерскаго вина и сказалъ:

—«Выпьемъ за здоровье Августа; за этотъ напитокъ мы васъ благодаримъ; у насъ въ Москвѣ—доморощенный квасъ, медъ да пиво, а современемъ изъ Астрахани и съ Дона будемъ имѣть и вино; тогда уже господъ министровъ попотчую я своимъ, а не чужимъ!»

44.

Посѣщеніе Фридриха I.

Петръ никогда не показывалъ своего величія, что можно видѣть изъ всей его жизни. Наружное великолѣпіе почиталъ онъ себѣ за тягость и суетность, безъ которой легко обойтиться можно. По своему образу жизни и обычаю, и при самыхъ знатнѣйшихъ дворахъ, издержки для наружной пышности, считалъ онъ зломъ и обыкновенно говаривалъ: «Всякому государству такія излишнія издержки надлежитъ употреблять на пользу подданныхъ». Правило это онъ ни отъ кого не скрывалъ, даже отъ иностранныхъ дворовъ, во время своего путешествія. У короля Вилліама его спросили: какъ ему показался Лондонъ? онъ при всѣхъ отвѣчалъ, что въ немъ весьма многое ему нравится, особливо же тѣмъ, что нѣтъ наружнаго великолѣпія, и что, богатые люди ходятъ тамъ просто и опрятно.

Напротивъ того, Фридрихъ I, король Прусскій, былъ великій церемонимейстеръ; внукъ его, Фридерикъ II, пишетъ *), что онъ о смерти супруги своей менѣе печалился, нежели радовался, потому что чрезъ это получилъ случай удовольствовать свою склонность къ великолѣпію и церемоніямъ, приготовленіемъ пышныхъ похоронъ. Когда онъ узналъ, что императоръ Петръ предприни-

*) Memoires de Brändenbourg. *Штелинъ.*

маетъ путешествіе въ Голландію и Францію, то приказалъ пребывающему въ Петербургѣ своему министру торжественно просить направить дорогу чрезъ Берлинъ и удостоить короля своимъ посѣщеніемъ.

Съ того времени приказалъ уже король дѣлать приготовленія къ великолѣпному пріему государя и пышнымъ торжествамъ для великаго гостя. При всемъ томъ, что Петръ далъ согласіе ѣхать чрезъ Берлинъ, отказываясь именно отъ всякаго великолѣпія и церемоній, король Прусскій ни какъ не оставилъ своихъ приготовленій. Государь расположилъ путь свой такъ, что въѣхалъ въ Берлинъ поздно вечеромъ и остановился у своего посланника; какъ скоро узналъ о семъ король, то, не взирая что была уже ночь, прислалъ оберъ-церемонимейстера и двухъ знатныхъ придворныхъ кавалеровъ поздравить его съ прибытіемъ. Петръ далъ имъ знать, что едвали онъ пробудетъ въ Берлинѣ дня два, и если королю угодно, то намѣренъ онъ завтра, около полудня, сдѣлать ему посѣщеніе. Въ девять часовъ утра явилась весьма великолѣпная карета, заложенная шестью прекрасными лошадями; при государю были находившіеся въ Берлинѣ для ученія: князь Куракинъ, бывшій послѣ оберъ-шталмейстеромъ, Бестужевъ, послѣ графъ и канцлеръ, и молодой графъ Головкинъ, сынъ тогдашняго канцлера; они должны были ѣхать съ нимъ къ королю. Великолѣпный придворный экипажъ ожидалъ государя и его свиту до полудня, какъ вдругъ послано имъ сказать, что императоръ давно уже у короля, ибо въ одиннадцать часовъ тайно вышелъ изъ дома чрезъ заднее крыльцо, и прошелъ пѣшкомъ въ королевской дворецъ съ своею свитою, безъ всякихъ великолѣпныхъ церемоній.

По дружескомъ пріемѣ, король спросилъ его съ удивленіемъ: подлинно-ли его величество изволилъ притти пѣшкомъ, и не принять присланныхъ для него экипажей, которые за нѣсколько часовъ уже стояли у квартиры? Государь, поблагодаривъ короля за всѣ его приготовленія, сказалъ: «Вамъ извѣстно, что я къ пышности не привыкъ; пѣшкомъ же иной день хожу въ десять разъ болѣе нынѣшняго».

45.

Фабриканты.

Государь любилъ почтеннаго старца Полуярославцева, и желая заведенную имъ шелковую фабрику видѣть въ лучшемъ состояніи, часто бывалъ у него и на фабрикѣ; за многое его благодарилъ, а иное приказывалъ переправить; давалъ тому своеручные чертежи и изустныя наставленія; садился иногда самъ за станъ, принимался за челнокъ и ткалъ разныя матеріи, какъ мастеръ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, послѣ обѣда, между прочимъ государь спросилъ у Полуярославцева: имѣетъ-ли онъ у себя хорошее русское пиво? и какъ дѣйствительно таковое у него тогда случилось, то, выкушавъ стаканъ, сказалъ: «пиво очень хорошо; когда случится мнѣ ѣхать мимо твоего дома, буду къ тебѣ заѣзжать». Въ одно время монархъ, послѣ обѣда-же, заѣхавъ къ нему, спросилъ хозяина; государю отвѣтствовано, что хозяинъ послѣ обѣда уснулъ, его тотчасъ разбудятъ. Монархъ запретилъ будить, пошелъ въ садъ и велѣлъ подать себѣ кружку пива.

Между тѣмъ хозяинъ проснулся; ему сказано, что государь прогуливается въ саду; онъ негодуетъ на домашнихъ, что его не разбудили, одѣвается съ поспѣшностью, приходитъ къ государю и проситъ простить его, что не могъ принять его величества, какъ долгъ подданнаго ему предписываетъ; но государь на это сказалъ ему: «Я, другъ мой, заѣзжаю къ тебѣ не съ тѣмъ, что бы тебя безпокоить, такъ за что же мнѣ на тебя сердиться, когда ты, исправя свои утреннія дѣла, имѣешь нужду въ отдохновеніи».

Изъ первыхъ суконныхъ фабрикъ въ Москвѣ, по изустному повелѣнію государя, заведена была одна московскимъ купцомъ Сѣриковымъ; монархъ, доставя ему нужные къ тому инструменты и проч., повелѣлъ къ назначенному сроку сдѣлавъ пробную половинку сукна и принести къ себѣ.

Хотя, по новости дѣла и по малому знанію мастера, первая половинка сукна весьма была плоха, однакожъ онъ долженъ былъ

принести ее во дворецъ. Ему показана была комната, въ которой слѣдовало дождаться монарха.

Между тѣмъ Екатерина знала купца Дубровскаго; и въ то же время, когда приказано было Сѣрикову завести фабрику, просила и того завести таковую же, снабдила его всѣмъ нужнымъ и приказала чтобы онъ къ тому же самому сроку, какъ и Сѣриковъ, сдѣлалъ бы на пробу половинку сукна, какъ возможно лучше и добротнѣе Сѣрикова, во что-бы она ни стала. Желаніе государыни Дубровскій исполнилъ въ совершенствѣ и сверхъ чаянія Сѣрикова, явился также съ своею половинкою, въ тотъ же самый покой и ожидалъ прибытія монарха. Сѣриковъ, не зная ни Дубровскаго, ни того, что имъ заведена была фабрика, подошелъ къ его половинкѣ сукна, пощупалъ, и убѣдясь что оно несравненно лучше принесенной имъ, приведенъ былъ въ крайній страхъ отъ ожидаемаго на него гнѣва государя, чего онъ считалъ себя по справедливости заслуживающимъ; въ эту минуту отворились двери и вошли государь съ супругою. Его величество былъ только въ канифасной фуфайкѣ съ костяными пуговками; пожаловавъ ожидавшихъ его къ рукѣ, подошелъ сперва къ половинкѣ Сѣрикова и пощупалъ сукно; въ то же время государыня сказала:

— «Посмотри, батюшка, каково тебѣ покажется сукно моего-то фабриканта?»

Петръ, не говоря ни слова, подошелъ и къ той половинкѣ и пощупавъ также сукно, спросилъ:

— «Дубровскій, изъ какой шерсти дѣлалъ ты сукно свое?»

Не могъ не признаться Дубровскій, что оно дѣлано изъ одной пуши.

— «А ты, Сѣриковъ, изъ какой?» спросилъ у послѣдняго государь.

— Изъ обыкновенной стригушки, отвѣчалъ тотъ трепещущимъ голосомъ.

Послѣ сихъ отвѣтовъ монархъ, обратяся къ государынѣ, сказалъ:

— «Чтожъ ты хвастаешь своимъ-то сукномъ? оно ни куда не годится; и ты, Дубровскій, впередъ не выщипывай одной пуши: ты перепортишь у меня тѣмъ всю шерсть, а старайся изъ стригушки дѣлать получше; мнѣ надобно столько сукна, чтобъ одѣть

всю армію, не выписывая иностраннаго, а это (указывая на сукно Сѣрикова) чѣмъ дурно? оно дѣлано изъ стригушки, какова она ни есть, цвѣтно, полотно для солдата прочно и тепло. — Благодарствую, господинъ Сѣриковъ, я увѣренъ, что ты постараешся получше сего сдѣлать.»

Такое милостивое ободреніе возбудило въ Сѣриковѣ ревностнѣйшее желаніе угодить возлюбленному государю, и съ сего времени неусыпное прилагалъ онъ попеченіе о доведеніи фабрики своей до лучшаго состоянія.

Впрочемъ, какъ монархъ доволенъ былъ и началомъ еще сихъ фабрикъ, о томъ можемъ мы судить изъ письма гоеударя къ князю Меншикову, писаннаго въ послѣднихъ числахъ декабря 1705 года: «Сукна дѣлаютъ (точныя его слова) и умножается дѣло сіе зѣло изрядно; и плодъ даетъ Богъ изрядный; и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ него къ празднику» (Рождества Христова).

Великій хозяинъ, когда ни бывалъ въ Москвѣ, хотя бы то было и на короткое время, никогда не оставлялъ того, чтобы не осмотрѣть самому всѣ московскія фабрики; онъ давалъ при этомъ всегда наставленія—какъ лучше что исправить, что перемѣнить, что вновь сдѣлать; училъ ткачей, садясь самъ за станы, а ткавши объяснялъ всѣ подробности и пріемы, нужные въ искусствѣ тканья.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній фабрики Сѣрикова, осматривая, по обыкновенію, всѣ работы въ ней, сдѣланныя сукна, матеріалы, припасы, и проч., заглядывая въ кладовыя и амбары, государь уви дѣлъ въ одномъ амбарѣ немалое число половинокъ каразеи и спросилъ: для чего такъ ея много лежитъ? Сѣриковъ отвѣчалъ, что велѣно было ему, указомъ изъ адмиралтейства, сдѣлать все это количество каразеи на мундиры матросовъ; но послѣ отмѣнено, почему вся она и осталась.

— «Такъ для чего же ты ее не продаешь?»

— Не покупаютъ, всемилостивѣйшій государь, ибо никому она не надобна, а для подкладокъ солдатскихъ мундировъ обязались дѣлать другіе фабриканты.

И онъ назвалъ ихъ поименно.

— «Такъ вѣдь тебѣ убытокъ?»

— Чтожъ дѣлать, падежда-государь!

— «По чему стоитъ тебѣ аршинъ?»

— По 28 копѣекъ.

— «Доволенъ ли ты будешь барышемъ по гривнѣ на рубль?»

— Я бы, отвѣчалъ Сѣриковъ, радъ былъ сбыть ее съ рукъ и безъ барыша.

— «Безъ барыша то, братъ, недолго паторгуешь!» заключилъ государь.

Потомъ, обратясь къ Меншикову, сказалъ:

— «Данилычъ! вели завтра же всю эту каразею принять и раздѣлить по госпиталямъ; она очень годится для больныхъ на одѣяла».

Это исполнено въ точности, и Сѣриковъ съ прибылью сбылъ ее съ рукъ, а чрезъ нѣсколько дней получилъ и деньги.

46.

Шабликинъ.

Петръ замѣтилъ, что многіе товары, изъ чужихъ краевъ привозимые и весьма много расходящіеся въ Петербургѣ, хотя и выдѣлывались нѣсколько въ Россіи, по частію весьма грубо и худо, а то ихъ и вовсе не было.

И такъ призналъ онъ, что въ его державѣ недоставало самыхъ необходимыхъ рукодѣлій и фабрикъ. Позументное или тесемочное искусство было одно изъ тѣхъ, которыя онъ мало-по-малу ввелъ въ свое государство, и принялъ на себя трудъ привести его въ цвѣтущее состояніе. Для этаго велѣлъ онъ въ Петербургѣ, въ Калинкинѣ, гдѣ Фонтанка впадаетъ во взморье, построить длинной каменной домъ, въ два яруса, и въ томъ домѣ заложилъ позументную и для шерстяныхъ чулковъ или, лучше сказать, тесемочную и чулочную фабрику *). Онъ вызвалъ искусныхъ чужестранныхъ мастеровъ, которымъ опредѣлилъ большое жалованье и

*) Штелинъ сообщаетъ, что фабрика закрыта при Петрѣ II и домъ оставался долго пустымъ, подъ названіемъ Калинкина; въ 1781 г., по повелѣнію Екатерины II, въ немъ открыта больница для прилипчивыхъ болѣзней. *Ред.*

далъ молодыхъ русскихъ людей въ науку. Чтобы поощрять ихъ къ прилежанію, не только онъ самъ бывалъ тамъ часто, и смотрѣлъ, какъ они работали, но еще и повелѣлъ, чтобъ старшіе изъ нихъ каждую субботу послѣ обѣда приходили во дворецъ, гдѣ онъ ихъ выспрашивалъ обо всемъ, что въ теченіе недѣли происходило, и какъ далеко успѣли они въ своемъ ученіи. Они должны были также приносить и образцы своей работы, по которымъ онъ могъ бы судить объ ихъ успѣхахъ.

Спустя нѣсколько времени явился къ нему лучшій изъ учениковъ, Борисъ Ѳедоровъ Шабликинъ. Онъ сказалъ, что умѣетъ дѣлать всякаго рода шелковыя тесьмы и спурки, а только не знаетъ полагать имъ основы, потому что мастеръ при каждой новой работѣ всегда самъ ихъ основываетъ, и не показываетъ того никому изъ учениковъ; государь повелѣлъ ему всѣми мѣрами стараться и это перенять, какъ главнѣйшее дѣло въ семъ искусствѣ, за что хотѣлъ особливо его наградить. Шабликинъ, исполненный ревности, чтобы заслужить монаршую милость, сдѣлалъ тайно маленькое отверстіе въ углу потолка, надъ мастерскою, гдѣ лежа на полу могъ видѣть, какъ мастеръ дѣлалъ основу. Выучившись мало-по-малу этому искусству, донесъ его величеству, что онъ уже и самъ умѣетъ поставить красну и сдѣлать основу для всѣхъ родовъ тесемъ. Государь взялъ его недѣли на двѣ во дворецъ, отвелъ ему покой и велѣлъ сдѣлать позументную основу и самому наставить станокъ, что онъ совершилъ такъ хорошо, что выткалъ на немъ кусокъ новомодной, по тогдашнему времени, тесьмы. Симъ много порадовалъ государя, которой подарилъ ему нѣсколько рублей, приказалъ для него сдѣлать новое платье, и чрезъ мастера объявить его подмастерьемъ; а о самомъ мастерѣ сказалъ:

— «Безчестно онъ поступаетъ, что своихъ учениковъ не учитъ дѣлать основу».

Мастеру отказано; поступившему на его мѣсто тутъ же объявилъ причину, по которой онъ отставилъ перваго. Попрошествіи выговоренныхъ лѣтъ съ новымъ мастеромъ и сего также отпустилъ, а Шабликина сдѣлалъ коммиссаромъ при этой фабрикѣ, которая непосредственно состояла подъ императорскимъ кабинетомъ. Въ царствованіе Петра II хотя фабрика и уничтожилась,

однако же коммиссаръ Шабликинъ и при императрицѣ Елизаветѣ всегда исправно получалъ свое жалованье, и имѣлъ жилище въ Калинкинскомъ домѣ; умеръ 1765 года.

47.

Примѣненіе Петромъ басень Езопа.

Въ бытность Петра Великаго въ Голландіи, однимъ изъ первыхъ негоціантовъ Амстердама, Яномъ Тессингомъ (Thessing), по желанію царя, заведена была типографія, съ тѣмъ чтобы печатались въ ней «земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и строительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскимъ и голландскимъ языкомъ по-особну, отчего-бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ». Изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Тессинга, можно видѣть, что у него составленіемъ и изданіемъ ихъ занимался Илья Ѳедоровичъ Копіевскій или Копіевичъ (онъ самъ писался то Kopiewski, то Kopievitz). Ему-то и принадлежитъ честь быть первымъ издателемъ русскаго перевода древнихъ писателей: въ спискахъ его видно, что онъ приготовлялъ къ печати «О добродѣтели» Горація, но успѣлъ издать только басни Езопа (1700 г.), собранныя Авеніемъ. Изданіе Копіевскаго сдѣлано на русскомъ и латинскомъ языкахъ и напоминаетъ разсказы Вебера (Das veränderte Russland), какъ Петръ хорошо зналъ эти басни и кстати ссылался на нихъ.

Въ турецкой походъ къ Пруту, надежда царя на вспоможеніе одной державы не осуществилась, Русскіе проиграли кампанію, заключили невыгодный миръ, и тогда прибылъ посланникъ той державы съ поздравленіемъ, отъ имени своего государя, что Петръ, своею мудростію и божескимъ заступленіемъ, избѣжалъ великой опасности. Выслушавъ хладнокровно рѣчь дипломата, царь, вмѣсто отвѣта, спросилъ его: знаетъ-ли онъ по-латынѣ? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вынесъ изъ кабинета экземпляръ басень Езопа,

нашелъ въ нихъ басню «Козелъ и Лиса» (которые оба попали въ колодецъ, но лиса выбралась оттуда по рогамъ козла и стала надъ нимъ же смѣяться) и, указавъ это посланнику, покинулъ его съ словами: «желаю вамъ покойной ночи!»—«Я слышалъ», прибавляетъ Веберъ, «этотъ разсказъ отъ самого посланника».

Въ другой разъ одинъ иностранный генералъ въ русской службѣ хотѣлъ успокоить царя на счетъ непріятельскаго нападенія и увѣрялъ, что онъ съ своимъ отрядомъ отмстилъ бы за нападеніе и возвратилъ бы потерянное.

—«Не храбритесь», возразилъ Петръ: «если непріятель далеко, то воображайте его слономъ, а въ рукопашной схваткѣ считайте его не болѣе мухи: учитесь изъ басень Езопа, что прежде надо убить медвѣдя, а потомъ уже дѣлить его шкуру» *).

48.

Опереводѣ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ.

Въ первые годы царствованія Петра хотя уже и были церковныя книги на россійскомъ языкѣ и даже цѣлыя творенія знаменитыхъ церковныхъ учителей: св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и другихъ, переведенныя съ греческаго и латинскаго на славяно-россійскій языкъ, лѣтописи Никона, Нестора и другія касающіяся до древней россійской исторіи книги, какъ-то разрядная и проч. были во множествѣ спискахъ въ монастыряхъ, частныхъ и придворной библіотекахъ, но печатныхъ ни гдѣ; а книгъ до наукъ и художествъ касающихся, не было вовсе на россійскомъ языкѣ. Государь первый усмотрѣлъ въ нихъ недостатокъ, и старался отвратить его тѣмъ усерднѣе, чѣмъ болѣе находилъ, какъ необходимо для народа знаніе. Нужда заставила его образовать изъ своихъ—хорошихъ сухопутныхъ и мор-

*) Грамота Тессингу, кромѣ отрывковъ и переводовъ въ трудахъ митр. Евгенія и Сопикова, въ Полн. Собр. Закон. IV, № 1751.

Прошеніе Ильи Копіевскаго (Кабинетныя дѣла, II кн. № 1, листы: 378, 380, 381, 377, 892, кн. № 8, листы: 924—925).

Das veränderte Russland. Th. II, 22, 23.

Ibid. стр. 23. *Ред.*

скихъ офицеровъ, литейныхъ мастровъ, артиллеристовъ и инженеровъ во время самой жестокой войны, которую онъ долженъ былъ продолжать моремъ и сухимъ путемъ противу сильнаго и искусившагося въ войнѣ непріятеля, каковы тогда были Шведы.

Для этаго приказалъ онъ прежде переводить на россійской, языкъ, печатать и безденежно передавать такія только книги, изъ коихъ можно было научиться начальнымъ основаніямъ необходимыхъ наукъ и художествъ; а что онъ самъ имѣлъ въ нихъ достаточное знаніе, то доказывается хорошимъ выборомъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, употреблявшихся тогда за классическихъ авторовъ.

Во-первыхъ приказалъ онъ съ голландскаго перевесть на россійской языкъ и напечатать Бринкена «Кораблестроеніе» и сочиненіе неизвѣстнаго голландца, искуснаго кормщика; также Коегонровъ новый способъ укрѣпленія; съ нѣмецкаго—Боргдорфа непреодолимую крѣпость, съ французскаго—Пегана, Блонделя и Вобана—искусство укрѣпленія; всѣ въ листъ, съ хорошими гравированными фигурами. Потомъ съ латинскаго—Курція, исторію Александра Великаго, и еще съ нѣмецкаго—Варенія и Гибнера географіи въ листъ и Пуффендорфа — введеніе къ познанію Европейскихъ государствъ—въ четвертку.

Наконецъ изъ оставленныхъ имъ рукописей и найденныхъ по смерти, въ кабинетѣ его, переводовъ разныхъ въ тогдшнее время знатнѣйшихъ книгъ, какъ-то: Севастіана Лерка—гражданской архитектуры, Плюмьера—точильнаго искусства, Стурмовой механики, строенія шлюзовъ и мельницъ,—явствуетъ, что премудрый сей монархъ сдѣлалъ записку наилучшимъ и знатнѣйшимъ писателямъ всѣхъ наукъ и художествъ и намѣренъ былъ мало-по-малу издавать ихъ на отечественномъ языкѣ.

49.

Монахъ-переводчикъ.

Между прочими иностранными изданіями государь избралъ также и введеніе Пуфендорфа къ исторіи Европейскихъ державъ; онъ отдалъ его для перевода одному монаху, извѣстному своими хорошими переводами.

Тотъ прилагалъ всевозможное стараніе и изготовилъ переводъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и, надѣясь получить отъ государя благодарность и богатое награжденіе, явился, по-полудни, въ передней комнатѣ его величества съ своимъ переводомъ и латинскимъ подлинникомъ. Какъ скоро государь вышелъ и увидѣлъ его между прочими, началъ съ нимъ говорить милостиво и спросилъ, скоро-ли изготовитъ онъ переводъ?

— Уже готовъ, всемилостивѣйшій государь! отвѣчалъ монахъ.

Императоръ взялъ у него книгу, съ пріятнымъ видомъ переворачивалъ листы, какъ-будто бы искалъ какого-нибудь мѣста, и остановился нѣсколько времени при одномъ отдѣленіи, которое было послѣднимъ.

Между тѣмъ стоящіе около примѣтили, что лице императора стало измѣняться и началъ показываться на немъ гнѣвъ. Онъ и дѣйствительно сказалъ скоро монаху съ негодованіемъ:

— «Глупецъ! что я тебѣ приказалъ съ этою книгою сдѣлать?»

— Перевесть, отвѣчалъ монахъ.

— «Развѣ это переведено?»

И государь показалъ ему статью о Россійской державѣ, въ которой переводчикъ совершенно выпустилъ жестокія и колкія мѣста о естественномъ свойствѣ россійскаго народа, а иныя передѣлалъ и написалъ ласкательнѣе для Россіи.

«Тотчасъ поди», говорилъ императоръ, отдавая ему обратно переводъ, «сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть».

И книга отъ слова до слова была переведена, послѣ напечатана и приписана императору, а по возвращеніи изъ Персицкаго похода

поднесена ему іеромонахомъ и префектомъ Гавріиломъ, въ 1729 году *).

При вышепомянутомъ случаѣ государь объявилъ свое мнѣніе еще пространнѣе, онъ приказалъ напечатать эту статью не въ поношеніе своимъ подданнымъ, но къ ихъ исправленію и въ извѣстіе, какъ объ нихъ досель думали въ другихъ земляхъ, и чтобъ мало-по-малу научились знать, какіе были прежде и каковыми сдѣлались теперь.

50.

Печатаніе библіи.

Петръ оказывалъ себя весьма ревностнымъ въ исполненіи предписанныхъ въ священномъ писаніи божественныхъ законовъ. Онъ никакой работы по воскресеньямъ отправлять не велѣлъ, если не требовала того великая нужда и прямо говаривалъ: «трудящійся противъ закона Божія, никогда не успѣетъ». О священномъ писаніи ветхаго и новаго завѣта всегда говорилъ съ благоговѣніемъ, что оно есть изъ всѣхъ книгъ наилучшее сокровище, въ которомъ все то содержится, что только нужно и полезно вѣдать объ отношеніи человѣка къ Богу и къ своему ближнему. Когда изданная при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ библія, въ листъ, вся была распродана и весьма рѣдко ее можно было достать, то чтобъ ввести ее въ большее употребленіе, нежели въ какомъ она была прежде, опредѣлилъ, въ 1716 году, въ Амстердамѣ, гдѣ онъ тогда находился, издать ее вновь, сколько можно исправнѣе и чище, въ пяти частяхъ, въ листъ, что по договору и было напечатано на его счетъ, въ 1721 году, у Даніила Леейвена, на александрійской бумагѣ, на двухъ половинкахъ, изъ коихъ на одной напечатано было на гол-

*) Эта книга переведена вновь на россійскій языкъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ при Санкт-Петербургской Академіи Наукъ, но колкой параграфъ о нравѣ россійскаго народа тутъ вовсе выпущенъ. Она напечатана въ осьмую долю листа и состоитъ изъ двухъ томовъ.

Штелинъ, (изд. 1787 г.)

ландскомъ языкѣ, а другая была оставлена для россійскаго перевода *).

Въ первой годъ, то есть въ 1717, вышла изъ типненія прежде пятая часть, или новый завѣтъ, въ листъ, напечатанный въ одномъ столбцѣ по голландски, а въ другомъ по русски; (что чаятельно было припечатано въ Петербургѣ) **).

Симъ прекраснымъ изданіемъ всей библіи, на голландскомъ и россійскомъ языкахъ, хотѣлъ государь, по особливымъ своимъ намѣреніямъ, доставить подданнымъ сугубую пользу, во-первыхъ: дабы чтеніе столь хорошо напечатаннаго писанія сдѣлать пріятнѣе, во-вторыхъ, чтобы дать случай обучаться любимому имъ голландскому языку; ибо онъ весьма часто говаривалъ: «голландской языкъ нуженъ намъ на морѣ, нѣмецкой—на сухомъ пути, а безъ французскаго весьма обойтись можно, поелику мы не имѣемъ никакого важнаго съ Французами дѣла».

Напечатанные экземпляры драгоцѣннаго сего изданія библіи привезены были въ Петербургъ и отданы въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ государь хотѣлъ приказать напечатать на оставленныхъ бѣлыхъ половинкахъ россійскій переводъ, и послѣ эту книгу раздавать даромъ; но походъ его въ Персію, множество дѣлъ по возвращеніи и скоро послѣ того послѣдовавшая его кончина воспрепятствовали приведенію какъ этого, такъ и многихъ другихъ его великихъ дѣлъ, также и извѣстнаго намѣренія, чтобы эту же библію напечатать на голландскомъ и россійскомъ языкахъ, въ Москвѣ, въ 4-ю долю листа, большее число экземпляровъ и продавать народу за самую умѣренную цѣну ***).

И такъ въ первыхъ четырехъ частяхъ, или въ старомъ завѣтѣ, остались также и опредѣленные къ напечатанію россійскаго пере-

*) Подъ заглавіемъ: Het oude Testament, gedrukt door Laste van Syne Czaarse Mayesteit Petrus den Eersten, Kayser van Groot- en Kleen Russland etc. Amsterdam. 1721.

**) Подъ заглавіемъ: Het Nieuwe Testament, of te alle Boeken des nieuwen Verbonds onses Heeren Jesu Christi, gedrukt door Last van Syne Czaarse Mayesteit Petrus den Eersten, Kayser van Groot- en Kleen Russland etc. in's Gravenhage, by Jon. van Duren, Boekverkoper 1717.

***) Библія была издана въ 1746 году, въ листъ и большую осьмуху въ трехъ томахъ, на одномъ россійскомъ языкѣ, и продавалась за весьма умѣренную цѣну. *Штелинъ.*

вода столбцы таковыми, какъ были; экземпляры же, выключая нѣсколькихъ, кои императоръ сначала раздарилъ, не были никогда раздаваемы, но лежали всѣ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, гдѣ въ продолженіе времени отъ влажности въ кипахъ, сгнили, и сдѣлались такъ неполны, что изъ громаднаго множества нельзя было собрать ни одного; почему, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ *), Святѣйшій Синодъ заблагоразсудилъ все остальное продать въ ряды. Сіе изданіе библіи останется, однакоже, не только по своей красотѣ и драгоцѣнности, но и въ разсужденіи великаго ея издателя и особливаго его намѣренія, всегда достопамятнымъ, а полный экземпляръ ея во всякое время рѣдкимъ и достойнымъ имѣть мѣсто въ самой знатнѣйшей и лучшей библіотекѣ.

51.

Земледѣліе.

Во время своего путешествія государь часто останавливался на пути, выходилъ изъ дорожной коляски, чтобы видѣть и примѣчать полевыя и домашнія работы крестьянъ и даже съ самими объ нихъ бесѣдовать. Онъ, часто, скрывая свой санъ, ходилъ въ ихъ домы и хижины, видѣлъ ихъ жилища, полевыя орудія и всѣ домашнія и хозяйственныя ихъ учрежденія, иныя касающіяся до сего вещи на мѣстѣ велѣлъ срисовывать и свои замѣтки отмѣчалъ въ краткихъ словахъ въ записной книгѣ, которую безпрестанно носилъ съ собою. Особенно дѣлалъ онъ это при перемѣнѣ лошадей на станціяхъ.

На обратномъ пути изъ Парижа, въ одной деревнѣ увидѣлъ государь въ небольшомъ садикѣ работающаго человѣка, который совсѣмъ не по-крестьянски былъ одѣтъ Онъ велѣлъ освѣдомиться кто былъ этотъ трудолюбивый человѣкъ и услыша, что деревенскій священникъ, пошелъ, какъ незнакомый путешественникъ, къ нему въ садъ, нашелъ множество прекрасныхъ плодоносныхъ деревьевъ, а за нимъ цѣлый почти шелковичный лѣсъ, конмъ домъ и

*) Объ этомъ Штелинъ писалъ въ 1787 году. *Ред.*

дворъ его окружены были. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ болѣе получаса, относительно обработыванія садовъ и полей и, между прочимъ, услышалъ отъ него, что большая часть предстоящихъ шелковичныхъ и другихъ наилучшихъ плодоносныхъ деревьевъ насаждены и возращены собственными его руками. Царь спрашивалъ его, какъ онъ, будучи священникомъ, самъ обработываетъ садъ и поле? Неужели ему прихожане въ работѣ не помогаютъ?

— Весьма рѣдко, государь мой, отвѣтствовалъ священникъ, развѣ кой-кто придетъ въ свободной часъ; ибо каждой собственною своею работою столько занятъ, что немного ему остается времени, чтобы работать еще и у меня; а если я довольно прилежно работаю и Богъ посылаетъ добрую погоду, то могу получить за трудъ свой нѣсколько сотъ ливеровъ годоваго дохода, чрезъ продажу своихъ плодовъ и шелку и, слѣдовательно, имѣть гораздо больше прибыли, нежели отъ моего весьма малаго прихода.

Россійскій монархъ радовался, слушая сего священника, записалъ какъ его, такъ и деревню, въ которой онъ жилъ, въ свою записную книгу, и говорилъ съ великимъ удовольствіемъ своимъ спутникамъ.

— «Вотъ доброй человѣкъ, которой чрезъ собственные труды свои имѣетъ во всемъ нужномъ достатокъ и живетъ хорошо. Напомните мнѣ объ этомъ, когда возвратимся. Я буду стараться возбуждать и своихъ, часто празднолюбивыхъ, деревенскихъ поповъ, дабы они, упражняясь въ обработываніи полей и садовъ, снискивали тѣмъ надежнѣйшій хлѣбъ и лучшую жизнь, нежели теперь имѣютъ».

52.

Введеніе живописи и гравированія въ Россіи.

Уже въ первое заграничное путешествіе Петръ обращалъ вниманіе на хорошія картины и на искусныхъ живописцевъ, хотя главная цѣль путешествія и была — въ познаніи кораблестроенія, мореплаванія, торговли и другихъ нужныхъ свѣдѣній. Онъ привезъ много хорошихъ картинъ, представляющихъ большею частію морскіе виды, и принялъ въ Голландіи къ себѣ въ

службу искуснаго гравера, Петра Пикарда, которой и пріѣхалъ съ нимъ въ Москву. Ему повелѣлъ государь выгравировать на мѣди многіе прекрасные виды Москвы и нѣкоторыхъ ея окрестностей; потомъ, въ 1714 году—виды Петербурга, а въ 1715—россійской флотъ предъ Кронштадтомъ, и многія другія изображенія. Онъ же рисовалъ и на мѣди вырѣзывалъ свадьбу карловъ, китайское бракосочетаніе, торжество папы и пр., представляемыя въ Москвѣ при различныхъ обстоятельствахъ. Онъ же рисовалъ и гравировалъ прекрасное изображеніе Полтавскаго сраженія на доскѣ, длиною въ 2 ф. 4 д., а шириною 1 ф. 8 д.; а также и осаду Азова, въ 1696 году, гдѣ на первомъ планѣ представленъ царь Петръ, потомъ фельдмаршалы — Алексѣй Семеновичъ Шейнъ и Гордонъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Головинъ и генералъ-адмиралъ Лефортъ; первые въ русскомъ платьѣ, на лошадяхъ, а послѣдніе въ старомъ французскомъ одѣяніи, съ аксельбантами, въ большомъ видѣ и съ похожими лицами.

Этотъ искусный и прилежный граверъ, котораго государь весьма жаловалъ, не только вырѣзалъ многія картины, но также выучилъ сему искуству нѣсколькихъ изъ россіянъ, которые потомъ сами хорошо работали на мѣди, особливо изображали корабли и другія суда для Петра Великаго. Одинъ изъ искуснѣйшихъ назывался Алексѣй Зубовъ, который вырѣзывалъ на мѣди многія хорошія изображенія, въ числѣ ихъ и морское сраженіе при Грейтамѣ, въ 1721 году, представилъ на доскѣ длиною 28, шириною 20 ф.

Въ бытность государя въ Парижѣ сняты съ него весьма хорошіе и вѣрные портреты двумя славнѣйшими живописцами—Потуаромъ (отчимомъ бывшаго потомъ славнаго живописца Токе) и Ригодомъ. Первый представилъ его доколѣнъ, въ панцырѣ, и въ такой же самой величинѣ его супругу, императрицу Екатерину, съ одного изъ петербургскихъ портретовъ *). Другой также изобразилъ государя до колѣнъ для французскаго двора, или тогдашняго пра-

*) «Объ изящныя картины привезены послѣ въ Петербургъ, гдѣ я ихъ видѣлъ многократно, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ залѣ тогдашняго канцлера, графа Воронцова». *Штелинъ.*

вителя и опекуна *), бывшаго еще въ малолѣтствѣ короля Людовига **).

Въ послѣднее время Петръ имѣлъ въ своей службѣ искуснаго портретнаго живописца Дангауера, которой совершенно въ италіанскомъ вкусѣ, прекраснѣйшими красками, съ отмѣннымъ расположеніемъ свѣта и тѣни написалъ портретъ монарха и его супруги, въ различномъ положеніи. Въ то же самое время находился въ Петербургѣ Прусской посланникъ, баронъ фонъ-Мардефельдъ, которой былъ такой же искусный миніатюрный живописецъ, какъ и министръ. Баронъ написалъ портреты не только императора и императрицы, но и обѣихъ царевенъ — Анны и Елизаветы; портреты были на слоновой кости, величиною каждый въ осьмую долю листа, написаны весьма искусно и совершенно подобно; ибо списываемы были оныя съ ихъ величествъ и имъ же поднесены въ подарокъ, оставивъ напередъ для себя копіи ***). Съ симъ искуснымъ живописцомъ и министромъ государь имѣлъ много сношеній по государственнымъ дѣламъ и часто цѣлые часы просиживалъ, смотря на его работу и удивляясь его искуству.

53.

Первая картинная галлерея въ Россіи.

Наибольшую склонность къ живописи Петръ показалъ при второмъ путешествіи, въ 1716 и 1717 годахъ. Въ Амстердамѣ онъ посѣщалъ славныхъ тогдашнихъ живописцевъ, и съ особымъ удовольствіемъ, по цѣлому часу сматривалъ, какъ они работали, бесѣдовалъ съ ними объ ихъ художествѣ и весьма усовершенствовалъ свой тонкой вкусъ въ знаніи картинъ. Наиболѣе ему правп-

*) Герцогъ, Филипъ Орлеанскій. *Ред.*

**) «Эта оригинальная картина, въ 1773 году привезена въ Петербургъ изъ Парижа въ одномъ собраніи картинъ и куплена отъ ея величества императрицы Екатерины II со многими другими прекрасными картинами». *Штелинъ.*

***) «Эти четыре драгоцѣнныя картины подарены герцоту Голштинскому, при вступленіи въ супружество съ царевною Анною Петровною, отъ Екатерины I и отвезены имъ въ Киль; оттуда потомъ сынъ его, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, привезъ опять въ Петербургъ и хранилъ въ своемъ кабинетѣ.»

Штелинъ.

лись картины фламанскаго и брабантскаго вкуса, и онъ собралъ ихъ большое число, работы славнѣйшихъ мастеровъ; Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Ремъ-Брантъ, Янъ Штеенъ, Ванъ-Деръ-Верфъ, Лингельбахъ, Берггеймъ, Мирисъ, Вуверманъ, Брейгелъ, Остаде, Ванъ-Гуйзэнъ и пр., были его любимцы. Изъ всѣхъ картинъ любилъ онъ голландскія, представляющіе морскія виды, а особливо много почиталъ работу славнаго Адама Сило, которой самъ былъ прежде корабельнымъ капитаномъ, а потомъ съ весьма счастливымъ успѣхомъ рисовалъ приморскія мѣстности, корабли и снасти корабельныя самымъ точнѣйшимъ и исправнѣйшимъ образомъ. Потому-то Петръ его картины почиталъ за полезныя для познанія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго расположенія частей морскихъ судовъ и преимущественно ими украсилъ переднюю своей спальни, въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Санкт-Петербургѣ, также и въ Петергофѣ, гдѣ онъ въ чертогахъ своей супруги, называемыхъ монъ-плэзиръ, составилъ первую картинную галлерею изъ однихъ только нидерландскихъ живописцевъ, гдѣ и находились преимущественно картины работы Сило.

Въ Амстердамѣ Петръ любилъ посѣщать аукціоны, при продажѣ картинъ, и обыкновенно сживалъ между любителями и покупщиками подлѣ оцѣнщика Кселя, живописца историческихъ происшествій, весьма искуснаго знатока въ картинахъ, особливо въ нидерландскихъ. Тамъ-то находилъ этотъ монархъ работы своихъ любимцевъ. А чтобъ дорогое собраніе содержать въ бережливости и умножать его, взялъ онъ Кселя съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ писалъ нѣкоторыя прекрасныя картины, такъ называемыя: картины поученія и суеты, напр., мертвую голову съ затушенною еще курящеюся свѣчею, лежащія музыкальныя орудія и пр. Ксель былъ потомъ при Академіи Наукъ и умеръ въ 1745 г.

54.

Изображеніе Петра на монетахъ и медаляхъ.

Петръ I говаривалъ иногда, что за недостаткомъ искусныхъ живописцевъ и медальеровъ онъ нехорошо изображенъ на своихъ рубляхъ и медаляхъ: ни гдѣ не видитъ сходства. Во время уже втораго своего путешествія въ Голландію и Францію, проѣзжая чрезъ Нюренбергъ, онъ остановился въ немъ на нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть тамъ фабрики и побывать у нѣкоторыхъ тамошнихъ художниковъ. Между прочими нашелъ онъ славнаго портретнаго живописца Купецкаго, которому далъ снять съ себя боковой грудной портретъ и тотчасъ съ нарочнымъ послалъ его въ Петербургъ, въ монетную канцелярію, съ повелѣніемъ—вырѣзать по оному штемпели для рублей, полтинниковъ и медалей. И такъ чрезъ годъ потомъ (въ 1718 г.), въ первой разъ появилась російская монета хорошаго рисунка и съ совершенно подобнымъ изображеніемъ Петра Великаго.

55.

Русскіе живописцы.

Бывши въ Амстердамѣ, Петръ зашелъ разъ на квартиру своего секретаря Никитина, дабы ему нѣчто повелѣть, но не засталъ того дома, а увидѣлъ сына его, мальчика лѣтъ четырнадцати, который, при неожидаемомъ входѣ государя, спряталъ въ карманъ листъ бумаги. Государь замѣтилъ это и велѣлъ показать бумагу; на ней былъ рисунокъ—копія съ голландской печатной картины. Петръ, увидѣвъ въ немъ способность, спросилъ, имѣетъ-ли онъ охоту къ рисованію и живописи.

— Имѣю, отвѣчалъ мальчикъ, еслибъ только кто меня училъ.

— «Хорошо», сказалъ государь, «я тебѣ учителя доставлю».

И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней отдалъ его лучшему живописцу въ Амстердамѣ, на шесть лѣтъ. Каждой годъ онъ долженъ былъ присылать опыты своей работы къ его величе-

ству. Изъ этого россійскаго ученика произошелъ потомъ искуснѣйшій историческій живописецъ Никитинъ, изящныя картины котораго находятся и понынѣ въ разныхъ россійскихъ церквахъ въ Санкт-Петербургѣ, и между прочими одно отмѣнно прекрасное изображеніе распятія Христова, подаренное императрицею Елизаветою оберъ-егерьмейстеру графу Разумовскому для его домашей церкви, въ такъ называемомъ Аничковскомъ дворцѣ. Возвратившись изъ своего путешествія, Петръ выбралъ многихъ молодыхъ людей изъ россіянъ, и послалъ однихъ въ Голландію, а другихъ въ Италію, для обученія живописи и архитектурѣ. Изъ этихъ живописцевъ четверо сдѣлали честь своему отечеству въ исторической живописи, а именно: Матвѣевъ, Александръ Захаровъ, Иванъ Меркурьевъ и Василій Василевскій; а изъ архитекторовъ—Земцовъ и Ерóпкинъ. Превосходныя картины первыхъ находятся въ разныхъ церквахъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ италіанскомъ и голландскомъ вкусѣ, а послѣдніе выстроили церкви и другія государственныя зданія по самой лучшей италіянской архитектурѣ *).

По повелѣнію государя многое число россійскаго юношества всякаго званія разослано было по чужимъ краямъ, для изученія разныхъ наукъ и художествъ; въ числѣ послѣднихъ Никитинъ посланъ былъ въ Италію, для изученія живописи, гдѣ онъ довольно и успѣлъ въ семъ искусствѣ, что уже извѣстно было и его величеству. Никитинъ возвратился въ Санкт-Петербургъ ночью, на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Государь, во время литургіи, которая непосредственно послѣ заутрени отправлялась, въ Троицкомъ Соборѣ, узналъ о пріѣздѣ Никитина и по выходѣ изъ церкви прямо пошелъ въ квартиру его, бывшую недалеко. Онъ поздравилъ его съ пріѣздомъ и праздникомъ, похристосовался и благодарилъ его за прилежность къ ученію. Обрадованный живописецъ хотѣлъ-было его величеству показать новыя свои картины, которыя писалъ онъ въ Италіи, и которыя были завернуты и обвязаны рогожами, и лежали на полу, но государь остановилъ его:

*) Штелинъ, изд. втор., 1787 г.

— «Оставь ихъ въ этихъ дѣдовскихъ нашихъ коврахъ; тебѣ нужно отъ дороги успокоиться; я послѣ разсмотрю ихъ съ тобою».

Во время обѣда государь послалъ ему отъ своего стола нѣсколько блюдъ кушанья и нѣсколько бутылокъ разныхъ напитковъ *).

56.

Кунсткамера.

Путешествуя за границею, государь осматривалъ повсюду народные, также знатнѣйшіе частныхъ людей, кабинеты картинъ, художественныхъ произведеній и натуральныхъ рѣдкостей. Особливо возбуждали въ немъ любопытство два отмѣнно рѣдкіе и драгоцѣнные кабинета въ Амстердамѣ, которые онъ посѣщалъ съ величайшимъ вниманіемъ, наконецъ купилъ ихъ за большую сумму и съ великою осторожностію велѣлъ перевести въ Петербургъ. Первый состоялъ въ совершеннѣйшихъ анатомическихъ сокровищахъ, надъ собраніемъ которыхъ славной профессоръ Рюйшъ болѣе сорока лѣтъ трудился. Описаніе или подробная роспись напечатана была въ Голландіи съ многими фигурами, подъ заглавіемъ Thesaurus Anatomicus etc. и находится у всѣхъ анатомиковъ, но самые образцы съ того еще времени—всѣ при Академіи Наукъ. Другой кабинетъ тогдашняго амстердамскаго аптекаря Зебы содержалъ собраніе всѣхъ извѣстныхъ земныхъ и морскихъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ изъ Остъ- и Вестъ-Индіи, кои описаны въ двухъ, книгахъ въ листъ, съ прекрасно выгравированными рисунками. Петръ велѣлъ также живописцу Кселю, въ Амстердамѣ, снять и портреты этихъ двухъ славныхъ мужей, и поставилъ въ свой кабинетъ рѣдкостей подлѣ собранныхъ ими вещей. Портретъ Зебы и доселѣ еще находится въ Академіи, но куда дѣвался Рюйша—неизвѣстно. Библіотекарь Шумахеръ думалъ, что онъ по смерти Петра не отданъ съ другими вещами въ Академію, но можетъ быть въ картинномъ магазинѣ, при дворѣ, гдѣ-нибудь завалился, или пропалъ. Упомянутыя здѣсь два славнѣйшія въ свѣтѣ собранія составляли первое заведеніе нынѣшняго кабинета рѣдкостей при Академіи

*) Голиковъ, изд. 1843 г.

Наукъ. Петръ Великій очистилъ для этого собственной, отъ другихъ строеній отдѣленной, каменной домъ при Невѣ, въ такъ называемомъ литейномъ дворѣ или собственно Смольномъ дворѣ. Туда заѣзжалъ онъ всякую недѣлю дважды или трижды по утрамъ, прежде нежели надлежало ѣхать въ Адмиралтейство и занимался. Собраніемъ такихъ рѣдкихъ и драгоцѣннѣйшихъ произведеній, изъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта, столько онъ былъ занятъ, что однажды пріѣхавшаго вновь Римско-императорскаго посланника велѣлъ туда, въ пять часовъ, представить для первой аудіенціи. При семъ случаѣ канцлеръ представлялъ: не благоугодно-ли будетъ его величеству дать посланнику первую аудіенцію лучше въ его лѣтнемъ дворцѣ, на что ему отвѣтствовалъ императоръ:

— «Пускай онъ сюда придетъ; для посланника все равно, гдѣ бы я въ первой разъ ни принялъ: вѣдь онъ ко мнѣ присланъ, а не въ тотъ или другой домъ; если онъ желаетъ что сказать, то можетъ и здѣсь».

Такимъ-то образомъ дана аудіенція, въ пять часовъ утра, въ упомянутомъ кабинетѣ рѣдкостей.

Въ другое время государь былъ тамъ съ генералъ-прокуроромъ Павломъ Ивановичемъ Ягужинскимъ и съ нѣсколькими сенаторами и разными другими знатными особами; показывалъ имъ правильное расположеніе своихъ натуральныхъ рѣдкостей и неоцѣненныхъ анатомическихъ препаратовъ, изъяснялъ пользу сего собранія. Въ то же самое время его величество сказалъ опредѣленному при кабинетѣ библіотекарю и надзирателю Шумахеру, находящемуся подъ начальствомъ его лейбъ-медика Арескина, что такъ какъ все уже въ надлежащій порядокъ приведено и устроено, то съ сего времени всѣхъ, кто бы пришелъ, пускать въ кабинетъ для осмотра, вездѣ водить, все показывать и изъяснять.

Ягужинскій вмѣстѣ съ похвалами, отъ излишняго къ казнѣ усердія, сдѣлалъ такое предложеніе: такъ какъ для содержанія такихъ драгоцѣнныхъ рѣдкостей ежегодно требуется извѣстная сумма, то каждой кто захочетъ ихъ посмотрѣть, могъ бы при входѣ давать въ кружку по рублю или по два; такимъ образомъ собралась бы сумма для содержанія, а въ случаѣ — и для умноженія натуральныхъ вещей.

Царь тотчасъ, прервавъ Ягужинскаго, сказалъ:

— «Павелъ Ивановичъ! неразумно ты говоришь, и предложеніе твое будетъ болѣе препятствовать, нежели споспѣшествовать моему намѣренію: кто будетъ заботиться о моихъ натуральныхъ вещахъ или захочетъ смотрѣть мои рѣдкости, если долженъ будетъ еще платить за то деньги? Я лучше прикажу, чтобы не только даромъ каждаго пускали, но еще чтобы во всякое время, если кто придетъ смотрѣть, ихъ угощали изъ казны чашкою кофе, рюмкою вина, чаркою водки, или другимъ чѣмъ, въ самыхъ покояхъ рѣдкостей».

Велѣдствіе сего повелѣнія опредѣлено было библіотекарю, сверхъ положеннаго жалованья, четыреста рублей ежегодно для угощенія *).

57.

Предсказаніе Петра I о Черномъ морѣ.

Когда царь Петръ, въ 1696 году, взялъ Азовъ, тогда при всѣхъ бывшихъ при этомъ взятіи сказалъ:

— «Теперь мы, слава Богу, одинъ уголъ Чернаго моря уже имѣемъ, а современемъ, можетъ быть, и весь его имѣть будемъ».

— Далеко, государь, и трудно имъ обобладать, сказали на это предстоящіе.

— «Не вдругъ, а по маленьку», отвѣчалъ царь.

— Богъ знаетъ, государь, можно-ли, говорили бояре.

— «А вотъ какъ можно», сказалъ царь, стоя въ своемъ шатрѣ на коврѣ: «я вамъ покажу».

Поднялъ одинъ уголъ ковра, загнулъ его къ срединѣ и сталъ на немъ. «Вотъ, видите, я стою уже на этомъ углѣ; потомъ, можетъ быть, дойдемъ и до другаго и такъ же станемъ, какъ и на первомъ». При чемъ загнулъ въ средину и другой уголъ и сталъ на обоихъ.

*) «Еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны знатные посѣтители въ Кунсткамерѣ угощаемы были кофеемъ, рюмкою венгерскаго и проч.»

Штелинъ.

«Видите теперь, затѣмъ дойдемъ и до третьяго угла». Загнувши и тотъ также въ средину, сталъ на трехъ. «Вотъ и части будемъ имѣть, а потомъ, если Богу угодно будетъ, то четвертый уголъ достичь намъ уже легче».

Въ нынѣшнія времена, мы едвали не половину того моря во владѣніи своемъ имѣемъ *).

58.

Челобитная посадскаго на Петра I.

Государь, отправясь изъ Москвы, въ 1700 году, подъ Нарву, имѣлъ на пути своемъ квартиру въ домѣ одного посадскаго и увидѣлъ сына его, молодца виднаго, лѣтъ восемнадцати, который такъ ему понравился, что пожелалъ имѣть его въ гвардіи своей; однакожъ хотѣлъ, чтобъ согласился на то и отецъ. Онъ предложилъ о томъ ему, обѣщая составить сыну его счастіе; купецъ представляетъ монарху, что онъ одинъ только у него и есть и въ промыслѣ его великою служитъ ему помощію, и для того просилъ не отлучать его.

— «Ты не разумѣешь своей и сыповней пользы», отвѣтствуетъ государь: «я его полюбилъ; слѣдовательно, можешь надежно положиться во всемъ на меня; притомъ же ты не на вѣки разстанешься съ нимъ, но получишь его обратно и уже офицеромъ, а можетъ быть увидишь и при такой должности, что благодарнымъ ко мнѣ останешься навсегда; и такъ не противься, другъ мой!»

Нельзя было не уступить такой убѣдительной просьбѣ самодержца, могшаго и безъ того взять сына. И такъ государь взялъ молодца съ собою, записалъ въ Преображенскій полкъ и отдалъ, какъ бы на руки, генералу Вейде.

Извѣстно, что въ отсутствіе монарха изъ-подъ Нарвы, армія россійская разбита; взятый молодецъ пропалъ безъ вѣсти.

Несчастный отецъ, пораженный потерею своего сына, въ кото-

*) Разсказъ этотъ взятъ изъ собранія анекдотовъ о Петрѣ, составленномъ Рптельманомъ, авторомъ малороссійской исторіи и пр., жившимъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. *Ред.*

ромъ одномъ только и полагалъ онъ все свое утѣшеніе, впалъ въ несказанную горесть, отсталъ отъ промысла своего и непрестанно оплакивая его, пришелъ въ великій упадокъ и скудость. Наконецъ, по прошествіи уже одиннадцати лѣтъ, получилъ онъ письмо изъ Стокгольма, отъ князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, бывшаго тамъ въ плѣну, что сынъ его живъ и находится съ нимъ въ плѣну же. Обрадованный симъ отецъ утѣшается надеждою видѣть его и узнавъ что царь прибылъ въ Петербургъ, поѣхалъ туда и написалъ челобитную на полковника Преображенскаго полка Петра Михайлова, то есть на государя, въ которой прописалъ: съ какимъ обнадеживаніемъ полковникъ взялъ у него сына, котораго онъ лишась, впалъ въ крайнюю печаль и отъ того отсталъ отъ промысла своего и пришелъ въ скудость; а какъ-де, наконецъ, онъ извѣщенъ, что сынъ его живъ и находится въ Швеціи, въ полону, то и проситъ, выкупя его, возвратить ему и за убытки, понесенные имъ, прописавъ именно сколько ихъ,—наградить его и проч.

Челобитную эту подаетъ онъ государю, бывшему на адмиралтейскихъ работахъ, и проситъ въ обидѣ его учинить ему справедливое удовлетвореніе. Монархъ, не принимая ее, говоритъ:

— «Старикъ! ты знаешь, что есть на то учрежденныя мѣста, ты долженъ подать свою челобитную въ то изъ нихъ, куда она по содержанію своему слѣдуетъ, а меня не безпокоить: самому мнѣ во всякое дѣло входить, за множествомъ дѣлъ государственныхъ, неможно».

— Вѣдаю, государь, все это и знаю указы твои, чтобы самому тебѣ не подавать челобитенъ, отвѣтствуетъ старецъ, но дѣло, о которомъ я прошу, инаго роду и такого, что челобитной моей не приметъ никакое судебное мѣсто, ибо отвѣтчикъ никому не подсуденъ.

— «Ктожъ бы онъ былъ такой?» спросилъ удивленный государь.

— Ты самъ, надежда-государь; и на тебя-то престарѣлый и удрученный печалію старецъ бьетъ челомъ.

При семъ старикъ залился слезами, припоминаетъ ему о сынѣ своемъ: съ какимъ обнадеживаніемъ онъ выпросилъ его, что потеря сына ввергла его въ смертную печаль, отъ чего онъ отсталъ отъ промысловъ своихъ и совсѣмъ раззорился.

Государь принимаетъ челобитную, прочитываетъ ее и не говоря ни слова, тотъ же часъ, описавъ обстоятельство дѣла, безъ именъ челобитчика и отвѣтчика, посылаетъ ее въ сенатъ, съ повелѣніемъ, разсмотря, рѣшить по правотѣ: долженъ-ли отвѣтчикъ выкупить сына и возвратить всѣ показываемые отцемъ его убытки, понесенные отъ печали?

Сенатъ, получа таковое повелѣніе, рѣшилъ: «что челобитчикъ лишился сына потому одному, что положился на увѣреніе отвѣтчика — сдѣлать его счастливымъ, который не только не сдержалъ обѣщанія своего, но, лишивъ сына, столько лѣтъ безъ вѣсти пропадавшаго, былъ причиною всего несчастія отца; а потому отвѣтчикъ и долженъ: 1) «сына его, изъ полону выкупя, возвратить отцу и 2) всѣ показанные симъ отцемъ убытки возвратить же».

Монархъ на другой день, прибывъ самъ въ сенатъ, спросилъ о семъ дѣлѣ; его величеству подано рѣшеніе. Государь, прочтя его, объявилъ, что отвѣтчикъ есть онъ самъ; благодарилъ за справедливое и безпристрастное рѣшеніе, и потомъ повелѣлъ, во что-бы то ни стало, выкупить сына. А какъ упорный король шведскій не хотѣлъ и слышать о размѣнѣ плѣнныхъ, то должно было отдать за одного его нѣсколькихъ плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ.

И такъ выкупленъ былъ сынъ; государь пожаловалъ его офицеромъ гвардіи, возвратилъ отцу, заплатилъ всѣ понесенные и отцемъ показанные убытки, и сверхъ того щедро еще наградилъ его, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ этотъ сынъ въ утѣшеніе родителя остался при немъ до его смерти, а потомъ снова вступилъ бы въ службу.

59.

Челобитная дворянина на Петра I.

Во время перваго подъ Нарву похода государь, ѣдучи въ Новгородскомъ уѣздѣ, заѣхалъ въ одинъ дворянскій домъ, гдѣ нашелъ хозяина престарѣлаго и при немъ двухъ его сыновей.

Обрадованный старецъ посѣщеніемъ государя, проситъ удостоить откушать у него; но его величество, отговорясь отъ того

поспѣшеніемъ своимъ, выкушалъ у него рюмку водки и спросилъ у старика: записаны-ль дѣти его въ службу?

— Нѣтъ, ваше величество; старость моя сему причиною: дабы отлученіемъ ихъ отъ себя не умереть мнѣ прежде времени отъ печали, отвѣтствовалъ старикъ.

— «Но ты знаешь, что службу государственную должно предпочитать нуждамъ и прихотямъ своимъ, и вѣдаешь мои о томъ указы? По-крайней-мѣрѣ долженъ бы ты былъ хотя одного изъ нихъ отдать въ службу».

Государь повелѣлъ старшаго изъ нихъ записать и взять подъ Нарву, сказавъ отцу:

— «Въ утѣшеніе старости твоей, до самой смерти, оставляю при тебѣ младшаго».

Старикъ, хотя и съ сожалѣніемъ принужденный разстаться съ однимъ, благодарилъ монарха за милость его—оставленіе при себѣ другаго.

Къ несчастію стараго дворянина, сынъ его былъ убитъ подъ Нарвою; а къ другому походу велѣно было поголовно всѣмъ дворянамъ быть на службѣ, вслѣдствіе того взятъ былъ у него и другой сынъ. Старецъ, въ неизрѣченной бывъ горести, дождавшись государя, ѣхавшаго туда, подаетъ его величеству и на него-же самаго, — челобитную въ несдержаніи слова своего, по коему оставилъ онъ при немъ до смерти другаго сына. Монархъ, принимая отъ него бумагу, спрашиваетъ:

— «На кого ты просишь?»

— На тебя самаго, государь, и у тебя-же прошу справедливости, отвѣтствуетъ огорченный старецъ.

Государь прочитываетъ челобитную, припоминаетъ обѣщаніе свое и говоритъ старику:

— «Просьба твоя справедлива и слово мое должно быть сдержано; но онъ взятъ въ службу по генеральной высылкѣ всѣхъ дворянъ, а отнюдь не для того, чтобъ не хотѣлъ я сдержать моего слова—оставленіемъ при тебѣ сына твоего. Оставляю его при тебѣ по первому моему обѣщанію».

И тотъ-же часъ далъ повелѣніе возвратить его къ отцу.

60.

Совѣтъ пьянаго пушечнаго мастера.

Государь получилъ въ Новѣгородѣ извѣстіе о совершенномъ пораженіи войскъ своихъ подъ Нарвою, въ первую осаду города сего, и что вся артиллерія и денежная казна достались непріятелю. И хотя прискорбна была такая печальная вѣсть, но должно было однако-же въ самой скорости имѣть ему новую артиллерію; мѣди-же не было и достать изъ другихъ государствъ такъ скоро се не можно. Естественно, должно было привести это государя въ крайнее недоумѣніе; въ самое то время видитъ онъ расхаживающаго взадъ и впередъ, противъ окошка своего, въ размышленіи одного худо одѣтаго человѣка и посылаетъ спросить —чего онъ хочетъ. Тотъ отвѣчаетъ, что пришелъ помочь горю государя. Монархъ повелѣваетъ представить его себѣ и спрашиваетъ: какое имѣетъ онъ до него дѣло?

—Прикажите, всемилостивѣйшій государь, прежде поднести мнѣ чару вина—умираю съ похмѣлья, а денегъ нѣтъ ни полушки.

Изъ такой смѣлости государь заключаетъ, что онъ нѣчто дѣльное представить ему хочетъ; велѣлъ подпести ему добрую чарку.

— «Говори же», продолжаетъ государь.

—Ваше величество думаете теперь о потерѣ артиллеріи и гдѣ взять мѣди на вылитіе ея вновь, не правда-ли?

Государь ожидаетъ продолженія такой рѣчи, которая началомъ своимъ уже интересовала его.

— «Ну говори-же, что дальше?»

—Прикажите, ваше величество, подать другую чарку вина: истинно, не опохмѣлился одною.

Какъ ни должна быть досадна такая наглость, но содержаніе начатой рѣчи было довольно важно, чтобъ дослушать ее; повелѣваетъ подать ему другую чарку.

—Теперь доволенъ, продолжаетъ опохмѣлившійся. Мѣди государь у тебя много, не о чемъ такъ о ней думать: сколько излишнихъ и ненужныхъ при церквахъ колоколовъ; что мѣшаетъ тебѣ

взять половину ихъ и употребить на вылитіе столькихъ пушекъ, сколько тебѣ угодно. Нужда государственная важнѣе нежели многіе колокола и половины ихъ слишкомъ довольно для того предмета, для котораго они надѣланы; а послѣ, какъ Богъ дастъ, одолѣешь своего противника, то изъ его же пушекъ надѣлать можно колоколовъ сколько хочешь; къ тому-жъ, есть изъ нихъ много разбитыхъ и безъ употребленія.

Какое награжденіе учинилъ государь этому пьяному—неизвѣстно, а извѣстно только то, что по сему совѣту было поступлено и въ ту же еще зиму вылита изъ нѣкоторой части колоколовъ великая артиллерія.

Это былъ пушечный мастеръ.

61.

Военныя неудачи.

Послѣ неудачной Нарвской битвы Петръ явился такъ же великъ, какъ великъ былъ послѣ перваго неудачнаго похода Азовскаго, обнаружилъ такую же изумительную дѣятельность, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Шедшіе отъ Нарвы полки приводились въ исправность; работы надъ укрѣпленіями закипѣли въ Новгородѣ, Псковѣ, Печерскомъ монастырѣ (близъ Пскова). И горе тѣмъ, кто въ это время не хотѣлъ бы работать или думалъ какъ бы поживиться отъ общаго дѣла.

Между тѣмъ Петру нужно было скрѣпить союзъ съ Польшею и попытаться, нельзя-ли склонить и Польшу къ войнѣ противъ шведовъ. Лучшимъ средствомъ для этого Петръ считалъ личное свиданіе съ Августомъ, личные переговоры съ польскими вельможами. Это свиданіе государей произошло въ февралѣ 1701 г., въ мѣстечкѣ Биржахъ (Динабургскаго уѣзда). Государи веселились за длинными обѣдами и занимались важными дѣлами.

Однажды Августъ, послѣ пирушки, проспалъ обѣдню; но Петръ явился въ церковь и, по своему обычаю, внимательно приглядывался къ католическому богослуженію, распрашивалъ, что значитъ то и другое дѣйствіе. Одинъ изъ польскихъ сенаторовъ замѣтилъ

ему, что въ его власти соединить церковь Греческую съ Латинскою. Царь отвѣчалъ:

— «Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами; но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе церквей можетъ совершиться только съ Божіей воли» *).

62.

Военная хитрость.

Подъ Нарвою, 8-го іюня 1704 года, Петръ Великій, узнавъ черезъ перехваченное письмо, что шведы ожидали генерала Шлиппенбаха съ свѣжимъ войскомъ, приказалъ двумъ полкамъ пѣхотнымъ и двумъ коннымъ надѣть синіе мундиры, взять шведскія знамена и двигаться по направленію къ городу. Между тѣмъ другой отрядъ, въ зеленыхъ мундирахъ, подъ предводительствомъ Реннина и Меншикова, нападаетъ на переодѣтыхъ въ шведскіе мундиры товарищей и завязываетъ съ ними горячее дѣло. Шведы, принявъ русскихъ солдатъ, въ синихъ мундирахъ, за отрядъ Шлиппенбаха, тотчасъ же выслали вспомогательное войско, которое одно и потерпѣло сильное пораженіе. Вслѣдъ затѣмъ Нарва взята была приступомъ (9-го августа).

63.

Взятіе Нарвы.

Когда Петръ въ 1704 году по многотрудной осадѣ взялъ, наконецъ, приступомъ городъ Нарву, то раздраженные россійскіе солдаты съ такимъ бѣшенствомъ устремились на грабительство и убійство, что никакъ ихъ нельзя было отъ того удержать. Государь въ такое приведенъ былъ ожесточеніе противу собственнаго своего воинства, что схвативъ обнаженную шпагу, бросился между ними и поразилъ нѣкоторыхъ; такимъ образомъ укротилъ ихъ ярость и привелъ въ надлежащій порядокъ. Потомъ вошелъ

*) Гисторія Свейской войны. — Записки Желябужскаго.

онъ въ замокъ, гдѣ шведскій комендантъ Горнъ, какъ плѣнникъ, былъ ему представленъ. Увидѣвъ его, Петръ въ первомъ жару жестокую далъ ему пощечину, грознымъ голосомъ говоря:

— «Не ты-ли виновникъ такъ много и безполезно пролитой крови? Не имѣя никакой надежды къ помощи и ни какого средства къ спасенію города, не могъ-ли ты уже давно выставить бѣлаго флага?»

Положивъ свою шпагу на столъ, государь продолжалъ:

— «Смотри, шпага эта не шведскою, но россійскою обагрена кровію. Я умертвилъ ею собственныхъ моихъ воиновъ, чтобъ удержать ихъ отъ страшнаго грабительства и убійства въ городѣ—къ чему они приведены были твоимъ безразсуднымъ упрямствомъ— и спасти бѣдныхъ жителей городскихъ отъ конечнаго истребленія».

64.

Плѣнный шведскій офицеръ.

Извѣстно, что многіе плѣнные шведскіе офицеры сосланы были въ Сибирь, гдѣ содержались они на свободѣ и имѣли безнуждное содержаніе. Одинъ изъ сихъ офицеровъ, довольно уже знавшій русской языкъ, приглашенъ былъ съ прочими гражданиномъ того города, гдѣ онъ пребываніе имѣлъ, на именинной столъ; среди попойки, по древнему обычаю въ такихъ пирушкахъ обыкновенной, зашелъ разговоръ о продолжавшейся еще тогда войнѣ съ шведами. Нѣкоторые изъ гостей превозносили похвалами храбрость и великодушіе къ побѣжденнымъ своего монарха, а, напротивъ, короля шведскаго поносили, высчитывая всѣ его несправедливости и жестокости, съ каковыми поступаемо было, по его повелѣніямъ, съ плѣнными россіянами. Офицеръ шведскій доказывалъ, что должно почтительнѣе говорить о главахъ особъ коронованныхъ, что поношеніе ихъ есть сущая клевета; поносители, однако же, не унимались; шведъ разгорячается, защищаетъ честь государя своего всѣми силами, наконецъ выходитъ изъ предѣловъ терпѣнія, произноситъ нѣсколько словъ поносныхъ на особу великаго соперника его и, какъ съумасшедшій, бѣжитъ съ ножемъ къ портрету государя, висѣвшему на стѣнѣ той же комнаты, и прокалываетъ оный. Хязя-

инъ и всѣ гости приходятъ въ крайнее изумленіе и негодованіе, схватываютъ дерзкаго шведа, вяжутъ и представляютъ начальству, которое, сочтя его за важнаго преступника, при донощеніи своемъ отсылаетъ окованнаго въ Москву, въ тайную канцелярію. Князь Ромодановскій, начальникъ этой канцеляріи, ревнительнѣйшій поборникъ славы и чести государя своего, докладываетъ его величеству, случившемуся тогда въ Москвѣ, о семъ шведѣ, какъ о достойномъ за дерзость свою примѣрной казни.

— «Не горячась, дядя», отвѣтствуетъ монархъ: «отъ удару его я не чувствую ни малой боли. Надобно разсмотрѣть прежде, что принудило его къ такому поступку».

Велитъ себѣ подать присланное о немъ донощеніе и увидя изъ онаго все вышеизъясненное, не только не обвиняетъ, но почитаетъ еще его достойнымъ награжденія за ревность и вѣрность къ королю своему, за честь котораго присягалъ онъ послѣднюю пролить каплю крови; а винитъ больше тѣхъ, что его напоили до пьяна, поношеніемъ особы королевскія раздражили и привели до того поступка. Шведъ, ожидавшій себѣ казни, а по меньшей мѣрѣ жестокаго наказанія, обрадованъ былъ неизрѣченно, улышавъ прощеніе изъ устъ государя, котораго онъ такъ оскорбилъ; сего еще не довольно: государь повелѣлъ ему избрать покойнѣйшее для пребыванія своего мѣсто и опредѣлилъ, въ награду за вѣрность и ревность къ королю, выдавать ему двойное содержаніе противу того какое прежде получалъ.

65.

Лагерь при Прутѣ.

Въ лагерѣ при Прутѣ, въ 1711 году, государь съ своимъ войскомъ былъ несчастливымъ образомъ окруженъ стами тысячъ турокъ такъ, что всѣ пути къ подвезенію припасовъ были пресѣчены.

Въ такихъ почти отчаянныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ онъ вѣроятно никакимъ образомъ не могъ избавиться безъ особливаго чуда, Петръ I скорбѣлъ единственно только объ отечествѣ, а не о себѣ самомъ, не взирая, что имѣлъ очевиднѣйшую предъ собою опасность: или быть взяту въ плѣнъ турками, или совсѣмъ погибнуть.

Какъ скоро государь увидѣлъ, что уже находится въ самой крайней и неизбѣжной опасности и почиталъ себя погибшимъ со всѣмъ своимъ войскомъ, то сѣлъ въ палаткѣ своей, написалъ письмо, запечаталъ, велѣлъ позвать одного изъ вѣрнѣйшихъ офицеровъ и спросилъ его: можетъ-ли онъ самъ на себя понадѣяться, что пройдетъ сквозь турецкую армію, дабы отвесть въ Петербургъ одно письмо? Офицеръ, которому всѣ дороги и проходы въ тамошней странѣ были извѣстны, донесъ государю, что дѣйствительно можетъ въ томъ на него положиться, что онъ счастливо въ Петербургъ доѣдетъ. Повѣривъ такому обнадеживанію, вручилъ ему царь своеручное письмо съ надписью: «въ Правительствующій Сенатъ, въ Санкт-Петербургѣ», поцаловалъ его и сказалъ: «ступай съ Богомъ?»

Офицеръ въ девятый день по своемъ отъѣздѣ благополучно прибылъ въ Петербургъ и письмо подалъ въ полное собраніе. Но въ какое удивленіе приведены были собравшіеся сенаторы, когда запершись, распечатали царское письмо; оно было слѣдующаго содержанія: «Симъ извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности со стороны нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ четыре краты сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливыя Божія помомощи ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкой плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо, покамѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ своемъ. Но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

Подлинникъ сего письма находится въ кабинетѣ Петра Великаго при императорскомъ дворѣ въ Санкт-Петербургѣ, между множествомъ другихъ собственноручныхъ писемъ сего монарха *).

*) Штелинъ ссылается на князя Михаила Михаловича Щербатова, завѣдывавшаго кабинетомъ, который письмо это показывалъ «многимъ знатнымъ особамъ».

66.

Иголкинъ.

Освобожденіе князя Долгорукова *) изъ плѣна (1711 г.) такъ огорчило правительство шведское, что всѣ почти плѣнные россіяне, оставшіеся въ Стокгольмѣ, были окованы и содержались въ разныхъ темницахъ съ великою суровостію, какъ злодѣи. Въ числѣ плѣнныхъ находился новгородскій купецъ Иголкинъ, который, до войны еще шведской, торговывалъ въ Швеціи и научился языку ихъ. Извѣстно, что Карлъ XII началъ войну съ Россіею тѣмъ, что всѣхъ россіянъ, бывшихъ тогда въ Швеціи, какого-бы ни были они званія, повелѣлъ задержать въ плѣну. И такъ Иголкинъ съ 1700 года содержался въ неволѣ; а по уходѣ князя Долгорукова, какъ уже сказано, всѣ россіяне были окованы и разведены по разнымъ тюрьмамъ. Иголкинъ содержался въ одной изъ нихъ до возвращенія Карла XII изъ Турціи и до начавшихся, чрезъ барона Герца, мирныхъ переговоровъ.

Въ одно время этотъ достойный россіянинъ слышитъ отъ двухъ караульныхъ солдатъ, говорившихъ между собою, обидныя и ругательныя слова россійскому государю; онъ не могъ сего вытерпѣть, увѣщавалъ ихъ, чтобъ они унялись и не дерзали ругать великаго государя, который есть помазанникъ Божій: «и почему-де знаемъ мы ихъ дѣла, за что они съ королемъ вашимъ воюютъ?» Но солдаты, съ ругательствомъ презря его увѣщаніе, продолжали дерзкій разговоръ. Иголкинъ призываетъ унтеръ-офицера, жалуется ему на тѣхъ часовыхъ и проситъ унять и наказать ихъ; но и унтеръ-офицеръ также смѣялся только жалобѣ его.

Чтожъ этотъ россіянинъ предпріемлетъ? Онъ рѣшился самъ доставить себѣ надъ солдатами управу; росту былъ онъ высокаго и сложенія крѣпкаго: молча и какъ бы безъ намѣренія подошелъ къ нимъ и бросился на нихъ какъ изступленный, вырываетъ у одного ружье и штыкомъ закалываетъ сперва вооруженнаго, а потомъ и обезоружнаго и, исполня героическое дѣйствіе, ожидаетъ спокойно своего жребія. Офицеръ караульный съ командою вбѣгаетъ

*) См. разсказъ о князѣ Долгоруковѣ.

въ темницу, схватываютъ героя, нимало уже непротивящагося, оковываютъ страшными цѣпями и доносятъ о происшедшемъ высшему начальству. На вопросъ: какъ онъ осмѣлился убить солдатъ? Иголкинъ отвѣчаетъ съ неустрашимостію: «я, какъ вѣрный подданный своего государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою пролить за честь его послѣднюю каплю крови; слыша же священное имя его ругаемое, увѣщавалъ ихъ уняться, они презрѣли оное; я призвалъ унтеръ-офицера, жаловался ему на нихъ, но тотъ вмѣсто удовлетворенія смѣялся только надо мною, и они больше еще поносить стали великую особу помазанника Божія. Что оставалось мнѣ дѣлать? Я долженъ былъ или отмстить ругателямъ смертію, или пролить свою кровь. Но правосудный Богъ помогъ мнѣ наказать дерзкихъ. Теперь участь моя въ вашихъ рукахъ, дѣлайте что вамъ угодно; я, по исполненіи долга моего, презираю всѣмъ и безъ страха готовъ принять смерть за честь моего государя».

Такая чрезвычайная рѣчь сдѣлала судей безгласными; они, повелѣвъ заключить его опять, не смѣли учинить никакого объ немъ приговора, не донеся съ подробностію королю. Карлъ XII пораженъ былъ, прочтя доносимое: «въ такомъ грубомъ народѣ такой великій человѣкъ!» онъ повелѣлъ его привести къ себѣ. И какъ уже происходили тайные между имъ и россійскимъ государемъ о мирѣ переговоры, и онъ видѣлъ себя принужденнымъ искать у великаго соперника своего дружбы, то и рѣшился отослать Иголкина къ государю, не сомнѣваясь, что онъ принятъ будетъ за дорогой подарокъ, описавъ при томъ съ подробностію о геропческомъ его дѣйствіи и поздравляя его величество съ такимъ подданнымъ, какихъ у него или нѣтъ, или очень мало.

Представленъ этотъ сѣдинами украшенный достойный подданный монарху; государь не могъ прочесть помянутаго о немъ описанія, не прослезясь; и обратясь потомъ къ предстоящимъ, сказалъ: «вотъ образецъ вѣрности!» — подошелъ къ нему, обнялъ его съ горячностію, поцѣловалъ въ голову и признавался, что такая отличная вѣрность его достойна соразмѣрной награды.

— «Проси у меня, другъ мой, что тебѣ угодно: я все тебѣ обѣщаю!»

Тронутый такою милостію, Иголкинъ, проливая радостныя слезы, сказалъ монарху:

— У меня, надежда-государь, по милости Божіей и твоей, столько еще осталось въ Новѣгородѣ дохода, что могу прожить имъ остатки дней моихъ безъ нужды, а потому нечего мнѣ больше желать, какъ только носить на себѣ твою монаршую милость.

— «Нѣтъ, я не буду покоенъ», отвѣчалъ государь, «ежели не награжу тебя; и такъ воля моя есть непремѣнная, чтобъ объявилъ ты мнѣ, что тебѣ надобно».

— Когда тебѣ непремѣнно угодно, сказалъ старикъ, то повели находящійся близъ дома моего, въ Новѣгородѣ, кабакъ отдать мнѣ.

— «Ежели бы ты попросилъ у меня и весь Новгородъ—не могъ-бы я отказать тебѣ!» сказалъ, улыбаясь, государь.

Сверхъ того Иголкинъ, въ прибавокъ къ кабаку, получилъ отъ монарха за полонное терпѣніе и ревность его, какъ изъяснялся монархъ, довольно знатную сумму денегъ, съ которыми и отпущенъ онъ при указѣ въ Новгородъ.

67.

Иголкинъ прощаетъ государя.

Съ этого времени государь иначе не называлъ Иголкина, какъ дѣдушкою; и никогда не проѣзжалъ Новгорода, не посѣтивши его. Монархъ, полюбилъ внука его, молодца лѣтъ двадцати; въ одно изъ такихъ посѣщеній сказалъ:

— «Дѣдушка! отдай мнѣ внука своего, я запишу его въ мой полкъ и мѣсяца чрезъ три сдѣлаю офицеромъ, и постараюсь объ его счастіи».

— Нѣтъ, государь, не могу я съ нимъ при старости разлучиться: у меня только и радости, что онъ, да и дѣлами моими безъ него управлять некому, отвѣчалъ дѣдушка.

На вторичныя убѣжденія монарха старикъ сказалъ:

— У тебя, государь, и кромѣ того, чтобъ помнить о внукѣ моемъ, есть безчисленное множество дѣлъ и заботъ, а потому легко станется, что ты про него и забудешь.

— «Нѣтъ, дѣдушка», перебилъ рѣчь его монархъ, «я никогда не забываю заслугъ».

Словомъ, Иголкинъ принужденъ былъ напослѣдокъ исполнить волю своего государя.

Его величество, взявъ внука Иголкина съ собою, записалъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ; но частыя отлучки государя, крайнія заботы о всемъ, особенно о начавшихся мирныхъ съ Карломъ XII переговорахъ, по которымъ онъ большею частію находился въ Лифляндіи, близъ конгресса, были причиною, что въ самомъ дѣлѣ забытъ былъ внукъ Иголкина. Прошло три мѣсяца; прошло уже и пять, а онъ оставался все еще солдатомъ. Огорченный симъ дѣдъ писалъ къ внуку, чтобъ онъ съ дозволенія командира своего, или хотя и безъ дозволенія, пріѣхалъ-бы къ нему непремѣнно, что тотъ и сдѣлалъ.

Иголкинъ, увѣдомясь, что монархъ прибылъ въ Петербургъ, пріѣхалъ туда и самъ съ внукомъ; онъ написалъ челобитную въ сенатъ на полковника Преображенскаго полка, Петра Михайлова, и прописавъ въ ней все происходившее, жаловался горестно на неустойку его и проч. Подаетъ онъ челобитную эту въ сенатъ, гдѣ былъ и государь, но ее не принимаютъ, объявляя, что этотъ полковникъ есть самъ государь, а государь нигдѣ не подсуденъ, и проч. Старикъ поднимаетъ вопль, жалуется на свою обиду; а какъ зданіе сената состояло тогда въ низенькихъ мазанкахъ, то происшедшій отъ вопля того шумъ дошелъ, какъ желалъ онъ, до ушей государя; и его величество спросилъ о причинѣ. Отвѣчаютъ, что какой-то безумный старикъ проситъ съ воплемъ принять отъ него челобитную на полковника Преображенскаго полка; и хотя-де ему толкуютъ, что полковникъ—самъ государь, на котораго нельзя нигдѣ принять челобитной, но онъ кажется непонимающимъ и неотступно проситъ о принятіи ея.

— «Ахъ», сказалъ государь, «онъ не безуменъ! я знаю кто онъ, и я виноватъ передъ нимъ; примите у него челобитную, введите его сюда и помирите меня съ нимъ».

Принята челобитная, прочтена и потомъ введенъ и самъ старикъ; онъ поклонился всѣмъ низко, а на монарха и несмотритъ. Тогда князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, знавшій его въ полону, зачалъ говорить первый:

— «Старишушка! государь признается, что виноватъ предъ тобою—помирись съ нимъ».

Но Иголкинъ, проливая слезы, отвѣтствуетъ:

— Какая мнѣ польза въ признаніи его, когда внукъ-то мой и по сю-пору еще солдатомъ!

Встаетъ самъ Петръ, подходитъ къ нему и съ чувствомъ говоритъ:

— «Дѣдушка! я виноватъ, забылъ обѣщаніе мое; но какъ должно было внуку твоему быть уже два мѣсяца прапорщикомъ, то нынѣ за вину мою жалую его подпоручикомъ; помиримся».

Старикъ, проливая, но уже отъ радости, слезы, говоритъ монарху:

— Когда такъ, государь, то я не истецъ; Богъ тебя проститъ!

Монархъ обнялъ его, поцѣловалъ и, посадя съ собою въ одноколку, привезъ къ государынѣ; разсказалъ ей все происшедшее. Екатерина оправдала проспителя и похвалила признательность супруга своего. Ихъ величества удостоили его посадить за столъ свой; внукъ пожалованъ подпоручикомъ и отпущенъ съ дѣдушкою въ Новгородъ на такое время, сколько онъ захочетъ продержать его при себѣ.

68.

Государь повѣряетъ часовыхъ.

Въ продолженіе шведской войны, зимою для большей осторожности ставились чрезъ Неву, съ Выборгской къ Московской сторонѣ, рогатки, а по концамъ ихъ, у береговъ—часовые, съ повелѣніемъ, по пробитіи вечерней зари, не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга ни кого, кто-бы онъ ни былъ.

Въ одно время государь былъ въ театрѣ, находившемся на Литейной улицѣ, подлѣ двора любимой кумы его, генеральши Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной, которая также была въ театрѣ. Кума звала государя изъ театра къ себѣ на вечеринку, что было и обѣщано.

При окончаніи комедіи государь непримѣтнымъ образомъ вышелъ изъ театра и съ однимъ деньщикомъ, въ маленькихъ санкахъ, заѣхалъ со стороны Охтенской къ помянутой рогаткѣ и сказавшись часовому, стоявшему отъ Московской стороны, близъ литейнаго двора, петербургскимъ купцомъ, запоздавшимъ на Охтѣ, просилъ пропустить его чрезъ рогатку; но часовой отвѣтствовалъ:

— Не велѣно! поѣзжай назадъ.

Монархъ дастъ ему рубль, и прибавляя по рублю, наконецъ давалъ десять, чтобъ только пропустилъ его; однако часовой отвергъ подкупъ, и сказалъ:

— Вижу, что ты человѣкъ добрый, такъ, пожалуй, поѣзжай назадъ; если же будешь упорствовать, то я или принужденъ буду тебя застрѣлить, или выстрѣломъ изъ ружья дамъ знать гауптвахтѣ и тебя возьмутъ подъ караулъ, какъ шпіона.

Государь обратился къ часовому, стоявшему на Выборгской сторонѣ, сказавшись также купцомъ, и нашелъ того не такъ несговорчивымъ: онъ прельстился деньгами и за два рубля пропустилъ его. Государь, проѣхавъ рогатку, пробирался Невою въ домъ къ помянутой Бобрищевой-Пушкиной; но какъ было поздно и темно, то наѣхалъ на полынью и едва выхваченъ былъ изъ нея деньщикомъ; лошадь съ санками, выпрыгнувши сама, также спаслась. Монархъ, обмокши весь, прибылъ къ этой госпожѣ, которая, и всѣ бывшіе у ней гости, увидя его величество всего мокраго, пришли въ ужасъ, особенно же когда онъ разсказалъ имъ все происшедшее и что попался въ полынью. Хозяйка выговаривала ему за таковую неосторожность.

— Да и зачѣмъ, батюшка, примолвила она, самому тебѣ такъ трудиться? развѣ не могъ ты послать для осмотру карауловъ кого другаго?

— «Когда часовые», отвѣтствовалъ государь, «могутъ измѣнять, то кто же лучше испытать можетъ, какъ я самъ?»

На другой день монархъ повелѣлъ пропустившаго его часоваго, какъ измѣнника, повѣсить, и провертя два данные рубля, навязать ему на шею; а другаго, призвавши къ себѣ, пожаловалъ капраломъ и десятью рублями, даваемыми ему наканунѣ; о чемъ и предъ собраніемъ всего полка повелѣлъ объявить.

69.

Полтавская битва.

Король шведскій, Карлъ XII, вдругъ вознамѣрился вмѣсто іюня 29-го дать баталію 27 числа и съ вечера, противу того дня, отдалъ приказъ, чтобъ съ полуночи вся его армія была въ готовности къ наступленію и чтобы не обременяли себя запасным хлѣбомъ: —«въ россійскомъ лагерѣ онаго довольно, такъ могутъ до сыта наѣсться».—И такъ, въ назначенный день съ полуночи, и гораздо до солнечнаго восхода, выступилъ самъ изъ лагеря, а кавалеріи велѣлъ впередъ идти для нападенія на отводные россійскіе полки, и на конницу. Сдѣлалась тревога и пальба съ обѣихъ сторонъ; донесли Петру, который тогда еще опочивалъ, что Шведы уже наступаютъ и аттакуютъ наши отводные посты и конницу. Его величество, выпрянувъ, спросилъ:

— «Сего дня 27 число?»

— Такъ, ваше величество, отвѣчали.

— «Какъ же говорили на 29-ое число? такъ знать онъ отмѣнилъ и тѣмъ хочетъ насъ нечаянно уловить».

Между тѣмъ вышелъ изъ палатки, слышитъ уже сильную пальбу съ редутовъ: пушечную и ружейную, тотчасъ повелѣлъ полкамъ своимъ выступить изъ лагеря, а самъ поворотился въ палатку примолвивъ: «я скоро самъ къ полкамъ буду». Немедлѣнно вооружился и принесъ теплую молитву къ Всевышнему, вышелъ и сказалъ: «теперь на начинающаго Богъ, а по Немъ и мы!» и съ тѣмъ сѣвъ на лошадь, поскакалъ предводительствовать арміею своею и ободрилъ всѣхъ присутствіемъ своимъ. Вскорѣ и Шведы, устроившись, приступили къ фронту россійской арміи; и началась тутъ генеральная баталія. Легко каждому себѣ представить можно, что она была съ обѣихъ сторонъ не меньше отчаянна, какъ и жестокая. Сохраняя жизнь и здравіе государя, воины просили, чтобъ онъ щадилъ себя и въ себѣ надежды россійскія; если же ему смерть не страшна, то помыслилъ бы, что имъ всѣмъ и отечеству потеря его страшна. На это онъ объявилъ имъ:

— «Вы поставлены теперь вооруженные не за Петра, но за го-

сударство, Петру врученное, за родъ свой и за народъ россійской; и для того не страшитесь славы непріятельской, но помните— сколько разъ онъ былъ отъ васъ самихъ побѣжденъ; слѣдовательно, и нынѣ, по храбрости своей, побѣдить можете».

Тутъ Петръ Великій оказывалъ въ себѣ все то, что дѣлаетъ самыхъ великихъ полководцевъ: удивительную храбрость, неустрашимую бодрость въ самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, и чрезвычайное присутствіе разума въ самомъ жару дѣйствія; не устрашили его прострѣленныя на немъ въ разныхъ мѣстахъ платье и шляпа. И такъ Шведы, приведены будучи въ не порядокъ, начали отступать съ непрерывнымъ урономъ; мѣсто сраженія и весь непріятельской лагерь былъ завоеванъ вооруженною рукою *).

Въ 4 часа утра, 28 іюня, по повелѣнію государя начали дѣлать двѣ могилы: одну для офицеровъ, а другую для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Къ 6 часамъ могилы были готовы, войска были выстроены въ каре около могилъ, и самъ царь вышелъ на поле. Въ присутствіи его сложили тѣла въ могилы и началась погребальная панихида. Петръ Великій присоединилъ голосъ свой къ голосу клироса; но часто пѣніе его было прерываемо слезами, при одномъ воспоминаніи этаго событія: не слабый, не безсильный мужъ плакалъ здѣсь надъ могилой; но мужъ желѣзной воли, геній, преобразователь Россіи.

По окончаніи панихиды царь обратился съ прощальнымъ словомъ къ убіеннымъ, сдѣлалъ три земныхъ поклона и первый началъ ихъ засыпать землею.

Когда насыпали курганъ, царь своими руками водрузилъ на немъ крестъ съ надписью: «воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня».

И тогда же издалъ указъ о вѣчномъ поминовеніи убіенныхъ во вѣки. И каждый годъ 27 іюня совершается изъ города крестный ходъ на могилу, и народъ тысячами стекается съ окрестныхъ мѣстъ и молитъ Господа о вѣчной памяти ихъ и виновника славы Россіи подъ Полтавой.

---

*) Ригельманъ (см. примѣч. на стр. 99).

Теперь уже на курганѣ стоитъ другой крестъ и на немъ другая надпись: «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога: была бы жива Россія, вѣра и благоденствіе ваше *). И кромѣ словъ Петра читаете на крестѣ: «Я, съ береговъ Дона, приходилъ поклониться могилѣ, тогда-то». «Я, съ сѣвера, пришелъ поклониться генію великаго царя». Одна мысль, одно чувство, и чувство высокое, благоговѣйное, одушевляетъ всѣхъ приближающихся къ кургану. Самыя надписи на крестѣ показываютъ, какъ народъ чтитъ эту могилу **).

Послѣ Полтавской битвы, въ шатрѣ, при собраніи генераловъ, когда поздравляли государя съ побѣдою и дивились его шляпѣ, пробитой пулею и благодарили Бога, что здравію царя не приключилось никакого вреда,—Петръ отвѣчалъ на это:

— «Ради благополучія государства, я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ! Сія пуля (указывая на шляпу) не была жребіемъ смерти моей,—десница Вышняго сохранила меня, чтобъ спасти Россію и усмирить гордость брата Карла. Сія баталія—счастіе наше: она рѣшила судьбу обоихъ государствъ.—Тако судилъ промыслъ возвысить славою отчизну мою, и для того приносить будемъ благодареніе наше Богу въ день сей на вѣчныя времена».

Когда ушедшіе съ генераломъ Левенгауптомъ войска сдались въ плѣнъ, Петръ говорилъ своимъ предводителямъ:

«Благодарю Бога, теперь бремя тяжкое съ плечъ нашихъ свергнуто!—Храбростію войскъ моихъ, Карловы замыслы такъ разбиты, что трудно ему будетъ собирать ихъ въ одно мѣсто. Богъ устроялъ по своему: Карлу хотѣлось побывать въ срединѣ великой Россіи, но, чаятельно, онъ теперь находится за Днѣпромъ у Турокъ».

На другой день Полтавской битвы, представлены были государю всѣ знатные шведскіе плѣнники. Онъ принялъ ихъ милостиво, отдалъ шпаги, и сожалѣлъ объ ихъ несчастіи, а также не миролю-

*) Изъ приказа Петра передъ Полтавскою битвою. *Ред.*

**) Д. Пассекъ (Писано въ 1841 году).

бивомъ ихъ королѣ. Потомъ угощалъ въ шатрѣ своемъ фельдмаршала Реншильтда, графа Линца и прочихъ генераловъ, и пилъ за здоровье ихъ съ достопамятнымъ изрѣченіемъ: «я пью за здоровье моихъ учителей, которые меня воевать научили!» — Выхваляя мужество и храбрость Реншильтда, пожаловалъ ему свою шпагу *).

По разбитіи Шведовъ подъ Полтавою, за бѣжавшимъ непріятелемъ отряженная погоня настигля его у Переволочны. Все было взято въ плѣнъ, окромѣ Карла XII, съ малой свитою ушедшаго на противоположный берегъ рѣки; оставалось только переправиться за оную; въ пущую тревогу является ген.-маіоръ князь Григорій Семеновичъ Волконскій, украшенный бѣлою перевязью черезъ плечо, съ царскимъ указомъ—остановить погоню, и въ мигъ уѣзжаетъ. Между тѣмъ начавшаяся пересылка, какъ и чрезъ кого объявлено повелѣніе, сдѣлала остановку и дала Карлу время избавиться отъ плѣна. Впослѣдствіи открылось, что это сдѣлано было съ намѣреніемъ, и что царю побѣгъ королевскій, такъ сказать, развязывалъ руки **).

70.

Слово и дѣло.

Послѣ побѣды подъ Полтавою Петръ принималъ къ себѣ въ службу шведскихъ офицеровъ, которые того пожелали и дали ему присягу,—большею частію тѣми же чинами, какіе имѣли они въ шведской арміи. Между прочими былъ принятъ полковникъ Остманъ, посланный въ полкъ, въ Казани расположенный. Тутъ былъ онъ подверженъ несчастію, которое конечно имѣло бы для него пагубныя послѣдствія, если бы государь не столь осмотрительно поступалъ при обвиненіяхъ. Одинъ изъ деньщиковъ его, котораго за частое пьянство и негодное поведеніе велѣлъ онъ наказать палками, закричалъ на него слово и дѣло. Тогда, по обыкновенію, остановили наказаніе и взяли подъ караулъ какъ господина,

*) Нартовъ.

**) «Русская Старина». 1871 г. книга XI, стран. 585.

такъ и слугу. Оба пересланы съ провожатыми въ Петербургъ и отданы въ тайную канцелярію. Тамъ показалъ деньщикъ на своего полковника, что тотъ бранилъ государя разными ругательными словами, и по трехъ жестокихъ пыткахъ на семъ утвердился. Какъ скоро государь получилъ извѣстіе о семъ доносѣ, приказалъ полковника привесть къ себѣ, показалъ ему подтвержденный доносъ и усильно требовалъ, что бы тотъ сказалъ истину сего дѣла, представляя, что теперь дошла очередь до него и что онъ, конечно, долженъ будетъ сказать правду. При сихъ словахъ смотрѣлъ пристально на лице полковника: не примѣтитъ ли какой въ немъ перемѣны или измѣненія. Полковникъ несмущенно сказалъ его величеству, что не только никогда не говорилъ, но и не помышлялъ о томъ, въ чемъ деньщикъ на него доноситъ, и клялся, что даже столько и порусски не разумѣетъ; слѣдовательно, ничего такого и говорить не могъ. Сверхъ того, онъ изъ военноплѣнныхъ, будучи высокою милостію его величества облагодѣтельствованъ—принятіемъ въ службу и ввѣреніемъ ему полка,—не имѣетъ причины быть имъ не довольнымъ. И если признать себя виновнымъ въ доносѣ, то долженъ говорить то, чего вовсе не знаетъ, и напрасно на себя всклепать. Петръ отпустилъ полковника безъ дальняго допрашиванія, приказавъ взять его подъ стражу. На другой день велѣлъ привесть къ пытанному деньщику свѣдущаго и расторопнаго священника, которой бы приготовляя его къ смерти, старался его во всемъ совершенно выисповѣдать и обличить. Священникъ исправилъ свою должность усердно: когда въ третій уже день исповѣдывалъ деньщика и далъ ему послѣднее увѣщаніе, чтобы не таилъ ничего, потому что завтра же будетъ казненъ,—то онъ признался, наконецъ, по совѣсти своей, что оклеветалъ своего полковника изъ мщенія. Деньщика казнили, а полковнику, по прежнему, велѣно принять полкъ.

71.

Самоотверженіе Петра.

Въ 1714 году государь, будучи на Финскомъ заливѣ съ флотомъ, отъ Гельсингфорса къ Аланду, претерпѣлъ великую опасность, угрожавшую самой жизни: ночью поднялась жестокая буря и весь флотъ находился въ крайнемъ бѣдствіи; всѣ думали, что погибнутъ. Его величество, увидѣвъ робость корабельщиковъ своихъ, рѣшился сѣсть на шлюбку и ѣхать къ берегу, зажечь тамъ огонь, чрезъ что дать знать близость берега. Бывшіе на кораблѣ офицеры, ужасаясь отважности государя, всѣ пали къ ногамъ его и просили неотступно, чтобъ онъ отмѣнилъ такое гибельное намѣреніе и чтобъ имъ это повелѣлъ исполнить. Но государь, показывая подданнымъ на морѣ безстрашіе, не послушалъ ихъ; сѣлъ съ нѣсколькими гребцами въ шлюбку и поплылъ. Рулемъ его величество управлялъ самъ, а гребцы работали сильно въ греблѣ; но, борясь долго противъ волнъ, они начали ослабѣвать и уже потопленія ожидали. Въ такомъ ихъ отчаяніи, Петръ всталъ съ мѣста и въ ободреніе кричалъ имъ: «Чего боитесь, Царя везете! кто велій, яко Богъ! Богъ съ нами, ребята, прибавляйте силы!» Такая рѣчь возобновила мужество во всѣхъ; пробился онъ сквозь валы до берега, куда вышедъ, зажегъ огонь и тѣмъ далъ знакъ флоту, что онъ счастливо туда прибылъ, и что они также не далеко отъ берега. Государь, измоченный весь водою, обогрѣвался у огня съ гребцами и спросилъ: «есть-ли на шлюбкѣ морской сбитень и сухари?» Ему подали; онъ выпилъ стаканъ, съѣлъ сухарь, велѣлъ выпить стакана по два матросамъ и потомъ заснулъ близъ огня подъ деревомъ, покрывшись парусиною.

72.

Празднованіе мира съ Швеціею.

Сѣверная война, окончившись блистательнымъ миромъ для Россіи, измѣнила положеніе Европы: подлѣ западной Европы, для общей дѣятельности съ нею, явилась новая Европа, восточная, что сейчасъ же отразилось въ европейскомъ организмѣ, отозвалось всюду отъ Швеціи до Испаніи. Легко понять какое чувство при извѣстіи о мирѣ должно было овладѣть русскими людьми, которые прошли «троевременную школу, такъ кровавую и жестокую и весьма опасную и нынѣ такой миръ получили незаслуженною отъ Бога милостію» *). Чрезъ знакомство съ европейскою цивилизаціею, чрезъ сильное и быстрое расширеніе своей сферы, до-тѣхъ-поръ столь узкой, они сознавали себя людьми новыми, живущими новою, настоящею жизнію; но при этомъ народное чувство ихъ было вполнѣ удовлетворено тѣмъ великимъ значеніемъ, какое они получили въ этой гордой и недоступной имъ прежде Европѣ; не покорными только учениками явились они здѣсь, но самостоятельными и сильными участниками въ общей дѣятельности, заняли почетное мѣсто, заставили относиться къ себѣ съ уваженіемъ. Напряженныя усилія, тяжкія пожертвованія были вознаграждены небывалою славою, неожиданными выгодами **). Трудъ не пропалъ даромъ и былъ такъ

*) «Троевременная (или трехвременная) жестокая школа» объясняется письмомъ Петра къ князю Василію Лукичу Долгорукому въ Парижъ: «Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 годъ), однакожъ такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно». — Исторія Россіи, соч. Соловьева, т. XVII, 377.

Вотъ что говоритъ Корбъ (секретарь посольства императора Леопольда I-го къ царю Петру) объ ученикахъ до шведской войны, 6-го сентября 1698 года: «Царь сдѣлалъ ученье своимъ полкамъ и убѣдился, что многаго еще недостаетъ этимъ толпамъ, чтобы можно было ихъ назвать войнами. Онъ лично показывалъ имъ, какъ нужно дѣлать движенія и обороты наклоненіемъ своего тѣла, какую нестройныя толпы должны имѣть выправку; наконецъ, соскучившись видомъ этого скопища необученныхъ, отправился, въ сопровожденіи бояръ, на пирушку, которую, по желанію его, устроилъ Лефортъ». — Дневникъ Корба, въ изд. М. И. Семевскаго. *Ред.*

**) По Ништадтскому миру къ Россіи присоединены: Эстляндія, Лифляндія, Ингрія и часть Финляндіи. *Ред.*

блистательно оправданъ. Такъ блистательно былъ оправданъ великій человѣкъ, руководившій народъ свой, знаменитый корабельный плотникъ, знаменитый шкиперъ, такъ искусно проводившій корабль свой чрезъ опасныя мѣста.

4-го сентября (1721 года) въ Петербургѣ сильное волненіе: царь неожиданно возвратился изъ своей поѣздки *), плыветъ и каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ на своей бригантинѣ; трубачъ трубитъ: что это значитъ ?.. Миръ!

Толпы собираются у Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его: генералъ-адмиралъ, флагманы, министры просятъ принять чинъ адмирала отъ краснаго флага. А между тѣмъ на Троицкой площади уже приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ, устроено возвышенное мѣсто. На него всходитъ царь и говоритъ окружающему народу:

— «Здравствуйте и благодарите Бога православные! что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ».

Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: «Да здравствуетъ государь!» Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы; поставленные на площади полки стрѣляютъ изъ ружей. По городу съ извѣстіями о мирѣ ѣздятъ 12 драгунъ съ бѣлыми черезъ плечо перевязями, съ знаменами и лавровыми вѣтвями, передъ ними по два трубача. 10-го числа начался большой маскарадъ изъ 1000 масокъ и продолжался цѣлую недѣлю. Петръ веселился какъ ребенокъ, плясалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни.

Вторичное церковное торжество было назначено на 22-е октября. За день, 20-го числа, Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и объявилъ, что, въ знакъ благодарности за Божію милость, дастъ прощеніе всѣмъ

*) Передъ этимъ Петръ отправился въ Выборгъ; 3-го сентября царь былъ на Лисьемъ носу, когда пріѣхавшій изъ Ништадта курьеръ подалъ ему бумаги. Миръ заключенъ августа 30-го дня (1721 г.), въ четвертомъ часу по-полуночи.

Ред.

осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ, слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны по 1718 годъ. Въ тотъ же день сенатъ рѣшаетъ поднести Петру титулъ Отца отечества, Императора и Великаго.

22-го октября царь со всѣми вельможами у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ обѣдни читается мирный договоръ; Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ проповѣдь, въ которой описываетъ всѣ знаменитыя дѣла царя, за которыя онъ достоинъ называться Отцемъ отечества, Императоромъ и Великимъ. Тутъ подходятъ къ Петру сенаторы, и канцлеръ графъ Головкинъ говоритъ рѣчь:

— «Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо едиными вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены: и того ради како мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожъ, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, именемъ всего всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ, въ знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ Отца отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго приняти. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ отечествія, Императоръ Всероссійскій!»

Сенаторы три раза прокричали виватъ, за ними повторилъ этотъ крикъ весь народъ, стоявшій внутри и внѣ церкви, раздался колокольный звонъ, звуки трубъ, литавръ и барабановъ, пушечная и ружейная стрѣльба.

Петръ отвѣчалъ, что «желаетъ весьма народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе».

Не разъ предшественникамъ Петра и ему самому указывали на титулъ императора восточнаго; но Петръ отвергнулъ эту ветхость и принялъ титулъ императора Всероссійскаго; родная страна не была отлучена отъ славы царя своего, впервые оказано было уваженіе къ народности *).

Къ вечеру (22 октября) въ честь этаго мирнаго торжества была по всему городу иллюминація, по окнамъ свѣчи, по улицамъ жгли смоляныя бочки и дрова; потомъ зажженъ былъ фейерверкъ, гдѣ былъ Янусовъ храмъ сдѣланъ съ отверстыми вратами, а посреди его стоялъ Янусъ, который въ правой рукѣ держалъ лавровый вѣнецъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь. Янусъ украшенъ былъ синимъ огнемъ и когда врата храма затворялись двумя воинами, то одинъ другому руки подавали, въ знакъ союза или мира, ими учиненнаго, въ это время отъ множества трубъ, литавръ и барабановъ учинился великій звукъ, а потомъ съ крѣпости и галеръ изъ всѣхъ пушекъ однимъ залпомъ вдругъ около тысячи пушекъ выстрѣлено было, также изъ мелкаго ружья учинено и отъ такого великаго пушечнаго огня казалось тогда, что вся крѣпость и Нева пламенемъ покрылись, и по три вечера потомъ торжество было и три фейерверка сожжено, чѣмъ и окончилось оное торжество **).

73.

Петръ въ сухопутной и морской военной службѣ.

Отъ юности своей государь находилъ удовольствіе въ трудностяхъ, сопряженныхъ съ воинскимъ состояніемъ, и дабы мужественно сносить ихъ, привыкъ къ самой суровой и простой жизни. Едва достигъ десяти лѣтъ, какъ учредилъ онъ въ Москвѣ роту солдатъ изъ молодыхъ дворянъ ***), во всемъ на нѣмецкой образецъ; съ нею стоялъ въ лагерѣ, и какъ всю воинскую службу, такъ и случавшіяся работы несъ и отправлялъ ежедневно; хотя и могъ,

*) «Исторія Россіи въ эпоху преобразованія». Соч. С. Соловьева. т. XVII.

**) Изъ книги «Знатныя торжества» Андрея Богданова (самовидца), изд. въ 1779 году.

***) Смот. разсказъ 2, стр. 7.

однако же не хотѣлъ быть капитаномъ этой первой регулярной роты въ Россіи: напротивъ того лучше желалъ служить въ самой низшей степени, дабы чрезъ то самому познать службу. И такъ былъ онъ долгое время барабанщикомъ, а потомъ нѣсколько лѣтъ рядовымъ солдатомъ. Когда онъ бывалъ въ караулѣ, то спалъ съ своими сверстниками въ палаткѣ, или караульнѣ на лавкѣ; какъ ночью, такъ и днемъ отстаивалъ свои часы, и ѣлъ съ прочими въ артели простую солдатскую пищу. При заложеніи крѣпости для забавы и воинскаго упражненія *) съ прочими вмѣстѣ возилъ землю на телѣжкѣ, сдѣланной собственными своими руками. Такимъ-то образомъ молодой воинъ не только самъ навыкалъ ко всѣмъ воинскимъ трудностямъ, но подавалъ еще собою примѣръ тѣмъ, которыхъ хотѣлъ привлечь къ воинской службѣ. Суетной мысли о знатной породѣ и заслугахъ предковъ смѣялся онъ при всякомъ случаѣ; напротивъ того старался возбудить въ сердцахъ своего дворянства истинное любочестіе—списквать себѣ, по его примѣру, почести, чины и преимущества предъ другими чрезъ личныя заслуги. На семъ основываясь, россійскій монархъ въ своемъ (въ 1722 году изданномъ) регламентѣ о чинахъ положилъ за правило, чтобы предпочтеніе одного предъ другимъ единою только государственною службою было опредѣляемо; и никто бы не имѣлъ инаго чина, какъ пріобрѣтеннаго имъ въ службѣ. По кто не служитъ, или не служилъ, тотъ не имѣлъ бы и чина.

По сихъ юношескихъ воинскихъ упражненіяхъ, когда кораблестроеніе и мореплаваніе сдѣлались любимыми его искусствами, коимъ онъ въ Сардамѣ и Амстердамѣ научился (1697 г.) и въ дѣйствіе самъ производилъ, служилъ сей неутомимый монархъ, такъ какъ и его подданные, въ своемъ флотѣ отъ самой низкой степени и дошелъ въ сей службѣ до контръ-адмиральскаго чина, которымъ довольствовался, уступая по справедливости адмиральскіе и вицъ-адмиральскіе чины другимъ, которые во флотѣ превосходили его службою.

*) Крѣпость сооружена въ сентябрѣ 1688 года и названа Пресбургомъ; около нея происходили часто примѣрныя битвы потѣшныхъ противъ стрѣльцовъ; въ одной изъ нихъ случайнымъ взрывомъ горючаго вещества царю сильно опалило лице (1690 г.). *Ред.*

Однажды очистилось вицъ-адмиральское мѣсто, которое по адмиралтейскому штату должно быть занято. Контръ-адмиралъ Петръ Алексѣевичъ, т. е. самъ государь, подалъ въ адмиралтейскую коллегію челобитную, въ которой прописалъ дотолѣ несенную имъ службу, просилъ о помѣщеніи его на это мѣсто. Дѣло было тамъ разсмотрѣно съ надлежащимъ вниманіемъ, и потомъ праздное мѣсто дано другому контръ-адмиралу, а на его просьбу сдѣлано рѣшеніе, что коллегія весьма признаетъ показанныя имъ доселѣ заслуги и надѣясь, что онъ впредь будетъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ стараться показать ихъ, обнадеживаетъ его въ требуемомъ повышеніи, коль скоро опять представится къ тому случай; нынѣ же, по сравненіи доселѣ отправляемой имъ морской службы со службою другаго контръ-адмирала, нашла она, что тотъ долѣе служитъ морскимъ офицеромъ и многократнѣе отличилъ себя на морѣ. Чего ради адмиралтейская коллегія, сообразуясь съ справедливостью, не могла преминуть, чтобъ не дать ему на этомъ разъ преимущества и не произвести его въ вицъ-адмиралы. Государь доволенъ былъ такимъ рѣшеніемъ, и когда при дворѣ зашла рѣчь о повышеніи, сказалъ:

— «Члены коллегіи справедливо судили и поступили по надлежащему. Если бы они были столь раболѣпны, чтобъ изъ ласкательства предпочли бы меня моему сверстнику, то дѣйствительно я заставилъ бы ихъ въ томъ раскаяться» *).

Петръ получалъ обыкновенно жалованье по чинамъ; когда приносили деньги, то онъ говаривалъ:

— «Сіи деньги собственныя мои, я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу» **).

Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ съ собою въ Архангельскъ принятаго имъ въ службу знающаго сардамскаго мореплавателя,

*) Штелинъ, изд. 1787 г.

**) Нартовъ.

прозваніемъ Муса, гдѣ построивъ съ нимъ военный корабль по голландскому образцу, пожаловалъ сего сардамца капитаномъ корабля, на которомъ его величество воспріялъ желаніе проходить всѣ чины флотскіе отъ нижняго до высшаго.—Нѣкогда случившись государь на семъ кораблѣ, спрашивалъ у Муса, съ какого чина начинаютъ служить на кораблѣ; а какъ капитанъ доносилъ,—съ матроса, то на сіе ему государь сказалъ: «Хорошо, такъ я послужу теперь у тебя матросомъ».

Мусъ, думая что государь шутитъ, приказалъ ему развязать въ верху веревку мачты; Петръ, кинувшись туда немедленно, исполнялъ должность сію съ такимъ проворетвомъ, какъ бы дѣлалъ то настоящій и знающій матросъ. Между тѣмъ Мусъ, смотря на государя, отъ ужаса и страха трепеща, кричалъ ему въ верхъ:

—Довольно, хорошо царь Питеръ, полезай внизъ!

Тогда былъ сильный вѣтеръ, и легко могъ бы онъ оттуда слетѣть. Государь спустился назадъ благополучно, и увидя капитана совсѣмъ въ лицѣ измѣнившагося, спросилъ его:

—«Чего ты испугался? не того, чтобъ я погибъ, а того, чтобъ море не поглотило русскаго сокровища! не бойся, капитанъ, когда бояться звѣря, такъ и въ лѣсъ не ходить».

Послѣ сего Мусъ, мало по малу опомнясь, сталъ веселѣе, приказывалъ государю разкурить себѣ трубку табаку, палить пушкъ и словомъ сказать, отправлять и прочія должности простаго корабельщика. Монархъ скоро исполнялъ всѣ его повелѣнія, подавая симъ примѣръ прочимъ находившимся на кораблѣ подчиненнымъ и подданнымъ своимъ, какимъ образомъ надлежитъ повиноваться командиру и отправлять должности. *)

Осмотрѣвъ 60-ти пушечный корабль «Петръ и Павелъ», заложенный еще въ 1697 году руками Петра въ Голландіи,—государь обратился къ капитану съ словами: «Ну, братъ, въ войскѣ сухопутномъ я прошелъ всѣ чины; позволь же мнѣ имѣть счастіе быть подъ твоей командой».

Изумленный капитанъ не зналъ что отвѣчать.

---

*) Нартовъ.

—«Что же вы, г. капитанъ, не удостоиваете меня своимъ приказомъ! Съ какой должности обыкновенно начинаютъ морскую службу?»

—Съ каютнаго юнги! отвѣчалъ изумленный капитанъ.

«Хорошо!» сказалъ монархъ. «Теперь я заступаю его мѣсто».

—Помилуйте, ваше величество!...

—«Я теперь здѣсь не ваше величество, а начинающій морскую службу, съ званія каютнаго юнги!...»

Капитанъ все еще думалъ, что государь шутитъ и сказалъ:

—Ну такъ полѣзай же на мачту и развяжи парусъ!

Монархъ не говоря ни слова, побѣжалъ на мачту, по узкому трапу. Капитанъ едва не умеръ отъ страха, и весь экипажъ обомлѣлъ, увидѣвъ отважность совершенно неопытнаго еще въ матросской службѣ, молодаго царя. Тотъ, кто нѣкогда обтесывалъ мачту, находится теперь на ея вершинѣ! Онъ вѣдь былъ на своемъ кораблѣ, имъ самимъ построенномъ! заткнувъ топоръ за поясъ, бывало, прощался онъ, вечеромъ, съ своимъ твореніемъ, чтобы на утро вновь приняться за работу.

Если этотъ корабль и не былъ дѣдомъ Русскаго флота, то, по крайней мѣрѣ, его отцемъ.

Между тѣмъ, вѣтеръ колыхалъ корабль. Одно мгновеніе и государь, надежда цѣлаго народа, могъ бы упасть на палубу или въ волны морскія! Эта мысль ужасала капитана и всѣхъ моряковъ, постигавшихъ вполнѣ опасное положеніе юнаго монарха. Ни одинъ изъ старыхъ матросовъ не отважился бы взойти на мачту, не подумавъ объ опасности, ему предстоящей.

Всѣ были въ какомъ то оцѣпенѣніи, а государь, между тѣмъ, работалъ на верху. Вскорѣ конецъ развязанной веревки полетѣлъ на палубу и государь, кинувъ орлиный взглядъ на безконечное пространство, покрытое сѣдыми валами, сошелъ внизъ. Капитанъ, видя что государь былъ доволенъ его приказаніемъ, но не желая подвергать его въ другой разъ столь очевидной опасности, велѣлъ новому юнгѣ раскурить трубку и подать ее, что и было исполнено безпрекословно. Замѣтимъ, что капитанъ этотъ, по имени Мусъ, былъ нѣкогда простымъ матросомъ, въ Голландіи, и понравился Петру во время пребыванія нашего посольства въ Амстердамѣ.

Весьма естественно, что Мусъ, вспомнивъ прежнее время, когда онъ былъ товарищемъ и помощникомъ царя въ работѣ, такъ живо представилъ себѣ прошедшее, что тотчасъ же нашелся въ роли повелителя, и постигнувъ вполнѣ свой новый санъ, взглянулъ гордо на Петра и сказалъ.

— Поскорѣе принеси мнѣ бутылку вина изъ каюты!

Государь побѣжалъ внизъ и явился съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ. Тогда капитанъ взглянулъ на Петра, ожидавшаго новыхъ приказаній, призадумался, потомъ пристально посмотрѣлъ на юнаго монарха, будто не вѣря самому себѣ, и краснорѣчивая слеза, слеза привязанности и умиленія, оросила мужественное лице его. Онъ вдругъ приподнялся, схватилъ одною рукою стаканъ, наполненный виномъ и кинувъ другою шапку вверхъ, воскликнулъ:

— Да здравствуетъ величайшій изъ царей!

Громкое ура раздалось на кораблѣ и достигши до берега, было отвѣтомъ тронутыхъ до глубины сердца матросовъ. Потомъ вновь всѣ замолкли и смотрѣли на орла русскаго съ изумленіемъ. Всѣ готовы были броситься въ огонь и въ воду по первому слову государя! *)

---

*) Журналъ Военно-Учебныхъ заведеній. 1840 г. № 10.

Фрегатъ св. ап. «Петръ и Павелъ» заложенъ въ Амстердамской верфи Ость-Индской компаніи 9-го сентября и спущенъ на воду 16-го ноября 1697 г. При постройкѣ его Петръ былъ простымъ рабочимъ, съ другими 10 русскими волонтерами, подъ руководствомъ мастера Геррита Класа Поля, который и выдалъ плотнику Петру Михайлову, работавшему на верфи 4 мѣсяца, аттестатъ, въ знаніи корабельнаго мастерства, корабельной архитектуры и черченія плановъ (кабин. дѣла I, кн. 38).

Голландскій историкъ Схелтема повѣствуетъ, что будто этотъ фрегатъ (онъ называетъ его галіотомъ) былъ подаренъ Петру городомъ Амстердамомъ, что Петръ переименовалъ его въ «Амстердамъ», назначилъ капитаномъ Геррита Муша и отправилъ въ Архангельскъ, откуда фрегатъ перевезенъ былъ въ Петербургъ и въ царствованіе императрицы Елисаветы сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими судами. Но при этомъ, ссылаясь на современныя записки, Схелтема самъ удивляется, отъ чего въ подробномъ исчисленіи расходовъ города Амстердама, на содержаніе Московскаго посольства, ничего не говорится о подаренномъ царю фрегатѣ (Схелтема, II, 297).

Голиковъ, сообщая о фрегатѣ «Петръ и Павелъ» такія же свѣдѣнія называетъ его уже 60-ти пушечнымъ военнымъ кораблемъ (Дополн. къ дѣян. V. 38).

74.

Солдатскій паекъ.

Изъ малаго начала—потѣшныхъ, родилась скоро цѣлая и великая армія, введена строгая дисциплина, опредѣлено каждому жалованье и пайки хлѣба, крупъ и соли, чѣмъ себя долженъ содержать солдатъ.

Извѣстно, что государь и по учрежденіи арміи проходилъ самъ службу и жалованъ въ чины на ряду съ прочими, но неизвѣстно, можетъ быть, то, что государь всякое такого рода учрежденіе не прежде издавалъ, какъ испытавъ собственнымъ опытомъ — возможно-ли исполнить его? Когда учредилъ онъ помянутые солдатамъ пайки, то прежде нежели издалъ о семъ законъ, захотѣлъ испытать собою же собственно: можетъ-ли солдатъ быть пайкомъ тѣмъ сытъ? Для сего, какъ и въ нѣжномъ возрастѣ своемъ, онъ принялъ на себя въ строгой точности всю солдатскую службу и цѣлый мѣсяцъ, служа съ ними на ряду, довольствовался опредѣленнымъ солдату пайкомъ, ничего къ нему другаго не прибавляя. По таковомъ испытаніи государь, вступя вновь, такъ сказать, въ права свои, сказалъ окружавшимъ его:

— «Слава Богу, теперь я увѣрился достовѣрно, что опредѣленный паекъ солдату, къ его безнуждному продовольствію достаточенъ, ибо когда я по возрасту и силамъ моимъ большее количество требую пищи къ своему насыщенію, нежели многіе изъ солдатъ, то конечно уже каждый изъ нихъ будетъ совершенно сытъ.

Отсюда онъ вѣроятно попалъ и въ настоящій разсказъ. Но дѣло въ томъ, что заложенный и выстроенный въ Амстердамѣ фрегатъ «Петръ и Павелъ», на которомъ трудился государь, никогда не былъ подаренъ царю и, слѣдовательно, никогда не былъ въ Петербургѣ, а остался собственностью Остъ-Индской компаніи, что видно изъ двухъ писемъ мастера Геррита Класа Поля къ Петру I. отъ 20 февраля 1700 и 19-го мая 1704 года (кабинет. дѣла, II, кн. 1 и 3). Въ послѣднемъ письмѣ мастеръ Класъ говоритъ, что этотъ фрегатъ совершилъ уже, въ то время, путешествіе въ Индію. *Ред.*

75.

Просьба Петра I.

Молодые дворяне посланы учиться въ Венецію, а оттуда въ Голландію; воротились въ зимнее время, пришли къ государю въ 6 часовъ утра; онъ уже со свѣчею въ рукахъ ползалъ по картѣ; разспрашивалъ ихъ, остался доволенъ. Просились къ матерямъ на побывку.

— «Нельзя, время военное, отпуски запрещены, а вы въ службѣ по флоту; буду однако ходатайствовать».

И велѣлъ имъ идти въ адмиралтействъ-коллегію. Пришелъ самъ гораздо послѣ 8-ми часовъ.

— Поздненько, Петръ Алексѣевичъ, поздненько! сказалъ генералъ-адмиралъ.

— «Дѣла были, ваше сіятельство».

— То особь статья, а здѣсь по регламенту. Садись, Петръ Алексѣевичъ. Да что тамъ за молодцы? Ты прислалъ ихъ».

Объяснилъ, что они учились-де хорошо и вели себя честно; доложилъ о просьбѣ ихъ повидаться съ родными: взяты-де почти силою отъ матерей.

— Нельзя, Петръ Алексѣевичъ; самъ знаешь, государь запретилъ теперь отпуски.

— «Государь на это слова не скажетъ».

— Не онъ, такъ дубинка заговоритъ.

— «Да не угодно-ли будетъ вашему сіятельству зачислить ихъ въ штатъ къ себѣ?»

— На что они мнѣ?

И молвилъ генералъ-адмиралъ что-то на ухо секретарю; велѣлъ потомъ молодымъ людямъ войти въ присутствіе.

— Похваляютъ васъ, сказалъ имъ, что и учились хорошо, и не буянили. За то я всѣхъ васъ беру въ штатъ къ себѣ. Не хотители у родныхъ побывать? Съ Богомъ! А черезъ 28 дней сюда на службу» *).

*) Воспоминанія Оедора Петровича Лубяновскаго.

76.

Обыкновенный мундиръ Петра.

Императрица вышила съ компатными своими дѣвицами кафтанъ, по голубому гарнитуру серебромъ, и по окончаніи работы поднесла его государю, прося чтобъ благоволилъ удостоить надѣть его въ день торжественнаго ея коронованія. Государь, посмотрѣвъ на шитье, взялъ кафтанъ и тряхнулъ его. Нѣсколько капители полетѣло на полъ:

—«Смотри, Катинька», сказалъ онъ, «пропало дневное жалованье солдата».

Кафтанъ этотъ, въ угодность супруги своей, имѣлъ государь на себѣ только во время празднества коронаціи, а послѣ никогда его не надѣвалъ, почитая неприличною роскошью, обыкновенно же носилъ гвардейскій мундиръ или флотскій *).

Екатерина къ своей коронаціи вышила для государя кафтанъ, по голубой объяри серебромъ; когда Петръ впервые надѣлъ его на себя, то она сказала.

— «Ахъ батюшка! какъ онъ къ тебѣ присталъ, и какъ-бы я желала видѣть тебя и всегда такъ одѣтаго!»

— «Безрасудное желаніе!» отвѣтствовалъ монархъ. «Ты того не представляешь, что всѣ такія издержки не только что излишни и отяготительны моему народу; но что за такое недостойное употребленіе народныхъ денегъ я буду еще и отвѣчать Богу, вѣдая притомъ, что государь долженъ отличаться отъ подданныхъ не щегольствомъ и пышностію, еще менѣе роскошью, но неусыпнымъ ношеніемъ на себѣ бремени государственнаго, попеченіемъ объ ихъ пользѣ и облегченіи. Къ тому же эти убранства только вяжутъ меня и отнимаютъ руки» **).

---

*) Нартовъ.

**) Голиковъ.

77.

Иностранные кораблестроители.

На большое жалованье и высокіе чины государь не слишкомъ былъ щедръ, и корабельные мастера, которыхъ въ его время довольное число изъ голландцевъ и англичанъ въ Петербургѣ находилось, при знатномъ награжденіи, не больше капитанскаго чина получали. Желаніе возвыситься побудило ихъ къ нѣкоторому довольно забавному опыту. Императоръ всегда ласково съ ними обходился. Если онъ вечеромъ бывалъ гдѣ въ гостяхъ, то хозяинъ долженъ былъ большее изъ нихъ число къ себѣ также приглашать, дабы они разговорами своими служили къ пріятнѣйшему препровожденію времени, въ чемъ онъ находилъ всегда удовольствіе. Они должны были садиться подлѣ него, и онъ съ ними какъ съ равными себѣ обращался. Однажды на большой вечеринкѣ случилось имъ быть съ государемъ и когда они съ нимъ разговаривали, то по окончаніи рѣчи всѣ стояли и не хотѣли сѣсть. Петръ неоднократно повторялъ имъ, чтобъ они садились, но они всякой разъ отвѣтствовали на то низкимъ поклономъ и стояли. Наконецъ государь, не примѣчая причины столь необыкновенной учтивости, спросилъ:

— «Что это значитъ, что никто изъ васъ не хочетъ сѣсть. Развѣ вы не слышали, что я вамъ объ этомъ неоднократно сказывалъ?»

— Ваше величество не вмѣните намъ за дерзость, мы не смѣемъ сѣсть въ присутствіи своего государя и императора: по чинамъ мы едва равняемся съ сухопутными капитанами, а видимъ, что штабъ -офицеры стоятъ за вашимъ величествомъ, и одни только генералы и бригадиры имѣютъ дозволеніе сидѣть съ вами.

Императоръ примѣтилъ что это значило и сказалъ усмѣхнувшись:

— «Хорошо! Садитесь, однакожъ, теперь подлѣ меня. Въ первой разъ, какъ я буду въ сенатѣ, не премину поговорить и о вашихъ чинахъ».

Потомъ вынувъ свою записную книгу, написалъ нѣсколько

словъ для памяти, и чрезъ нѣсколько дней вышелъ дѣйствительно изъ правительствующаго сената указъ, по силѣ котораго корабельнымъ мастерамъ, смотря по ихъ достоинству и заслугамъ, даны чины бригадирскіе, полковничьи и маіорскіе.

78.

Ходатайство дочери о пенсіи отцу.

Государь на пути своемъ въ Воронежъ, подъ вечеръ, въ непастную погоду, заѣхалъ почевать въ деревушку къ одному вдовому дворянину, котораго не случилось тогда дома; по дѣламъ былъ въ городѣ. А какъ Петръ ѣзжалъ всегда просто, съ малымъ числомъ людей, да и кромѣ одного крестьянина и двухъ старухъ никого изъ служителей тутъ не находилось, то и сочли его проѣзжимъ офицеромъ. Государь вошедъ въ покой, встрѣченъ былъ восемнадцати-лѣтнею дочерью того дворянина, которая его спрашивала.

— «Ваша милость кто такой?

— «Я проѣзжій офицеръ, заѣхалъ къ отцу твоему переночевать».

— «А какъ тебя зовутъ?»

— «Петромъ!» отвѣчалъ государь.

— Много есть Петровъ, продолжала она, скажи свое прозваніе.

— «Михайловъ, голубушка».

— Петръ Михайловъ! повторяла дѣвушка съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и радости; ахъ, если бы ты былъ тотъ Петръ Михайловъ, который ѣздитъ въ Воронежъ строить корабли, и который слыветъ нашимъ царемъ, какъ бы я была счастлива!

— «А чтожъ?»

— Я бы попросила у него милости!

— «Куда какъ ты смѣла!» сказалъ онъ ей, «какую милость и за что?»

— Такую, чтобъ онъ пожаловалъ что нибудь отцу моему за то, что подъ городомъ Орешкомъ *) на приступѣ весь израненъ,

* Шлиссельбургъ.

и отставленъ капитаномъ; получаетъ только поручицкое жалованье, имѣетъ двадцать душъ, и на силу себя и меня пропитать можетъ, да изъ этаго отдѣляетъ еще брату моему, который въ службѣ констаблемъ.

— «Правда, жалкое состояніе, да что дѣлать! У насъ царь про то не вѣдаетъ;—скажи мнѣ, училась ли ты чему нибудь?»

— Отецъ мой выучилъ меня читать и писать, а покойная мать моя учила меня шить и хозяйничать.

— «Не худо; прочитай-ка что нибудь и напиши!»

Дворянка сіе исполнила, показывала ему шитье и холстъ, который сама ткала.

— «Хорошо», сказалъ ей царь, «достойная дѣвушка; жаль что я не тотъ Петръ Михайловъ, который можетъ дѣлать милости! однако молись Богу: можетъ быть при случаѣ царю допесу; онъ меня довольно знаетъ и жалуетъ».

Дѣвушка поклонилась, побѣжала и принесла ему тотчасъ квасу, хлѣба, масла, яицъ, ветчины и безъ всякой застѣнчивости, отъ всего сердца потчивала; потомъ отвела ему особую горницу и приготовила изрядную постель. Государь всталъ рано, и подаря дворянской дочери пять рублей, сказалъ:

Поклонъ отцу, и скажи, что заѣзжалъ къ нему офицеръ корабельный, Петръ Михайловъ; прощай, желаю чтобы подаренные пять рублей принесли тебѣ, за доброе поведеніе и за стараніе объ отцѣ своемъ, пятьсотъ рублей».

На возвратномъ изъ Воронежа пути, его величество отправилъ къ сей дворянской дочери деньщика съ такимъ приказаніемъ: «Бывшій недавно у тебя въ гостяхъ офицеръ, есть самый тотъ Петръ Михайловъ, котораго видѣть и просить желала. Хотя по пословицѣ: «Богъ высоко, а царь далеко,» однако у перваго молитва, а у другаго служба не пропадаетъ. За службу отца твоего указалъ его величество дать ему капитанское жалованье, а тебѣ, какъ достойной дочери его, посылаетъ приданое—пять сотъ рублей, съ тѣмъ, что жениха сыщетъ самъ.»

Государь вскорѣ выдалъ ее за зажиточнаго дворянина и флотскаго офицера въ Воронежѣ.

79.

Слуга и господинъ.

Между множествомъ разосланныхъ монархомъ въ чужіе краи молодыхъ россіянъ, изъ всякаго званія людей, для изученія разнаго рода наукъ, художествъ, рукоделій и торговли,—находился одинъ изъ достаточныхъ калужскихъ помѣщиковъ, по фамиліи Спафаріевъ. Отецъ далъ ему слугу изъ калмыковъ, человѣка ума остраго, ко всѣму способнаго, и весьма вѣрнаго и приверженнаго къ ихъ дому.

Калмыкъ никогда почти не отлучался отъ господина своего и воспользовался преподаваемымъ ему ученіемъ, особенно о морской наукѣ, къ чему найглавнѣйше и назначенъ былъ его господинъ. Спафаріевъ же напротивъ, или не имѣя способности и рачения, или по старинным предубѣжденіямъ, какъ дворянинъ достаточный, считая для себя такого рода науку низкою и излишнею, — ни въ чемъ не успѣлъ, какъ ни напоминалъ ему о томъ калмыкъ. По прошествіи назначенныхъ ученію лѣтъ, возвратился съ прочими и Спафаріевъ въ Петербургъ, и долженъ былъ выдержать экзаменъ, въ присутствіи самаго монарха, въ коллегіи адмиралтейской; калмыкъ пожелалъ быть при испытаніи, дабы могъ онъ выводить изъ замѣшательства господина своего, напоминаніемъ ему, что должно отвѣчать на вопросы; а можетъ быть и для того, чтобы имѣть случай выставить и себя. Какъ бы то ни было, онъ вошелъ съ прочими предъ присутствіе монарха, посредствомъ проворства своего, то есть онъ забралъ съ собою всѣ рисунки, черченные при ученіи господиномъ его, которые и доставили ему входъ.

И такъ, прежде нежели дошла очередь до Спафаріева, калмыкъ для напоминанія ему нужнаго употреблялъ тѣ секунды, въ которыя монархъ, ходившій по палатѣ, оборачивался къ нимъ спиною; государь однако же это примѣтилъ, спросилъ калмыка, зачѣмъ онъ здѣсь?

— Я, всемилостивѣйшій государь, принялъ смѣлость войти сюда съ господиномъ своимъ для поправленія его, въ случаѣ замѣшательства, въ отвѣтахъ.

— «Да развѣ ты что разумѣешь?»

— Я, ваше величество, бывъ неотлученъ отъ господина моего, старался воспользоваться преподаваемымъ ему наставленіемъ.

Монархъ, удивясь сему, сталъ самъ его разспрашивать по части морскихъ познаній и, къ великому удовольствію, нашелъ его весьма въ томъ знающимъ. Послѣ сего подобно же началъ монархъ испытывать господина его и нашелъ, что сколько слуга былъ знающъ, столько тотъ не свѣдущъ. Какое же правосудный государь учинилъ рѣшеніе? Калмыку не только пожаловалъ вольность, но и чинъ мичмана во флотѣ, а господина его повелѣлъ написать матросомъ и отдать въ команду ему, дабы онъ постарался научить его тому, что самъ разумѣетъ.

Калмыкъ этотъ въ 1723 году былъ уже морскимъ капитаномъ, а потомъ дошелъ по службѣ и до контръ-адмиральскаго чина, и прозывался Калмыковымъ.

80.

Уваженіе къ храбрымъ.

Нѣкогда отданъ былъ въ походѣ одинъ офицеръ гвардіи подъ военный судъ и за неосторожный противъ военныхъ законовъ проступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, его присудили повѣсить. Сентенція была объявлена ему въ присутствіи его полковника—государя. Осужденный, поклонясь его величеству, просилъ такъ:

— Виноватъ! но будь милостивъ, яко Богъ, избавь отъ висѣлицы и отъ позорной смерти».

— «Добро», отвѣчалъ Петръ, «ради прежней службы, облегчить и разстрѣлять».

Офицеръ, поклонясь, снова говоритъ:

— Я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Помилуй, Государь! вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости. Обѣщаюсь быть осторожнѣе и вину свою заслужить. Оплошность моя, а не измѣна.

При этомъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ явились слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судящимъ штабъ и оберъ-офицерамъ снисходительно сказалъ:

— «Что теперь, господа, скажете?»

Они молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ государя, который заключилъ сей судъ такъ:

— «Сіи свидѣтельства даруютъ тебѣ животъ; прощаемъ, только блюди обѣщаніе».

Вскорѣ послѣ того офицеръ этотъ выпросился у государя съ особымъ отрядомъ, напалъ съ такою храбростію на Шведовъ что, разбивъ ихъ, одержалъ побѣду и будучи при семъ случаѣ вновь раненъ въ голову, умеръ. Однако за нѣсколько часовъ до смерти, при концѣ послѣдняго издыханія, въ палаткѣ говорилъ съ радостію офицерамъ: «Теперь то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ государемъ».

81.

Порядокъ производства въ чины.

Государь, бывъ въ Персидскомъ походѣ, между прочимъ предпринялъ сдѣлать крѣпость Св. Креста *), самъ пріискалъ мѣсто, снялъ съ него планъ, сдѣлалъ чертежъ крѣпости и самъ же размѣрилъ ее; и какъ въ работѣ сей помогалъ его величеству бригадиръ Василій Яковлевичъ Левашовъ, то монархъ, утрудясь работою, спросилъ у него: «нѣтъ-ли водки?»

— Водки нѣтъ, а есть добрая сивуха, отвѣтствовалъ Левашовъ.

— «Хорошо; но не можно-ли достать къ ней рѣдьки?»

Левашевъ, бывшаго при немъ на вѣстяхъ молодаго солдата изъ дворянъ, по фамиліи Аркатова, послалъ спросить о ней у поселенныхъ тамъ казаковъ. Аркатовъ былъ столько счастливъ, что

*) Крѣпость заложена въ сентябрѣ 1722 г., на р. Сулакѣ, въ 20 верст. отъ ея устья, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отдѣляется отъ нея р. Астраханъ. Туда Петръ, по плодородію земли, переселилъ 1000 казацкихъ семействъ съ Дона. Но въ 1736 г. крѣпость оставлена, а козаки переведены на р. Терекъ. *Ред.*

сверхъ чаянія государя, весьма скоро се нашелъ и принесъ, и заслужилъ отъ монарха слово: «спасибо, братъ».

Государь, выкушавъ рюмку сивухи и закуся рѣдькою, хвалилъ проворство солдата. Левашевъ, не опустя употребить эти минуты въ пользу Аркатова, донесъ объ исправности и способностяхъ его.

— «Давно-ли онъ въ службѣ?» спросилъ Государь у Левашова. Узнавъ, что пѣтъ еще году, сказалъ:

— «Можно бы его пожаловать капраломъ, но обидишь тѣмъ многихъ, которые старѣе его въ службѣ, однакожъ, когда пройдетъ годъ службы его, напомни мнѣ объ немъ».

Этотъ Аркатовъ былъ въ отставкѣ надворнымъ совѣтникомъ.

Одинъ изъ наслѣдниковъ знатнѣйшаго княжескаго рода, молодой 16-ти-лѣтній баричъ, по обыкновенію, началъ службу свою съ солдата гвардіи. Видъ и проворство, а не меньше и знатный родъ его, привлекли на него особенное вниманіе и благоволеніе государыни, почему и просила она супруга своего пожаловать его жержантомъ.

— «Сержантомъ?» отвѣтствовалъ монархъ — «развѣ ты не знаешь, какъ важно званіе сержантское; и ты должна его жалѣть: вѣдь онъ всегда будетъ подъ палками за неисправность въ должности, которой онъ еще не разумѣетъ».

— Такъ хотя унтеръ-офицеромъ.

— «И этого нельзя».

— По крайней мѣрѣ, батюшка, пожалуй его хотя капраломъ.

— «То же нельзя: вѣдь цѣлое капральство должно быть на рукахъ его и онъ за всякую пуговицу солдатскую долженъ отвѣчать, не говоря уже о другомъ; и будетъ онъ всегда неисправенъ, а слѣдовательно, всегда-же и битъ. Да и разсуди», заключилъ государь: «можно-ли его пожаловать капраломъ, когда есть многіе старше его по службѣ? это было бы имъ всѣмъ обидно, а съ моей стороны несправедливо; и такъ пусть поверстается съ другими, а тогда по порядку и не будетъ онъ обойденъ, только бы, между тѣмъ, велъ себя порядочно».

Изъ этихъ примѣровъ видно, что не такъ легко можно было при Петрѣ Великомъ дослужиться до офицерства, но зато уже чины эти весьма уважались и отличіе, какое имъ дѣлалось въ обще-

ствѣ, сугубо награждало терпѣніе ихъ; а порядокъ въ производствѣ, недопускавшій никому, такъ сказать, ни опередить, ни отстать, нечувствительнымъ дѣлалъ медленность производства.

82.

Матушкинъ сынокъ.

Государь имѣлъ не малую трудность довести городовыхъ дворянъ своихъ до того, чтобы они добровольно отдавали дѣтей своихъ въ службу.

Одна дворянка вдова, бывъ принуждена строгостію указовъ разлучиться съ считающимся въ недорослѣхъ восемнадцати-лѣтнимъ любезнымъ сынкомъ своимъ, привезя его въ Петербургъ, записала въ Ингерманландскій полкъ, въ солдаты.

За нѣсколько же предъ тѣмъ лѣтъ, этою же вдовою отданъ былъ въ солдаты дворовый ея человѣкъ, по имени Иванъ; онъ выучился въ службѣ грамотѣ, проворствомъ и расторопностію своею скоро дослужился въ томъ же самомъ полку до сержанта и прежній его баринъ, помянутый недоросль, сдѣлался по командѣ отъ него зависящимъ. Но городской дворянинъ полагалъ, что сержантъ его все еще тотъ же Ванька, который былъ и прежде, и что потому не можетъ онъ имъ повелѣвать, а потому не хотѣлъ онъ исполнять приказовъ его. Сержантъ за ослушаніе жестоко наказалъ бывшаго господина палкою; а тотъ разжаловался матушкѣ своей, что Ванька больно прибилъ.

Мать взвыла, и думала найти управу на него у государя; она со слезами жалуется монарху на Ваньку, объясняя, что тотъ, бывъ прежде слугою, прибилъ своего господина не на животъ, а на смерть.

Государь, разспроса ее кто Ванька и кто сынъ ея и узнавъ, что Валька сержантъ, а сынъ ея солдатъ,—приказалъ обоихъ представить къ себѣ и спрашиваетъ сержанта:

— «За что ты билъ сына этой старухи?»

—За непослушаніе, отвѣствуетъ сержантъ: я приказывалъ ему быть въ четвертомъ часу къ ученью, а онъ не послушался и не

пришелъ. Я велѣлъ его привести силою и наказалъ, какъ ослушника.

Государь бывъ на то время веселъ, и ободряя его мановеніемъ, спросилъ:

«Да какъ ты его билъ?»

Сержантъ, понявъ намѣреніе государя, поставилъ Ваньку въ позитуру, далъ еще нѣсколько ударовъ палкою, приговаривая: «не ослушайся, не ослушайся!»—Вотъ такъ я билъ его, государь!

Мать завыла, а монархъ сказалъ:

— «Видишь, старуха, какой Ванька-то твой озорникъ, и въ моемъ присутствіи не унимается! я совѣтую тебѣ поскорѣе уйти, чтобы и самой чего отъ него не досталось: вѣдь за непослушаніе вездѣ бьютъ».

83.

Солдатъ уличаетъ государя въ не правосудіи.

Государь въ лѣтнемъ своемъ саду имѣлъ одинъ дубъ, посаженный собственными его руками; около него сдѣланъ былъ круглый столъ и стояли кресла, а на столъ, въ хорошую погоду, ставилась чернильница и клалась бумага; монархъ не рѣдко сидѣлъ тамъ и углублялся въ размышленія; почему у мѣста сего и ставился особый часовой.

Въ одно время его величество, писавъ на этомъ столѣ, склонился на кресло и довольно громко проговорилъ: «Слава Богу! кажется правосудіе я возстановилъ». Гренадеръ, стоявшій на часахъ (изъ дворянъ), также довольно громко сказалъ: «всѣ правосудны, кромѣ тебя». Государь, услышавъ это, подозвалъ его ближе и спрашиваетъ: что онъ сказалъ? Гренадеръ, не обинуясь, повторилъ тѣ же слова.

—«Какъ ты смѣешь это говорить? и изъ чего ты такъ заключаешь?» сказалъ удивленный государь.

— Ты, государь, самъ рѣшилъ мое дѣло, отвѣчаетъ гренадеръ, и лишилъ меня послѣдней деревнишки, доставшейся мнѣ еще отъ

прадѣда моего, отдалъ обидчику моему, господину знатному и богатому.

— «Правду-ли ты говоришь?» спросилъ государь.

— Я не осмѣлился бы сказать неправды, отвѣчаетъ смѣло гренадеръ.

Государь призвалъ къ себѣ караульнаго офицера, и приказалъ: когда онъ придетъ рапортовать ему, то напомнилъ-бы о преображенскомъ гренадерѣ, а при смѣнѣ своей передалъ бы этотъ же приказъ офицеру, который его смѣнитъ. Поутру офицеръ, отрапортовавъ монарху о состояніи караула, присовокупилъ: «Изволите-ли помнить о преображенскомъ гренадерѣ?»

— «Помню, братъ, помню!» скоропоспѣшно отвѣчалъ государь.

На другой день припомнено его величеству еще тоже, и такой-же былъ отвѣтъ; но въ то же еще утро повелѣлъ государь принесть къ себѣ изъ сената дѣло; онъ разсматривалъ его до самаго обѣда съ великимъ вниманіемъ и увидѣлъ, что соперникъ того гренадера умѣлъ такъ хитро запутать это дѣло и, при помощи коварнаго стряпчаго, дать ему такой видъ справедливости, что сенатъ и самъ государь сочли его за справедливое. На другой день прибывши въ сенатъ, онъ сказалъ:

— «Мы всѣ, паче-же я, стыдиться должны, что столь грубо обмануты хитростію коварнаго ябедника; а ты, бездѣльникъ», сказалъ онъ, обратясь къ оберъ-секретарю, съ гнѣвнымъ видомъ,— «и не думалъ предостеречь насъ; я тебя научу какъ вникать лучше въ дѣла! отведите его въ тюрьму на мѣсяцъ».

И далъ указъ, повелѣвающій прежнее рѣшеніе уничтожить; стряпчаго, писавшаго челобитную и за дѣломъ ходившаго, сослать, какъ опаснаго ябедника, въ ссылку, въ Сибирь; отнятое у того гренадера имѣніе и отданное сопернику его—возвратить; а за убытки и за владѣніе, у того корыстолюбиваго обидчика, изъ собственнаго его имѣнія столько же земли и крестьянъ отписавъ, утвердить за обиженнымъ; и сверхъ того, взыскать съ обидчика же 1000 рублей на госпиталь.

84.

Обида графинѣ Шереметевой.

Четыре Преображенскаго и три Семеновскаго полковъ солдата изъ дворянъ, бывшіе между прочими на карауле въ Преображенскомъ, когда монархъ проходилъ мимо ихъ, попросились у его величества въ городъ, то есть въ ряды московскіе, для покупки нужныхъ имъ вещей; государь тотчасъ отпустилъ ихъ, но съ тѣмъ, чтобъ возвратились непремѣнно къ вечерней зарѣ. По исправленіемъ покупокъ тѣхъ въ рядахъ и на Красной площади они часъ за часомъ нечувствительно провели время до самаго вечера; и не прежде опомнились, какъ уже тогда, когда не могли они поспѣть въ Преображенскъ, въ назначенное имъ время, иначе какъ на извощикахъ; къ несчастію, немогли ихъ отыскать; въ крайности этой рѣшились они остановить первую повозку, какая имъ попадется, чтобы доѣхать до Преображенска. Первая попавшаяся имъ на встрѣчу повозка была карета, въ которой ѣхала жена фельдмаршала Шереметева; они остановили ее и съ учтивостію просятъ графиню приказать ихъ довезти до Преображенска, объясняя, что такою милостію ея сіятельство избавитъ ихъ отъ бѣды. Графиня отвергаетъ просьбу ихъ и грозитъ, что за дерзость таковую они не меньше будутъ наказаны; однакожъ солдаты не отпускаютъ кареты, и неотступно убѣждаютъ графиню; словомъ, графиня принуждена была войти въ знакомый домъ, на той улицѣ случившійся, и отдать въ ихъ волю карету, въ которой они и поспѣли къ назначенному часу въ Преображенскъ.

На другой день фельдмаршалъ жаловался монарху на дерзость, оказанную солдатами его супругѣ. Государь, повелѣвшій ихъ представить себѣ, спросилъ: «Правда-ли то, что они отняли карету у фельдмаршальши?» Солдаты, упавши къ ногамъ его величества, разсказали все, какъ дѣло происходило, и причину принудившую ихъ къ такому поступку. Монархъ, бывъ тронутъ не столько признаніемъ ихъ, сколько тою заботливостію, которую они оказали въ выполненіи своей обязанности, и страхомъ, дабы не попасть подъ штрафъ, сдѣлавъ имъ жестокій выговоръ, прислъ фельдмаршала

простить ихъ и графъ долженъ былъ исполнить просьбу своего монарха. Его величество, наконецъ, сказалъ имъ:

— «Вы должны благодарить графа, что онъ васъ простилъ, и избавилъ тѣмъ васъ отъ заслуженнаго наказанія; если впредь дерзнете учинить что подобное, то будете наказаны по всей строгости».

Симъ и кончено дѣло.

85.

Новобранецъ на часахъ.

Одинъ изъ новонабранныхъ солдатъ стоялъ на караулѣ въ такомъ мѣстѣ, куда, думалъ онъ, не придетъ такъ скоро командиръ его; всего же меньше ожидалъ онъ тогда самого государя, тѣмъ болѣе, что уже время было обѣденное. Постъ его былъ на самомъ берегу Невы или Невки, и какъ время было весьма жаркое, то и вздумалъ онъ искупаться. Но сверхъ чаянія своего, увидѣлъ идущаго къ его посту государя, и такъ уже близко, что едва успѣлъ онъ, выскочивъ изъ воды, надѣть на себя одно только исподнее платье, шляпу и перевязь; подхватя ружье и ставъ въ позитуру, отдалъ честь и продолжалъ стоять вытянувшись. По строгости, съ каковою монархъ желалъ чтобъ храним была воинская дисциплина, казалось, что онъ велитъ его какъ преступника наказать; но вмѣсто того государь не могъ, смотря на него, не разсмѣяться, сказавъ сопровождающимъ себя: «хоть голъ, да бравъ!»

— «Давно-ли въ службѣ?» спросилъ онъ солдата.

— Недавно, отвѣчалъ часовой.

— «Знаешь-ли ты», продолжалъ государь, «что велѣно дѣлать съ тѣми часовыми, которые оставляютъ постъ свой и кидаютъ ружье, какъ сдѣлалъ ты?»

— Виноватъ, сказалъ солдатъ.

— «Ну, быть такъ!» заключилъ государь, «прощается тебѣ, какъ новику, но берегись впредь дерзнуть что-либо сдѣлать сему подобное!»

86.

Часовой не пропускаетъ государя.

У государя родился другой сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Петръ *). Какъ скоро государыня разрѣшилась отъ бремени и дано было имя царевичу, въ ту же минуту послалъ государь генералъ-адъютанта своего въ крѣпость къ оберъ-коменданту, чтобы онъ тотъ же часъ возвѣстилъ народу такую радость пушечными выстрѣлами. Но какъ передъ тѣмъ дано было отъ его величества строгое повелѣніе — не впускать въ крѣпость никого послѣ пробитія вечерней зари,—вслѣдствіе чего каждому часовому отдаваемъ былъ сей приказъ,—то стоявшій на часахъ, при входѣ въ крѣпость, солдатъ изъ новобранцевъ остановилъ генералъ-адъютанта.

— «Поди прочь! не велѣно никого впускать».

— Меня государь послалъ за важнымъ дѣломъ.

— «Я того не знаю, а знаю, что не велѣно мнѣ никого впускать, и я застрѣлю тебя, ежели не отойдешь».

Нечего было дѣлать. Посланный возвращается къ государю и доноситъ объ этомъ. Нетерпѣливый монархъ, въ сюртукѣ, безъ всякихъ отличій, идетъ самъ въ крѣпость и говоритъ тому же часовому:

— «Господинъ часовой, впусти меня».

— Не впущу, отвѣтствуетъ солдатъ.

— «Я тебя прошу».

— Не впущу, повторяетъ онъ.

— «Я приказываю!»

— А я не слушаю.

— «Да знаешь-ли ты меня? я государь твой!»

— Нѣтъ, не знаю, а знаю, что онъ же запретилъ никого не впускать.

— «Да мнѣ нужда есть».

— Ничего я слышать не хочу.

---

*) 12 октября 1715 года. *Ред.*

— «Богъ даровалъ мнѣ сына, и я спѣшу обрадовать народъ пушечными выстрѣлами».

— Наслѣдника! вскричалъ часовой съ восхищеніемъ; полно, правда ли?

— «Правда, правда», отвѣтствовалъ монархъ.

— А когда такъ—что за нужда, пусть хоть разстрѣляютъ меня завтра?... Поди и обрадуй народъ этой вѣстью сегодня.

Государь на минуту заходитъ къ оберъ-коменданту, объявляетъ о рожденіи сына своего, повелѣваетъ тотчасъ возвѣстить народу эту радость сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ и поспѣшаетъ въ соборъ, приноситъ усерднѣйшее благодареніе Господу при звонѣ колокольномъ. Солдата жалуетъ сержантомъ и десятью рублями денегъ.

87.

Жалоба солдата.

Государь въ одномъ изъ воинскихъ своихъ походовъ, не могши ѣхать отъ весьма испорченныхъ дорогъ, а не меньше дабы и солдатамъ своимъ къ безропотному снесенію труднаго похода того подать собою примѣръ, шелъ не малое разстояніе съ ними самъ. Утружденный походомъ тѣмъ, монархъ, во время роздыха войскъ, бросился на траву и, велѣвъ одному солдату сѣсть подлѣ себя, легъ, положа голову на колѣняхъ его. Солдатъ, дабы лучше покоиться на колѣняхъ главѣ монарха, нѣсколько поправлялся. Государь, не понявъ причины того, спросилъ его:

— Не тяжело-ли тебѣ, товарищъ, держать меня?»

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ солдатъ, бремя мое легко; я охотно пролью за тебя и послѣднюю каплю крови моей, но тяжело мнѣ одно то, что ты пожаловалъ деревню нашу господину Головкину, въ которой не малое число поселенныхъ было однодворцевъ,—изъ числа которыхъ были: отецъ мой, братья, жена моя и я,—и которые потому и сдѣлались крѣпостными, а я отданъ въ солдаты.

Монархъ, выслушавъ покойно солдата, спросилъ:

— «Правду-ли ты говоришь?»

—Правду, отвѣчалъ солдатъ.

И доказалъ истину того довольно понятно.

По прошествіи шести или восьми мѣсяцевъ, государь, прибывши въ С.-Петербургъ, въ первомъ присутствіи своемъ въ сенатѣ велѣлъ выправиться о той пожалованной, съ прочими, деревнѣ Головкину, и были ли въ ней однодворцы. И какъ по выправкѣ найдено, что солдатъ говорилъ правду, то его величество и приказалъ деревню оную причислить къ казеннымъ, и возвратить права обитавшимъ въ ней однодворцамъ, а солдата, наградя капраломъ, уволить отъ службы; на мѣсто же той деревни пожаловалъ Головкину другую, изъ толикихъ же душъ состоявшую *).

88.

Солдаты Петра Великаго.

Государь многократныя имѣлъ свиданія съ королями польскимъ и датскимъ. Однажды, и кажется по одержаніи уже полтавской побѣды, бывъ они вмѣстѣ, забавлялись послѣ обѣда разными веселостями и разговорами; и когда, между прочимъ, зашла рѣчь о храбрости и безпрекословномъ повиновеніи солдатъ, то король датскій сказалъ, что должно неоспоримо дать преимущество его солдатамъ, какъ старымъ и къ дисциплинѣ издавна пріобыкшимъ. Король польскій, напротивъ, отдавалъ преимущество саксонскимъ своимъ солдатамъ, приводя изъ исторіи нѣкоторые примѣры отличной ихъ храбрости. Петръ Великій, выслушавъ это и оборотясь къ послѣднему, сказалъ:

— «Я бы совѣтывалъ тебѣ молчать съ твоими саксонцами: я ихъ знаю совершенно; они немного лучше трусовъ-поляковъ; а ваши (оборотясь къ датскому) солдаты, какъ они ни стары, но противъ моихъ и новыхъ никуда не годятся».

Но они усилпвались оспаривать монарха въ преимуществѣ солдатъ своихъ.

*) Этотъ разсказъ Голикова взятъ изъ изданія 1798 г., а въ послѣднемъ —1843 г. не помѣщенъ. *Ред.*

— «Хорошо», сказалъ государь, «сдѣлаемъ теперь пробу тому: призовите сюда по одному изъ своихъ солдатъ, кто изъ нихъ храбрѣйшій и вѣрнѣйшій, по мнѣнію вашему, и велите имъ броситься изъ окошка,—покажутъ ли они къ повелѣніямъ вашимъ безпрекословную готовность; а я въ своихъ увѣренъ, ежелибъ хотѣлъ только изъ тщеславія обезчестить себя пожертвованіемъ одного изъ нихъ, то каждый безпрекословно бы исполнилъ это».

И настоялъ, чтобъ опытъ былъ сдѣланъ. Начато съ датскаго; призванъ одинъ изъ неустрашимѣйшихъ и преданнѣйшихъ, по мнѣнію ихъ, гренадеровъ. Король повелѣваетъ ему броситься изъ окна (это происходило въ третьемъ этажѣ); гренадеръ падаетъ предъ королемъ на колѣни, проситъ о помилованіи; но король кажется не внемлющимъ, повторяетъ приказъ свой; гренадеръ проливаетъ слезы и проситъ, по крайней мѣрѣ, сказать вину его и дать время на покаяніе.

Петръ разсмѣялся и говоритъ королю:

— «Полно, братъ, дай ему время на покаяніе».

И выслалъ его вонъ.

— «А съ твоими саксонцами», сказалъ онъ, оборотясь къ польскому королю, и «пробы таковой дѣлать не надобно—опытъ только бы острамилъ тебя».

Петръ призываетъ къ себѣ офицера, велитъ ему ввести когонибудь изъ своихъ солдатъ; вводятъ гренадера и государь, съ холоднымъ видомъ, велитъ ему броситься изъ окна. Гренадеръ, ударя рукою по шапкѣ, идетъ къ окну и, перекрестясь, поднимаетъ ногу на окошко.

— «Остановись!» закричалъ монархъ, «мнѣ тебя жаль; поди вонъ».

Гренадеръ оборачивается, дѣлаетъ честь ударсніемъ рукою по шапкѣ и выходитъ.

Монархъ спрашиваетъ удивленныхъ королей: каковы имъ кажутся его солдаты? Признаются они, что этотъ подлинно неустрашимъ, и есть слѣпой исполнитель воли своего государя. Просятъ его отличить, наградя офицерскимъ чиномъ; государь отвѣчаетъ, что не одинъ онъ таковъ, но что и всѣ его солдаты такіе же точно.

— «По вашему, надобно будетъ всѣхъ мнѣ пережаловать въ офи-

церы. Не хотите ли», продолжалъ монархъ, «подобно же испытать и другихъ? Изберите изъ нихъ сами такого, который бы, по мнѣнію вашему, менѣе имѣлъ духа; я увѣренъ, что и тотъ такъ же поступитъ».

Однакожъ короли не захотѣли пуститься на новую пробу, а настаивали только о пожалованіи офицеромъ перваго; государь снисходитъ на ихъ просьбу, призываетъ его вновь и объявляетъ ему офицерскій чинъ; короли же пожаловали ему по сту червонныхъ.

Петръ имѣлъ нужду облегчать душевныя силы свои, истощаемыя всегдашними напряженіями размышленій, и для этого удалялся иногда въ свою токарню и тамъ занимался, что́ и было единымъ его отдохновеніемъ. Въ одно время, проходя въ токарню, государь приказалъ солдату, стоявшему у дверей на часахъ, не впускать къ себѣ никого. Чрезъ четверть часа пришелъ князь Меньшиковъ и, спрося у часоваго: здѣсь ли государь? хотѣлъ войти къ нему. Но солдатъ отвѣчалъ:

— «Государь здѣсь, но не велѣлъ никого къ себѣ пускать».

— Меня ты можешь пустить, сказалъ князь.

— «Не пущу», отвѣтствовалъ солдатъ.

— Но ты знаешь, кто я?

— «Знаю, и не пущу».

— Я имѣю до государя нетерпящую времени нужду.

— «Что ты ни говори, а я знаю приказанное мнѣ».

— Вѣдаешь ли ты, дерзскій, что я, какъ полковникъ твой, велю тебя тотчасъ смѣнить и жестоко наказать.

— «Послѣ часовъ ты воленъ поступить со мною какъ хочешь, но прежде времени смѣнить меня не можешь; а и тогда долженъ я смѣняющему меня отдать такой же приказъ государя».

Меньшиковъ въ досадѣ хотѣлъ-было войти, оттокнувъ часоваго, но тотъ, уставя противъ груди его штыкъ, закричалъ грозно:

— «Отойди! или я тебя заколю....»

Князь принужденъ былъ отступить на нѣсколько шаговъ отъ яростнаго устремленія солдата. Шумъ, сдѣлавшійся отъ этого,

услышалъ государь; отворилъ двери и, увидя солдата въ позитурѣ такой стоящаго, спросилъ: «что это такое?» Меньшиковъ жаловался на солдата, что едва-было онъ его не закололъ. Монархъ спросилъ у часоваго о причинѣ таковаго поступка его.

— «Вы приказали мнѣ не впускать къ себѣ никого, а онъ хотѣлъ-было силою войти, оттолкнувъ меня; и мнѣ не оставалось иначе дѣлать, какъ заколоть его, ежелибъ онъ еще успливаться сталъ».

Причемъ разсказалъ и весь свой разговоръ съ княземъ и угрозы его себѣ. Государь выслушавъ, сказалъ Меншикову:

— «Данилычъ! онъ больше знаетъ свою должность, нежели ты. Мнѣ было бы жаль, ежели бы онъ закололъ тебя, но ты-бъ пропалъ вмѣсто собаки».

И строго запретилъ наказывать солдата; напротивъ, похвалилъ поступокъ его и пожаловалъ ему пять рублей; и тогда же приказалъ придворному живописцу своему на дверяхъ комнаты той изобразить этого часоваго въ такой точно позитурѣ, въ какой увидѣлъ его монархъ, отворя двери *).

Таковы то-были солдаты Петровы!

89.

Солдатская каша.

Въ одномъ изъ заграничныхъ походовъ солдаты по-артельно ѣли кашу; одинъ изъ нихъ роптalъ на прогорькость крупы, говоря громко: «Вотъ какую даютъ намъ крупу за всѣ наши службы и труды! вотъ какъ кормятъ насъ!» и проч. Государь, проходя въ то же время лагерь, съ крайнимъ прискорбіемъ слышитъ такой ропотъ; а чтобы ропотъ не распространился по всему лагерю, онъ подходитъ къ артели и, по обыкновенію своему, говоритъ:

*) «Слышавшій это, статскій совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ, отъ дяди своего, Ильи Оедоровича Ушакова, служившаго при его величествѣ въ томъ же полку капенармусомъ, заключаетъ, что онъ самъ, будучи капитаномъ гвардіи, въ 1756 и 57 годахъ, видѣлъ еще это изображеніе, при входѣ изъ сѣней въ бывшую токарню, въ старомъ лѣтнемъ дворцѣ, что близъ рѣки Фонтанки».

Голиковъ.

— «Хлѣбъ-соль, товарищи!»

— Милости просимъ хлѣба откушать, отвѣчаютъ ему.

Государь, не показывая ни малаго неудовольствія, взявъ у одного солдата ложку, нѣсколько покушалъ, и какъ-бы не примѣтивъ горькости крупы, сказалъ:

— «Каша-то, ребята, хороша; ѣшьте на здоровье».

И пошелъ отъ нихъ.

— Слышишь-ли, сказалъ другой солдатъ ропщущему, что говоритъ государь? и самому ему не противна показалась каша, а ты ропщешь; какъ быть: хотя она немного и горьковата, да въ походѣ нельзя, чтобъ все было свѣжее; придемъ въ другое мѣсто, такъ и пищу имѣть можемъ лучшую.

Недовольный отвѣчалъ на это.

— И подлинно, братъ, такъ; мнѣ уже и самому стыдно стало, когда государь похвалилъ кашу.

Такимъ образомъ монархъ пресѣкъ ропотъ и успокоилъ недовольнаго, а коммиссара послѣ наказалъ за его несмотрѣніе въ принятіи такой крупы, и далъ строжайшія повелѣнія, чтобы все отпускаемое на пищу солдатамъ было хорошее и неиспорченное, о чемъ дано было знать и во всю армію.

90.

Просьба объ отпускѣ.

Нижегородскій дворянинъ, морской службы офицеръ, Иванъ Прокудинъ, извѣстился, что дядя его, котораго былъ онъ ближайшій наслѣдникъ, скончался, оставивши знатное имѣніе и крестьянъ до 700 душъ, и что вступаются въ наслѣдство другіе, и о томъ уже начали приказную просьбу. Донося все это государю, бывшему у адмиралтейскихъ работъ, онъ просилъ отпустить его, дабы-де не лишиться ему сего наслѣдства.

— «Врешь», сказалъ на это монархъ: «когда ты по законамъ ближайшій наслѣдникъ, то никто у тебя его не отнимстъ; а отпустить тебя до зимы не можно».

Огорченный отказомъ, офицеръ на другой день снова проситъ монарха о своемъ отпускѣ.

— «Я сказалъ уже тебѣ», отвѣчаетъ государь, «что нельзя отпустить прежде зимы».

На третій день осмѣливается онъ опять о томъ же утруждать государя. Монархъ съ гнѣвомъ закричалъ на него:

— «Что ты привязался ко мнѣ, дерзкой? поди прочь!»

Но тотъ, однако, не отходитъ, говоря «бѣдный времени не терпитъ». Выведенный изъ терпѣнія, государь даетъ ему жестокую пощечину, но въ тотъ часъ же раскаивается и съ ласковымъ уже видомъ говоритъ:

— «Ты вывелъ меня изъ терпѣнія твоею неотвязчивостью и выговорами своему государю».

Такое признаніе въ самодержцѣ трогаетъ офицера до слезъ, и онъ повергается къ ногамъ государя и, признаваясь въ винѣ своей, проситъ великодушно простить его. Монархъ поднимаетъ его, и тогда-же отпускаетъ, пожаловавъ ему на дорогу 50 рублей.

Этотъ Прокудинъ, получа наслѣдство, просилъ монарха, для поправленія разстроенной въ деревняхъ покойнаго дяди его экономіи, отставить его отъ службы; и государь, хотя и рѣдко на такія просьбы соглашался, отставилъ его, съ награжденіемъ чина коллежскаго ассесора.

91.

Злостная шутка.

Иностранный поручикъ, принятый въ службу генераломъ Боуромъ и командированный въ казанскій гарнизонъ, чрезъ нѣсколько времени отпросился въ Москву для своихъ нуждъ, больше же—чтобъ имѣть удовольствіе видѣть ему государя, не рѣдко пріѣзжавшаго въ Москву, котораго онъ никогда еще не видалъ. Онъ прибылъ въ такое время, когда монархъ находился тамъ. Но случилось такъ, что онъ, нѣсколько дней живя, не могъ его видѣть; а какъ срокъ наступалъ явиться ему къ командѣ, то и открылъ безпокойство свое хозяину квартиры, которой былъ суднаго

приказа подъячій; тотъ, изъ злостной склонности своей къ шуткамъ, сказалъ, что ничего не стоитъ доставить ему случай не только видѣть государя, но и говорить съ нимъ: «поди только на площадь предъ гауптвахту и скажи погромче, чтобъ слышать тебя могли— есть за мною слово и дѣло *), то и представятъ тебя къ его величеству». Иностранецъ, не разумѣя послѣдствія, какое влечетъ за собою это слово, поступилъ по данному ему наставленію. Тотъ часъ взяли его и съ обнаженными шпагами повезли въ Преображенскъ. Доложено было о немъ государю и его величество, прибывъ самъ въ страшный Приказъ, велѣлъ представить его себѣ. Офицеръ какимъ ни былъ объятъ страхомъ, забылъ все при видѣ государя и съ радостнымъ лицемъ, упавши къ ногамъ его, сказалъ: «благодарю Бога, что сподобляюсь, наконецъ, видѣть пресвѣтлыя очи всемилостивѣйшаго моего царя и государя».

Съ такимъ восхищеніемъ произнесенная рѣчь офицера показалась монарху странною. Онъ спрашиваетъ его:

— «Какое дѣло имѣешь ты мнѣ открыть?»

— Никакого, государь, дѣла я не знаю и ничего инаго сказать не могу, какъ только что радуюсь, увидѣвъ вашу давно желанную особу.

— «Но ты объявилъ у гауптвахты, что знаешь за собою слово и дѣло?» говоритъ государь.

— Это-то слово и доставило мнѣ счастіе увидѣть ваше величество, чего я желалъ нетерпѣливо, отвѣтствуетъ офицеръ.

Наконецъ узналъ монархъ отъ него все происшедшее; разговаривалъ съ нимъ о многомъ милостиво и, пожаловавъ его капитаномъ и 50-ю рублями денегъ, отпустилъ; а злостнаго хозяина его за шпынство, дабы онъ впредь такъ не шутилъ, велѣлъ наказать публично **).

---

*) См. подъ этимъ заглавіемъ разсказъ 70, стр. 118.

**) Разсказъ этотъ выпущенъ въ послѣднемъ тисненіи Голикова, 1843 г., а позаимствованъ изъ изд. 1798 г. *Ред.*

92.

Учрежденіе музыкантскихъ хоровъ при войскахъ.

Первое вниманіе государя къ музыкѣ возбуждено было въ Ригѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ во время перваго путешествія (1697 г.), хорами городовыхъ музыкантовъ съ церковныхъ башенъ, играющихъ на бывшихъ тогда въ обыкновеніи трубахъ, кои своимъ величественнымъ звукомъ производили въ немъ особливое впечатлѣніе. Онъ, позвавъ къ себѣ музыкантовъ, заставлялъ ихъ играть, и какъ не слыхивалъ дотолѣ лучшей и нѣжнѣйшей музыки, то и показалъ большую охоту къ заведенію у себя рожечнаго и трубнаго хора для собственнаго удовольствія. По возвращеніи изъ помянутой первой поѣздки, онъ выписалъ изъ Риги пятерыхъ музыкантовъ: двухъ для роговъ, двухъ для трубъ и одного для фагота, опредѣлилъ имъ хорошее жалованье, приказывалъ часто играть предъ собою и далъ каждому по два человѣка изъ русскихъ молодыхъ людей для обученія. Петръ по особенному своему вкусу избралъ эту древнюю музыку своею любимою столовою музыкою, хотя она нигдѣ болѣе какъ въ нѣмецкой землѣ не была употребляема, и тамъ только въ церквахъ и на башняхъ, для игры священныхъ пѣсень.

По учрежденіи изъ своихъ войскъ регулярныхъ полковъ на нѣмецкій образецъ, заведена была въ то же время и нѣмецкая полковая музыка на гобояхъ, волторнахъ и фаготахъ, которая и заставила государя мало-по-малу оставить прежнюю любимую музыку на рогахъ и трубахъ, и когда онъ находился съ своими генералами и штабъ-офицерами въ компаніи, то должны были играть полковые музыканты.

Учрежденіе флота и адмиралтейства, ввели опять въ обыкновеніе трубы, и какъ строеніе кораблей и кораблеплаваніе были ревностнѣйшія упражненія государя, то и на трубахъ должно было вездѣ играть, гдѣ государь всходилъ на корабль, или праздновалъ со своими флотскими офицерами и кораблестроителями. Такъ какъ голландскій вкусъ сдѣлался ему весьма пріятнымъ, то нашелъ онъ обыкновенную во всѣхъ почти голландскихъ городахъ колокольную

музыку, пріятнѣе которой не находилъ; такая музыка въ Амстердамѣ, во время биржи и въ разные другіе дни, безпрестанно играла. Онъ ввелъ ее немедленно и въ любимомъ своемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, какъ скоро выстроена была башня при соборной церкви въ крѣпости, а скоро послѣ того и другую въ семъ же городѣ, на церковной башнѣ св. Исаакія, близъ адмиралтейства. Наконецъ, отъ частаго пребыванія въ Польшѣ понравилась и самая простая польская музыка, состоящая въ волынкѣ, которую слушалъ всегда съ удовольствіемъ, и имѣлъ не только свой волыночной хоръ, но и самъ игралъ иногда на этомъ простомъ инструментѣ. Эти три рода музыки: трубы и гобои, колокольная и волынка, такъ плѣняли государя, что итальянской и французской музыки, — послѣдней онъ особенно не жаловалъ, — не было при дворѣ до самой его кончины *).

93.

Государь обвиняется рижскимъ судомъ.

По завоеваніи Риги (1710 г.), бывъ тамъ впервые, государь наградилъ услуги генералъ-фельдмаршаловъ—графа Шереметева и князя Меньшикова, пожалованіемъ имъ не малаго числа въ завоеванной землѣ гаковъ, изъ которыхъ послѣднему достался одинъ, принадлежавшій рижскому гражданину.

Гражданинъ, не зная никакихъ за собою преступленій, менѣе же еще, чтобъ онъ чѣмъ-либо оскорбилъ его величество, осмѣлился къ новому государю своему придти и объясниться, что онъ ни въ чемъ не провинился, и ни малѣйшаго не подалъ повода къ гнѣву его, и потому не понимаетъ—за что родовой его гакъ, по указу государя, отнятъ у него и отданъ князю Меньшикову.

Монархъ, выслушавъ все терпѣливо, сказалъ ему безъ гнѣва:

*) При этомъ разсказѣ Штелинъ, между прочимъ, говоритъ, что «государь отъ младости своей до 25-ти лѣтняго возраста не видѣлъ никакихъ другихъ живописныхъ картинъ, кромѣ церковныхъ образовъ, кои всѣ были одинаковой работы». Между тѣмъ Петръ составилъ замѣчательную коллекцію картинъ славныхъ живописцевъ тогдашняго времени (См. разсказы 52—55, стр. 90—96). *Ред.*

— «Ежели ты правъ, то можешь принадлежащее тебѣ отыскивать судомъ».

— По на кого и гдѣ могу я просить?

— «На Меньшикова, и въ здѣшней ратушѣ. Если же дѣло коснется и до меня, то и я отвѣтствовать долженъ, потому что когда кто находится здѣсь, то долженъ подлежать и законамъ здѣшнимъ».

Гражданинъ, удивленный такимъ отвѣтомъ и не видя ни малаго въ монархѣ гнѣва, спрашиваетъ снова.

— И такъ, всемилостивѣйшій государь, вы позволите мнѣ принесть за это жалобу?

— «Никто не можетъ у тебя отнять права защищать себя», заключилъ монархъ.

Гражданинъ, написавъ челобитную на князя Меньшикова, будто бы насильно завладѣвшаго наслѣдственнымъ его гакомъ, подаетъ ее въ ратушу; но судьи не принимаютъ, объясняя, что гакъ его, съ прочими, пожалованъ князю, по именному его величества указу, слѣдовательно, просьба относится на высочайшее лицо самого государя, а государя судить они не могутъ. Гражданинъ объявляетъ, что онъ изъяснялся о семъ съ самимъ государемъ, и его величество именно повелѣлъ ему просить въ ратушѣ. По многимъ разсужденіямъ, наконецъ, челобитная сія принята, и найдено, что гакъ точно ему принадлежитъ, и что въ указѣ, которымъ пожалованы Меньшикову гаки, не объявлено ни вины его, и даже имени его не упомянуто. Вслѣдствіе сего отряженъ одинъ членъ къ князю Меньшикову, съ донесеніемъ ему объ этой на него просьбѣ, и что по законамъ здѣшнимъ его свѣтлость долженъ придти въ ратушу, выслушать просьбу и приговоръ; но князь отвѣчалъ, что онъ гака того не отнималъ, а гакъ пожалованъ ему отъ государя. Все это чрезъ члена же ратушскаго представлено его величеству, и монархъ подтвердилъ отвѣтъ Меньшикова.

— Такъ что же приказать изволите? говоритъ присланный членъ.

— «Дѣлайте, что̀ законы ваши повелѣваютъ; и буде такъ тотъ дѣйствительно принадлежитъ гражданину, то я долженъ буду на это отвѣтствовать».

— Въ такомъ случаѣ, всемилостивѣйшій государь, должно будетъ вашему величеству самому пожаловать въ ратушу къ отвѣту.

— «Хорошо», сказалъ государь, «когда повѣстите мнѣ, я буду».

Дѣло разсмотрѣно вновь; гакъ приговорено возвратить законному владѣльцу, и монарху о семъ повѣщено.

Государь по таковой повѣсткѣ тотчасъ пришелъ въ ратушу, былъ встрѣченъ у крыльца всѣми ратушскими членами и, взошедъ съ ними въ присутственную палату, повелѣлъ имъ сѣсть, а на особомъ стулѣ и самъ сѣлъ. Прочли ему дѣло и спросили: «не имѣетъ-ли его величество къ нему чего прибавить?» и когда государь отвѣтилъ, что не имѣетъ, то прочтенъ былъ законъ, по которому повелѣвалось при заключеніи дѣла не быть въ палатѣ ни просителю, ни отвѣтчику; и монархъ вышелъ въ другую палату. Заключеніе учинено такое: проситель оправданъ, а отвѣтчикъ обвиненъ. Позвали монарха въ присутственную палату и прочли рѣшительное заключеніе. Государь, выслушавъ его, благодарилъ ихъ за безпристрастіе въ рѣшеніи дѣла; поцѣловалъ каждаго въ голову и сказалъ, что когда государь ихъ повинуется закону, то да не дерзнетъ никто противиться ему. И гакъ тотъ возвращенъ просителю.

94.

Народныя гульбища.

По взятіи всей Эстляндіи (1710 г.), овладѣвъ городомъ Ревелемъ, Петръ повелѣлъ привести въ лучшее оборонительное состояніе не только крѣпостныя строенія и гавань, но также въ одной противу гавани лежащей весьма пріятной странѣ развелъ великій гульбищный садъ со всѣми потребными къ нему украшеніями, какъ-то: съ прудами, островками, водометами, статуями тамошней каменоломни, при Лангенбергѣ и пр., съ прекраснымъ увеселительнымъ замкомъ и съ другими строеніями на итальянскій образецъ. Мѣсто это въ честь императрицы назвалъ онъ Катриненталь. Царь, безъ сомнѣнія, зналъ, что онъ и его супруга, которая не охотно его оставляла въ путешествіи, даже и въ его походахъ, весьма мало будутъ имѣть времени наслаждаться гуляньемъ въ этомъ увесели-

тельномъ мѣстѣ, но, напротивъ того, государь съ удовольствіемъ разсуждалъ, что каждый будетъ въ немъ находить хорошее увеселеніе. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, государь пріѣхалъ опять въ Ревель; все новое заведеніе давно уже было въ совершенствѣ; расположась тамъ нѣсколько пробыть съ императрицею, чрезвычайно удивился, что въ прекрасныхъ аллеяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ этого общаго увеселительнаго гульбища никто не гулялъ. Проходя мимо караульнаго, при одномъ входѣ въ садъ, спросилъ:

— «Какая тому причина, что никто изъ города здѣсь не прохаживается?»

— Намъ не велѣно, ваше величество, никого сюда пропускать, отвѣтствовалъ солдатъ.

— «Какъ!» сказалъ царь, съ великимъ удивленіемъ, «какой дуракъ вамъ это велѣлъ?»

— Наши офицеры, отвѣчалъ солдатъ.

— «Какіе они глупцы! Они думаютъ, что я для себя одного, а не для всѣхъ людей, съ такимъ иждивеніемъ завелъ это увеселительное мѣсто».

На другой день тотчасъ же, съ барабаннымъ боемъ, въ городѣ обнародовано царское повелѣніе: всѣмъ, кто хочетъ, дозволяется гулять и веселиться въ Катеринепталѣ, а часовые на своихъ мѣстахъ должны только наблюдать, чтобы не произошли какіе безпорядки, не портилъ бы кто изъ шалости деревьевъ и другихъ украшеній. Такимъ-то образомъ Катеринеталь и до сего времени есть прекрасное гульбище города Ревеля.

95.

О законахъ въ завоеванномъ краѣ.

Императоръ Петръ I, въ заключенномъ съ Швеціею, въ Ништадтѣ мирномъ договорѣ (1721 г.), обѣщая оставить новыхъ своихъ поддапныхъ Лифляндцевъ, Естляндцевъ и Финляндцевъ при ихъ шведскихъ гражданскихъ законахъ и по онымъ ихъ судить, учредилъ въ Петербургѣ для завоеванныхъ провинцій соб-

ственную юстицъ-коллегію, по шведскому расположенію, и опредѣлилъ въ оной вице-президентомъ урожденнаго лифляндца, сына бывшаго нарвскаго бургомистра, Сигмунда Вольфа, обучавшагося законовѣдѣнію въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Стокгольмѣ. Государь, говоря съ нимъ нѣкогда обстоятельно о наблюденіи въ этой коллегіи правосудія, сказалъ: •

— «Я думаю, что шведскіе законы будутъ довольно хороши, и составленные по нимъ лифляндскіе военные и гражданскіе уставы, по которымъ судимы были провинціи столько уже лѣтъ,—достаточны къ разрѣшенію всѣхъ судебныхъ дѣлъ, случающихся въ тѣхъ земляхъ и могущихъ встрѣтиться въ новоучрежденной юстицъ-коллегіи. Тебѣ надлежитъ прилежно смотрѣть, чтобъ въ ней производился судъ только по шведскимъ, а не по римскимъ или по другимъ какимъ чужимъ законамъ, ибо вмѣшиваніе различныхъ чужестранныхъ правъ служитъ только къ проволочкѣ тяжбъ и къ совершенному нарушенію права».

96.

О древности въ Россійскомъ государствѣ.

Его Величество, въ 1722 году, послѣ заключеннаго со шведскою короною *) выгоднаго и славнаго мира, во время похода своего въ Персію пришелъ въ Казань, и тамъ нѣсколько дней хотѣлъ отдохнуть; услышалъ онъ, что верстъ за десять или двѣнадцать оттуда находятся развалины славнаго Булгарскаго города, называемаго Булгаръ. Россійскій монархъ захотѣлъ самъ его осмотрѣть, и немедленно поѣхавъ туда, разыскалъ и разсматривалъ все, что̀ казалось ему достойно примѣчанія; потомъ повелѣлъ по разнымъ мѣстамъ оставшіяся надгробныя и другія надписи на арменскомъ и арапскомъ языкѣ напточнѣйше списать, списки перевесть на россійскій языкъ и переслать оныя въ Петербургъ, въ свой кабинетъ.

Въ то же самое время примѣтилъ онъ, что эти памятники славныхъ въ прежнія времена Болгаръ уже отъ времени очень повредп-

*) Употребляемое въ то время выраженіе всѣхъ образованныхъ людей. *Ред.*

лись, и отъ невниманія и безпечности жителей одинъ за другимъ могутъ пропасть и, наконецъ, вовсе истребятся, то не преминулъ помыслить и о сохраненіи ихъ. На сей конецъ писалъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, изъ Астрахани къ казанскому губернатору, чтобъ онъ немедленно послалъ къ раззоренному булгарскому городу нѣсколько каменщиковъ, съ довольнымъ количествомъ извести, и велѣлъ чтобъ камнями, которыхъ тамъ довольно находится, починить поврежденныя и совершеннымъ паденіемъ грозящія зданія и памятники; старался бы о сохраненіи ихъ, для чего велѣлъ бы ихъ каждый годъ осматривать, чтобъ сколько-нибудь не допускать ихъ до паденія *).

97.

Скорая расправа.

Государь любилъ вообще скорую расправу; за шалости, негодное поведеніе и другіе не порядки наказывалъ онъ безъ замедленія своею палкою или линькомъ, такъ что наказанный, спустя нѣсколько часовъ послѣ того, еще могъ чувствовать дѣйствіе скораго правосудія. Если случалось ему кого наказать по напрасному обвиненію и невинный при случаѣ въ семъ объяснялся, то онъ въ удовлетвореніе правосудія поступалъ такъ, какъ поступилъ съ арапомъ, который былъ при немъ пажемъ.

Государь, ѣздя на яхтѣ по взморью между Петербургомъ и Кронштадтомъ, принужденъ былъ, по чрезвычайной тишинѣ (штиль) цѣлый день простоять на одномъ мѣстѣ. Послѣ обѣда, по своему обыкновенію, легъ въ каютѣ спать; нѣкоторые изъ бывшихъ при немъ играли и шумѣли такъ громко, что государь пробудился.

*) Государь былъ въ Казани 27-го мая 1722 года. Изъ Астрахани онъ писалъ, 2-го іюля, къ Казанскому губернатору, чтобы тотъ немедленно послалъ каменьщиковъ въ Булгары для починки фунтаментовъ у башень и другихъ строеній, наказавъ ему и впредь такими же починками поддерживать эти древности, Въ слѣдъ за тѣмъ губернаторъ получилъ указъ, не теряя времени, списать всѣ находящія тамъ татарскія и армянскія надгробныя надписи. Этимъ трудомъ нѣсколько объяснилась исторія древняго города. Списки съ надписей оставлены для храненія въ Казанской губернской канцеляріи. *Ред.*

Услышавъ, что онъ всталъ, и опасаясь за шумъ наказанія, всѣ тотчасъ попрятались по разнымъ мѣстамъ, такъ что на декѣ ни одного человѣка не было. Государь, взявъ линекъ, вышелъ изъ каюты на верхъ яхты, и никого не нашелъ, кромѣ помянутаго арапа, сидѣвшаго на лѣстницѣ весьма тихо, схватилъ его за волосы и побилъ изрядно линькомъ, говоря:

— «Когда я сплю, такъ вы не шумите и мнѣ не мѣшайте».

Потомъ сошелъ въ каюту и опять легъ. Бѣдный мальчикъ тѣмъ пуще плакалъ, что невинно былъ побитъ. Баронъ Любрасъ, бывшій тогда инженеръ-капитаномъ, лейбъ-хирургъ Лештокъ и человѣка два русскихъ морскихъ офицеровъ, которые тогда шумѣли и заслужили наказаніе, вышли опять потихоньку и грозили всхлипывающему мальчику, чтобъ онъ тише плакалъ, если не хочетъ въ другой разъ быть битымъ. Напротивъ того, тотъ не переставалъ плакать, грозя имъ, что скажетъ государю кто шумѣлъ, и кого побить должно было. Государь, выспавшись, вышелъ изъ каюты на декъ въ веселомъ духѣ, нашелъ всѣхъ во всякой тишинѣ, играющихъ въ карты, а мальчика плачущаго, и спросилъ:

— «Очемъ еще плачешь?»

— О томъ, отвѣтствовалъ арапъ, что ты меня такъ больно побилъ совсѣмъ напрасно: я и съ мѣста не трогался, сидя все на лѣстницѣ, а шумѣли и мѣшали тебѣ спать Лештокъ и Любрасъ.

— «Хорошо», сказалъ государь, «такъ какъ теперь ты невинно побитъ, то въ другой разъ, когда ты побои заслужишь, это зачтется тебѣ».

Едва только прошло нѣсколько дней, какъ утѣшенный арапченокъ сдѣлалъ проступокъ, которымъ государя разсердилъ такъ, что онъ хотѣлъ хорошенько его наказать; мальчикъ въ крайнемъ страхѣ палъ на колѣни и во все горло кричалъ:

— Помилуй, помилуй Бога ради! Ваше величество велѣли мнѣ напомнить, что вы меня напрасно побили, и обѣщали при другомъ случаѣ зачесть.

— «Правда», сказалъ императоръ, разсмѣясь; «встань, этотъ разъ я тебѣ прощаю, потому что ты уже за нынѣшній проступокъ наказанъ былъ прежде».

98.

Основаніе С.-Петербурга.

Можно, кажется, почесть достойнымъ памяти извѣстіе объ основаніи Петербурга и о причинахъ, по которымъ этотъ нынѣ столь великій, обширный и славный городъ зачатъ. Петръ еще за долго до шведской войны желалъ имѣть на Балтійскомъ морѣ гавань. Какъ скоро овладѣлъ онъ во время войны страною, гдѣ нынѣ лежитъ Петербургъ, немедленно предпринялъ выстроить тамъ городъ, и въ 1703 году *) положилъ ему основаніе, заложивъ крѣпость на одномъ берегу Невы и адмиралтейство на другомъ. До сего въ окружности не было инаго строенія, кромѣ деревянной рыбачьей на Петербургской сторонѣ избы, въ которой онъ сперва жилъ, и для сохраненія о семъ памяти, видимъ мы ее нынѣ обведенную каменными сводами и столбами подъ кровлею **).

Строеніе новаго города сначала шло весьма медленно, потому что не могъ государь предвидѣть конца войны, тогда лишь начатой, и совершенно увѣриться въ удержаніи завоеванной по Невѣ страны. По совершенномъ истребленіи шведскихъ войскъ подъ Полтавою и приведеніи ихъ въ крайнее безсиліе, Петръ могъ себя обезпечить и безъ малѣйшаго промедленія обратилъ свое вниманіе къ устроенію новаго города. Въ письмѣ къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, изъ лагеря подъ Полтавою, по окончаніи сраженія, 27-го іюня 1709 года, въ вечеру, въ 9 часу, государь, сообщая краткое извѣстіе объ одержанной великой надъ Карломъ XII побѣдѣ, въ заключеніе пишетъ: «Теперь уже совершенно, съ помощію Божіею, положенъ камень въ основаніе Петербурга». Многія непрестанно продолжающіяся съ разныхъ сторонъ несогласія и войны нѣсколько лѣтъ препятствовали ему выдать единожды навсегда расположеніе строеній (планъ); жилье было построено по нуждѣ и потому безъ порядка. А между тѣмъ сочиняемы

*) 16-го мая.

**) См. въ разсказѣ о дворцахъ,—«домикъ Петра Великаго», стр. 170. *Ред.*

были разные чертежи, изъ которыхъ особенно понравился ему наиболѣе сходствовавшій съ расположеніемъ знаменитаго города Амстердама *), особливо тѣмъ, что много было въ немъ каналовъ. Поэтому хотѣлъ онъ заложить городъ на одномъ изъ невскихъ острововъ, на среднемъ, который уже тогда назывался Васильевскимъ, по имени офицера россійской бомбардирской роты, Василія Дмитріевича Корчмина, котораго государь, — выстроивши на этомъ острову двѣ батареи, для воспрепятствованія входа непріятельскимъ судамъ въ устье рѣки,—поставилъ на батареяхъ съ командою канонеровъ и бомбардировъ, когда, еще не имѣя флота, съ шестидесятью лодками нечаянно взялъ два шведскіе военные корабля, вошедшіе въ устье близь сего острова. Этотъ Василій стоялъ нѣсколько лѣтъ на острову со своею командою и всѣ, какъ царскіе, такъ и другіе приказы, ему всегда подписываемы были такъ: «Василью на островѣ», потому и островъ прозванъ Васильевскимъ. Чрезъ средину острова по большой перспективѣ должно было провесть большой каналъ, прямою линію отъ Малой Невы къ взморью, а другой—по малой перспективѣ на сто сажень отъ большаго и паралельно съ нимъ; потомъ 12 малыхъ—отъ Малой Невы въ большую, поперегъ острова, то есть посреди каждой улицы между линіями, или рядами домовъ, изъ коихъ каждому надлежало быть съ дворомъ и садомъ. Выкапываемая же земля изъ каналовъ долженствовала быть употреблена частію для возвышенія нѣсколько низьменнаго острова, частію же на укрѣпленіе новаго города, состоящее изъ вала и разно отстоящихъ болверковъ по Когорнову образцу. По большимъ каналамъ должны были изъ Кронштадта приходить суда къ магазинамъ и биржѣ, и отъ нея опять въ Кронштадтъ возвращаться; а малые поперечные каналы по линіямъ служили бы для удобнаго привоза жителямъ надобностей на баркахъ, ботахъ и мелкихъ судахъ, изъ одного рукава Невы въ другой; по малой и большой перспективѣ были рынки, а на самой почти серединѣ острова—хорошій садъ, длиною и шириною въ версту, для всенародаго гулянья; внизу острова, ко взморью, оставлены

*) «Если Богъ продлитъ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ», говорилъ государь.—Нартовъ.

были луга для общихъ пастьбъ *). Напротивъ новаго города, на лѣвомъ берегу Большой Невы, видно было адмиралтейское строеніе, укрѣпленное валомъ, рвами и бастіонами, и заложенная корабельная верфь, гдѣ строились военные и другіе суда.

Неподалеку отъ адмиралтейства, на сторонѣ, названной по оному Адмиралтейскою, находились жилища морскихъ офицеровъ, кораблестроителей, морскихъ плотниковъ и матросовъ, отъ которыхъ и по нынѣ удержано названіе улицъ Малой и Большой Морскихъ. Для строенія же шлюпокъ и мелкихъ судовъ, такъ какъ и для амбаровъ строеваго корабельнаго лѣса, избранъ былъ островъ на этой сторонѣ, между Мойкою и каналомъ, называемый Новою Голландіею, и вблизи оной кузница и канатная фабрика, а гораздо ниже, по Большой Невѣ, заложена особливая верфь для галеръ, называемая галернымъ дворомъ; послѣ нея такъ называемая Партикулярная верфь на Фонтанкѣ, вытекающей изъ Невы, подлѣ лѣтняго дворца; на этой верфи строятъ какъ для адмиралтейства, такъ и для частныхъ людей яхты, буеры, шлюбки и прочія небольшія суда.

Близъ вершины помянутой рѣки Фонтанки построилъ себѣ государь Лѣтній домъ или дворецъ и обширный садъ съ фонтанами, гротами, аллеями, прудами и многими другими великолѣпными украшеніями, а для зимы—обширный о двухъ жильяхъ дворецъ, называемый Зимнимъ, на берегу Большой Невы, противъ крѣпости, между адмиралтействомъ и лѣтнимъ его дворцомъ.

На Петербургской сторонѣ были мазанки, разное деревянное строеніе, какъ-то: коллегіи, домы вельможъ, лавки, ратуши, рынки, оружейный заводъ и нѣсколько сотъ частныхъ обывательскихъ домовъ, а улицы мостили шведскіе плѣнники.

Наконецъ, уже въ 1714 году, утвердивъ знатнѣйшія свои завоеванія, государь могъ ожидать окончанія войны въ свою пользу; тогда болѣе прежняго началъ употреблять старанія о произведеніи

*) Чертежъ сего прекраснаго городоваго плана въ разныхъ мѣстахъ былъ вырѣзанъ на мѣди; наилучше же изданъ, величиною въ листъ, въ Гомановой ландкартной фабрикѣ въ Нюренбергѣ. Въ меньшей мѣрѣ напечатанъ оный въ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Webers verändertes Russland» и въ Руссетовыхъ «Mémoires du régne de Pierre I». *Штелинъ.* (Изд. 1787 г.)

намѣреній своихъ по гражданскимъ дѣламъ и выдалъ печатный указъ, чтобы немедленно начали строить новый городъ на Васильевскомъ острову. Вслѣдствіе чего должны были какъ духовные, такъ и свѣтскіе помѣщики, соотвѣтственно величинѣ ихъ помѣстій, строить въ назначенныхъ мѣстахъ, по указанному плану, домы длиною въ шесть, десять, двѣнадцать, пятнадцать и двадцать сажень, и чрезъ три года совершенно приготовить способными къ жилью, подъ опасеніемъ отобранія въ казну ихъ помѣстій.

Чтобы споспѣшествовать такому застроенію острова, приготовлены были всѣ потребныя средства, чтобъ никто не могъ извиняться недостаткомъ въ матеріалахъ и работникахъ. Всякій безъ задержанія и безденежно получалъ по своему нумеру, изъ особенно учрежденной конторы строеній, состоявшей подъ вѣдомствомъ архитектора Трезини, чертежъ строенію своего дома. За нѣсколько верстъ отъ Петербурга вверхъ по Невѣ, по Шлиссельбургской дорогѣ, заложено было такъ много кирпичныхъ заводовъ, что они могли ставить въ городъ кирпичъ милліонами. Изъ окрестностей Ладожскаго озера и Новгородской губерніи водою привозили и за сходную цѣну продавали строевой лѣсъ, известь и плиту на фундаменты. Заведенныя около Петербурга водяныя и вѣтреныя пильныя мельницы доставляли брусья и доски всякаго рода, а многія тысячи приходившихъ изъ внутри Россіи, съ разными товарами и припасами, чрезъ Ладогу и Неву, барокъ доставляли и лѣсъ на заборы, сараи и прочія дворовыя строенія. Плотники, столяры и другіе мастеровые люди призываемы были на работу въ Петербургъ по именному повелѣнію, изъ внутри Россіи, въ великомъ множествѣ; а для вымостки улицъ еще задолго передъ этимъ приказано не пропускать въ Петербургъ ни одного судна и повозки, подъ опасеніемъ денежной пени, если соразмѣрно величины ихъ не привезено десяти, двадцати или болѣе камней и нѣсколько булыжнику, и не сдано было при въѣздѣ въ городъ нарочно опредѣленнымъ къ тому людямъ. По возвращеніи своемъ изъ Франціи, въ 1718 году, государь засталъ городъ на Васильевскомъ острову почти выстроеннымъ, но нашелъ, къ крайнему своему неудовольствію, что онъ былъ заложенъ противу его намѣренія, съ неисправимою ошибкою въ глав-

номъ дѣлѣ (въ расположеніи каналовъ) и оставилъ его, не побуждая уже продолжать поспѣшно строенія *).

99.

Ошибка въ расположеніи Васильевскаго острова.

Петръ I, разсматривая разные планы заложенія Петербурга, по любви своей къ судоходству избралъ тотъ, по которому городъ надлежало заложить на Васильевскомъ острову, повелѣлъ островъ обнести болверками, а между линіями провести каналы, которые служили бы къ соединенію Большой Невы, но забылъ наказать какъ широка должна быть между линіями перспектива и посреди ея каналъ, или, можетъ быть, положился на производителей исполненія этого плана, надѣясь, что они, соотвѣтственно главному намѣренію, соблюдутъ надлежащую широту каналовъ, въ которыхъ по крайней мѣрѣ могли бы разъѣхаться двѣ барки или другія судна. Государь отправился къ войску, а по истеченіи двухъ лѣтъ, въ 1716 году, ѣздилъ въ Голландію и во Францію, давъ повелѣніе строить городъ какъ возможно скорѣе. По возвращеніи его въ Петербургъ, 1718 года, прежде всего пріѣхалъ онъ на Васильевскій островъ на шлюбкѣ, для обозрѣнія расположенія линій и каналовъ, и къ великой своей радости увидѣлъ, что многія линіи уже деревянными, а отчасти и каменными домами были застроены, а противъ первой линіи великолѣпный дворецъ Князя Меншикова и длинный каменный флигель вдоль по каналу; но въ то же самое время замѣтилъ, что каналы и улицы были слишкомъ узки; сначала онъ молчалъ, качалъ только головою, не зная подлинно, дѣйствительно ли каналы эти уже амстердамскихъ, по которымъ онъ ихъ располагалъ. Въ такомъ сомнѣніи поѣхалъ онъ оттуда прямо къ

*) Брауншвейгъ-Люнебургскій резидентъ Веберъ въ запискахъ своихъ («Das Veränderte Russland») пишетъ, что въ бытность его въ Петербургѣ (онъ былъ два раза: въ 1714 по 1719 г. и потомъ около 1728 г.) была дѣлана точная перепись всѣхъ домовъ въ новой столицѣ: въ апрѣлѣ 1714 года ихъ оказалось 34,550, а въ 1728 г. уже насчитывалось до 60,000 домовъ.

Веберъ прибавляетъ, что по короткому времени, въ которое они были выстроены, городъ по справедливости можетъ назваться чудомъ свѣта *Ред.*

голландскому резиденту, господину Вилде, и спросилъ, не знаетъ-ли онъ какъ широки каналы въ Амстердамѣ? Резидентъ, тотчасъ отыскавъ планъ Амстердама, представилъ его съ масштабомъ императору, который, вынувъ свой циркуль, вымѣрилъ самые широкіе и самые узкіе каналы и замѣтилъ въ записной своей книжкѣ. Потомъ пригласилъ господина Вилде проѣхать на шлюбкѣ по новымъ каналамъ Васильевскаго острова и приказалъ вымѣрить ширину по улицамъ, но увидѣвъ, что улицы по обѣимъ сторонамъ канала и самый каналъ, вмѣстѣ взятые, едва такъ широки, какъ одинъ каналъ въ Амстердамѣ, не считая находящихся по сторонамъ улицъ, вскричалъ въ гнѣвѣ: «Все испорчено!» и поѣхалъ во дворецъ.

Примѣтно было, что эта неудача въ намѣреваемомъ имъ построеніи города, у государя долго не выходила изъ мыслей. При всякомъ случаѣ жестоко пенялъ онъ за то князю Меншикову, которому былъ порученъ главный смотръ надъ строеніемъ. Часто пріѣзжалъ государь на шлюбкѣ на Васильевскій островъ, осматривалъ по часу застроенныя множествомъ дворцовъ и отдѣланныя линіи и начатые каналы, и уѣзжалъ опять, не сказавъ ни слова. Годъ потомъ спустя, пріѣхалъ въ Петербургъ славный архитекторъ Леблондъ, котораго государь еще въ Парижѣ принялъ въ свою службу; государь вскорѣ поѣхалъ съ нимъ на Васильевскій островъ, обошелъ весь, держа планъ въ рукахъ, и напослѣдокъ спросилъ его:

— «Господинъ Леблондъ, чтожъ теперь мнѣ дѣлать тутъ по моему плану?»

Леблондъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Ничего, какъ эти дома сломать, а построить новые, каналы засыпать, а вырыть другіе.

— «Я это думалъ», сказалъ государь.

Сѣлъ на шлюбку и уѣхалъ. Послѣ занималъ онъ Леблонда знатными строеніями въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, а о Васильевскомъ островѣ уже болѣе никогда не говорилъ *).

Петръ I, взявъ съ собою прибывшаго изъ Парижа, принятаго въ службу, славнаго архитектора и инженера Леблонда,—при чемъ,

*) Штелинъ.

по повелѣнію государя, находился и Нартовъ съ чертежемъ, имъ дѣланнымъ,—поѣхалъ въ шлюбкѣ на Васильевскій островъ, который довольно былъ уже выстроенъ, и каналы были прорыты. Обходя этотъ островъ, размѣривая мѣста и показывая архитектору планъ, государь спрашивалъ:

— «Что при такихъ погрѣшностяхъ дѣлать надлежитъ?»

Леблондъ, пожавъ плечами, доносилъ:

— Все срыть, государь, сломать, строить вновь и вырыть другіе каналы.

Государь съ великимъ неудовольствіемъ и досадою сказалъ:

— «Я и самъ думалъ то-жъ».

Государь возвратился потомъ во дворецъ, развернулъ снова планъ, видѣлъ что по оному не исполнено, и что ошибки невозвратныя, призвалъ князя Меншикова, которому въ свое отсутствіе было поручено главное смотрѣніе надъ постройками, и съ гнѣвомъ грозно говорилъ:

— «Василья Корчмина батареи лучше распоряжены были на острову, нежели подъ твоимъ смотрѣніемъ теперешнія тутъ строенія. Отъ того былъ успѣхъ, а отъ этого убытокъ невозвратный. Ты безграмотный; ни счета, ни мѣры не знаешь; чортъ тебя побери съ островомъ!»

При этомъ, подступя къ Меншикову, схватилъ его за грудь, потрясъ такъ сильно, что чуть-было душа изъ него не выскочила, и вытолкнулъ вонъ. Всѣ думали, что князь Меншиковъ чрезъ эту вину лишится милости, однако государь послѣ, пришедъ въ себя, кротко говорилъ:

— «Я виноватъ самъ, да поздно, это дѣло не Меншикова: онъ не строитель, а раззоритель городовъ».

Василій Корчминъ, бомбардирской роты офицеръ, батареи котораго на Васильевскомъ острову, на берегу устья рѣки Невы, съ великимъ успѣхомъ дѣйствовали противъ приплывшихъ шведовъ, по имени косого и прозванъ островъ *).

*) Нартовъ.

100.

Заложеніе госпиталей.

Едва Петръ достигъ исполненія давно уже предпринятаго своего намѣренія—учредить въ Петербургѣ морской и сухопутный госпитали для больныхъ и немощныхъ матросовъ и солдатъ (1715 г.),—то повелѣлъ въ назначенный къ сему день положить при Невѣ, гдѣ отдѣляется отъ нея Невка, основаніе этому строенію, при чемъ между госпиталями надлежало быть великолѣпной церкви, а по обоимъ концамъ ея—двумъ анатомическимъ театрамъ. Это произведено въ исполненіе въ присутствіи самаго государя и всѣхъ, въ то время въ Петербургѣ находившихся, морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, министровъ и знатныхъ гражданъ, — съ великою церемоніею. Назначенное для этого мѣсто онъ приказалъ освятить знатному духовенству, при пальбѣ изъ пушекъ съ крѣпости, со всѣхъ кораблей и галеръ. Церковную службу монархъ слушалъ съ благоговѣніемъ и, по окончаніи ея, сказалъ громкимъ голосомъ:

— «Здѣсь всякій изнеможенный служивый найдетъ себѣ помощь и успокоеніе, котораго ему доселѣ не было; дай только Богъ, чтобъ никогда многіе не имѣли нужды сюда быть привозимы».

Въ то же время онъ приказалъ, чтобъ при этихъ госпиталяхъ были всегда самые опытные и искуснѣйшіе доктора и лекаря, и чтобъ страдающіе опасною болѣзнію перевозимы были изъ полковыхъ и морскихъ больницъ сюда, гдѣ имѣли бы за ними рачительный присмотръ; чтобъ каждому лекарю дано было по нѣскольку подлекарей, дабы они въ покояхъ больныхъ ему помогали, и притомъ болѣе могли бы научиться; чтобъ, сверхъ сего, безпрестанно набираемо было нѣкоторое число молодыхъ русскихъ учениковъ, которые, кромѣ латинскаго языка, были бы также наставляемы и въ анатоміи, физіологіи, въ лекарскихъ операціяхъ, знаніи врачебныхъ припасовъ и ихъ употребленіи, дабы могли быть лекарскими помощниками, а потомъ искусными лекарями. И чтобъ главное надзираніе надъ морскимъ госпиталемъ имѣла адмиралтей-

ская коллегія, а надъ сухопутнымъ — главный кригсъ-коммиссаріатъ; частное надзираніе надъ ними поручено было первенствующимъ начальникамъ тѣхъ учрежденій.

101.

О дворцахъ, современныхъ Петру Великому.

Со времени Петра Великаго прошло только съ небольшимъ одно столѣтіе *), но въ продолженіе этого столѣтія Россія, по данному имъ направленію, протекла столь необъятное поприще гражданственной образованности, что все современное Петру кажется намъ отдаленнымъ, древнимъ и какъ бы принадлежащимъ къ вѣку героическому, баснословному. Поэтому и дворцы, построенные симъ государемъ и въ его царствованіе, должны быть отнесены къ любопытнымъ памятникамъ нашей отечественной старины.

Домикъ Петра Великаго. Изъ числа дворцовъ самый почтенный по времени и драгоцѣнный по воспоминаніямъ есть Домикъ Петра Великаго. Онъ находится на правомъ берегу Невы, нѣсколько выше крѣпости; построенъ изъ брусьевъ и имѣетъ $8^1/_2$ сажень въ длину, 3 въ ширину и столько же въ вышину. Онъ достопримѣчателенъ уже и тѣмъ, что былъ первымъ деревяннымъ зданіемъ между мазанковыми хижинами, выстроенными наскоро въ 1703 году на Петербургскомъ островѣ. Домикъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, которыя отдѣляются между собою узкими сѣнями и кухнею. Въ одной комнатѣ, при входѣ съ правой стороны, Петръ занимался дѣлами и принималъ сановниковъ, а другая служила столовою и спальнею. Внутреннія стѣны комнатъ были обиты выбѣленною холстиною; косяки всѣхъ 17-ти оконъ и ставни расписаны букетами разныхъ цвѣтовъ и плодовъ, а на дверяхъ представлена была перспектива.

Въ комнатѣ, на лѣвой сторонѣ отъ входа, въ богато устроенномъ кіотѣ поставленъ Нерукотворенный образъ Спасителя.

---

*) Писано въ 1843 году.

Икона эта достопамятна тѣмъ, что она сопутствовала Петру во многихъ походахъ и въ сраженіи подъ Полтавою. У подножія иконы привѣшенъ небольшой картончикъ, на которомъ изображена божественная молитва. Она написана, какъ увѣряютъ, самою императрицею Елисаветою. Здѣсь же хранятся металлическіе слѣпки съ рукъ, серги, перстни и другія вещи, посвященные образу Спасителя людьми, получившими исцѣленіе отъ болѣзней. Снаружи домикъ выкрашенъ былъ подъ кирпичъ, въ голландскомъ вкусѣ; на крышѣ укрѣплены: по срединѣ—мортира, а по бокамъ—пылающія бомбы. Чтобы сберечь этотъ драгоцѣнный памятникъ на будущія времена, Екатерина II повелѣла оградить его каменнымъ шатромъ, въ видѣ павильона, съ огромными окнами и съ черепичною кровлею. Подъ навѣсомъ этой кровли сохраняется другая драгоцѣнность: яликъ, съ остатками паруса, построенный искуснымъ корабельнымъ мастеромъ — самимъ Петромъ. Сверхъ того, внутри комнатъ привлекаютъ вниманіе слѣдующія вещи, также собственной работы монарха: 1) скамейка въ футлярѣ, на которой онъ лѣтомъ часто сиживалъ у дверей своего домика; 2) деревянный стулъ, съ кожаною подушкою и 3) рама оконная, съ свинцовымъ переплетомъ. Вокругъ домика небольшой садикъ, устланный дерномъ и украшенный изрѣдка купами цвѣтовъ и кустарниковъ. Эта скромная обитель одного изъ величайшихъ царственныхъ геніевъ въ настоящее время въ собственномъ смыслѣ превратилась въ храмъ молитвы. Здѣсь во всякое время года бываетъ многочисленное стеченіе народа, привлекаемаго вѣрою въ благодать Нерукотвореннаго образа Спасителя и благоговѣйнымъ чувствомъ признательности къ монарху, который передъ этимъ образомъ повергался съ горячею мольбою—и въ лучезарные дни своей славы, и въ тягостныя минуты своей многотрудной жизни.

Вмѣстѣ съ основаніемъ С.-Петербургской крѣпости на островѣ, называвшемся по-шведски Sennisari, т. е. Заячьимъ, предназначено было и построеніе самаго города на другомъ противулежащемъ островѣ Koivisaari, или Березовымъ. Но постройки городскія шли медленно; война, безпрерывно продолжавшаяся съ шведами, отвлекала вниманіе царя на западъ и югъ Россіи, и вопросъ—быть, или не быть новой русской столицѣ на берегахъ Невы—казался еще не-

разрѣшеннымъ. Отважное предпріятіе русскаго царя вообще во всей Европѣ почиталось несбыточнымъ, неудобоисполнимымъ въ странѣ, вновь завоеванной, передъ глазами непріятеля, тогда еще могущественнаго и славнаго. Наконецъ, Полтавская битва вывела Европу изъ заблужденія и утвердила самого Петра въ его непреоборимой волѣ. Еще съ поля сраженія, въ первыя минуты торжества своего, онъ писалъ къ графу Ѳ. М. Апраксину: «Нынѣ уже совершенный камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею». Предсказаніе его сбылось. По нанесеніи рѣшительнаго удара Карлу XII, онъ быстро двинулъ свои побѣдоносныя войска противъ главныхъ непріятельскихъ укрѣпленій и покореніемъ ихъ обезопасивъ мѣсто, назначенное для новой столицы, дѣятельно занялся ея населеніемъ и устройствомъ. Съ того времени пробудилась въ ней новая жизнь; прежнія мазанковыя строенія смѣнялись деревянными, деревянныя — каменными. На Васильевскомъ островѣ и на Адмиралтейской сторонѣ возникали одно за другимъ разныя зданія: частныя, общественныя и казенныя; въ томъ числѣ построено было вдругъ нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ дворцовъ въ городѣ и за городомъ.

Лѣтній дворецъ. Еще въ 1711 году Петръ, желая поощрить жителей новой столицы къ заселенію Адмиралтейской стороны, положилъ основаніе новому дворцу, названному Лѣтнимъ, на правомъ берегу Фонтанки, при самомъ исходѣ ея изъ большой Невы. Назначивъ этотъ дворецъ для лѣтняго пребыванія, государь велѣлъ развести при немъ обширный садъ, и длинныя аллеи его украсить оловянными статуями, изображавшими Езоповы басни въ лицахъ. Лѣтомъ, въ торжественные дни, садъ сей открытъ былъ для ассамблей, т. е. для общественныхъ увеселеній, при которыхъ присутствовалъ самъ государь.

Лѣтній дворецъ сначала построенъ былъ безъ особенныхъ украшеній и почти безъ службъ; по вслѣдствіе собственноручнаго указа, 2-го мая 1714 года, внутреннія стѣны дворца были оштукатурены и расписаны; лѣстницы въ сѣняхъ и на переходѣ сдѣланы изъ дуба, столярною работою; къ прежней поварнѣ прибавлена другая, и стѣны обѣихъ выложены изразцовыми плитами; подлѣ дворца,

въ огородѣ, устроены оранжереи и гротъ съ погребами, убранный морскими раковинами.

Торжественный залъ при Лѣтнемъ дворцѣ. Въ 1725 году, при Лѣтнемъ дворцѣ, на берегу Невы, выстроенъ былъ торжественный залъ для празднествъ, происходившихъ по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ Фридерикомъ Голштейнъ-Готторпскимъ. Фасадъ этой залы состоялъ изъ оконъ, расположенныхъ въ два яруса; въ нижнемъ ярусѣ — 10 оконъ большаго размѣра, съ украшеніями въ старинномъ голландскомъ вкусѣ и между ними — парадная дверь, къ которой вели восемь широкихъ ступеней; въ верхнемъ ярусѣ — 11 квадратныхъ оконъ меньшаго размѣра, а надъ среднимъ окномъ, на крышѣ, огромный государственный гербъ: двуглавый орелъ, вѣнчанный тремя малыми коронами и осѣненный сверху четвертою большою короною. Крыша — не крутая и не съ уступами, какая встрѣчается часто на домахъ того времени, но довольно плоская, съ шестью симметрически расположенными трубами.

Зданіе это въ 1731 году было сломано и замѣнено деревяннымъ домомъ, въ которомъ жила императрица Анна Іоанновна, а по кончинѣ ея — герцогъ Бирономъ, который въ этомъ же домѣ и арестованъ въ послѣдній день своего регентства.

Въ настоящее время Лѣтній дворецъ представляетъ четыреугольное, нѣсколько продолговатое зданіе въ два этажа, фасады котораго обращены: два въ садъ, одинъ къ Фонтанкѣ и послѣдній — къ рѣшеткѣ на дворцовой набережной. Наружныя стѣны оштукатурены и выкрашены бѣлою краскою; карнизъ, архитравъ и фризъ подъ орнаментомъ — желтою; надъ окнами — барельефы. Кровля — изъ бѣлыхъ желѣзныхъ листовъ, по угламъ ея — четыре желѣзные дракона; на верху крыши — флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ. Въ нижнемъ этажѣ — 11 комнатъ; столько же и въ верхнемъ. Стѣны въ комнатахъ покрыты выбѣленною холстиною; на потолкахъ — аллегорическія картины, въ рамкахъ лѣпной работы. Двери — дубовыя и изъ орѣховаго дерева, съ рѣзными украшеніями, отличной работы; на одной вырѣзано изображеніе распятія Спасителя. Многія изъ этихъ украшеній приписываются Петру Великому.

Изъ вещей въ Лѣтнемъ дворцѣ заслуживаютъ вниманіе: 1) большіе стѣнные часы, которые, какъ увѣряютъ, куплены были государемъ въ Голландіи. Они съ тремя мѣдными посеребренными циферблатами, изъ коихъ одинъ показываетъ часы, другой—вѣтры, третій—воздухъ, отъ втораго, посредствомъ мѣднаго станка, въ стѣнѣ проведенъ къ верху крыши желѣзный шпиль, поддерживающій флюгеръ; а послѣдній, также посредствомъ станка, сообщается съ барометромъ. 2) Портретъ Петра Великаго, писанный въ ростъ, въ латахъ и съ датскимъ орденомъ. Портретъ сей до 1833 года находился въ Мраморномъ дворцѣ. 3) Разныя стальныя вещи, съ бронзовою насѣчкою, поднесенныя императрицѣ Екатеринѣ II отъ тульскаго оружейнаго завода. 4) Шкафъ изъ орѣховаго дерева, работу котораго приписываютъ Петру. 5) Двѣ рамы съ жестяными переплетами, также его работы. 6) Три стула и одно кресло изъ простаго дерева, которыя составляли часть мебели въ кабинетѣ Петра Великаго.

Садъ при Лѣтнемъ дворцѣ. Въ Лѣтнемъ саду устроены были каскады и фонтаны, которые снабжались водою изъ Лиговскаго канала, проведеннаго отъ Дудергофскихъ горъ. Впрочемъ этотъ садъ содержится и нынѣ въ хорошемъ видѣ. По нѣкоторымъ аллеямъ его разставлены статуи и бюсты, выписанные еще Петромъ Великимъ, Анною Іоанновною и Елисаветою Петровною изъ Италіи. Но главное украшеніе Лѣтняго сада составляетъ его желѣзная рѣшетка. Она начата строиться, по повелѣнію Екатерины II-й, въ 1778, и окончена въ 1784 году. Гранитныя колонны ея, въ числѣ 36-ти, изсѣчены изъ цѣльныхъ кусковъ, и имѣютъ въ вышину 2 сажени, въ поперечникѣ болѣе 3 футовъ, и поставлены на гранитныхъ пьедесталахъ, въ 6 куб. ф. толщиною. Изящность рисунка этой рѣшетки, ея блестящія колонны, украшенныя по верхамъ гранитными вазами и урнами, и яркая позолота стрѣлъ и колецъ—все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее прекраснѣйшимъ и единственнымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ.

Старый Зимній дворецъ. Въ одно время и почти одинакой величины съ Лѣтнимъ дворцомъ построенъ былъ старый Зимній дворецъ, близъ Зимняго канала, проведеннаго изъ Большой Невы въ

Мойку. Дворецъ состоялъ изъ небольшихъ палатъ съ фронтишпицомъ, въ которыхъ государь и государыня жили болѣе десяти лѣтъ; но когда набережная Милліонная линія, по новой планировкѣ, подвинута была къ Невѣ на нѣсколько сажень, тогда палаты эти остались во дворѣ и были разобраны, а вмѣсто ихъ построены въ 1721 году новыя, въ уровень съ Милліонною линіею. Въ сихъ послѣднихъ Петръ жилъ до самой кончины своей. Потомъ, при Екатеринѣ I-й, пристроены были къ нимъ съ трехъ сторонъ новыя каменныя строенія, съ жилыми покоями, обращенныя одною стороною къ Невѣ, другою къ каналу и третьею на Милліонную улицу.

Въ дѣлахъ архива гофъ-интендантской конторы объ этой постройкѣ содержится слѣдующая записка: «Въ 726 (въ 1726) году мая 9 дня, по именному блаженной и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества указу и по чертежу за подписаніемъ ея величества собственной руки, велѣно на Адмиралтейскомъ острову, при Зимнемъ домѣ ея величества, построить каменныя палаты къ старымъ набережнымъ, по сочиненному чертежу, а именно: по каналу длины на 52 саж., по улицѣ на 40 саж., отъ двора Скляева на 57 саж., всего на 149 саж.; вышиною сверхъ погребовъ, въ два апартамента; а старыя палаты, которыя стояли среди двора, въ два апартамента, по каналу въ одинъ апартаментъ, разобрать и матеріалы, что̀ выберется, въ помянутое новое строеніе, а гавань засыпать, и то каменное строеніе заложено строить мая съ 20 дня, въ который день ея императорское величество во основаніи фундамента собственными руками своими первый камень изволила положить».

При Аннѣ Іоанновнѣ жили въ этомъ домѣ придворные музыканты, а Елисавета Петровна отдала его лейбъ-компанскому корпусу. Впослѣдствіи времени, по повелѣнію Екатерины II-й, лейбъ-компанскій домъ перестроенъ вновь по плану архитектора Гваренги, и одна часть дома занимается нынѣ придворнымъ театромъ, а другая—первымъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Домъ адмирала графа Апраксина и Кикины палаты. При Петрѣ 1-мъ, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, стояли—боль-

шой домъ генералъ-адмирала графа Апраксина и другой домъ, называвшійся Кикиными палатами. Первый былъ въ 2 апартамента, или яруса, въ каждомъ по 8-ми оконъ; между ними въ нижнемъ ярусѣ парадная дверь, и въ верхнемъ—надъ дверью балконъ. Кикины палаты состояли изъ одного апартамента, съ шестью большими окнами и съ парадною посреди ихъ дверью, къ которой вела широкая лѣстница въ 8 ступеней, съ перилами; а надъ самою крышею палатъ была башенка, съ окнами, въ родѣ обсерваторіи. Графъ Апраксинъ, при смерти своей, 26-го октября 1728 года, завѣщалъ свой домъ Петру II-му. Анна Іоанновна, по прибытіи своемъ изъ Москвы, послѣ коронаціи, остановилась прямо въ Апраксиномъ домѣ, и наименовала его императорскимъ дворцомъ, а Кикины палаты велѣла сломать, и на мѣстѣ ихъ, 27-го мая 1732 года, совершила своими руками торжественную закладку новаго дворца. Елисавета Петровна, по восшествіи на престолъ, замѣтивъ что вновь созидаемый дворецъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, велѣла графу Растрелли начертать новый планъ Зимнему дворцу, и для сооруженія его составила особую строительную коммисію; но она не дожила до совершеннаго его окончанія. Не прежде какъ въ 1764 году императрица Екатерина II-я вступила съ дворомъ своимъ въ эти великолѣпные царственные чертоги, обновивъ ихъ торжественнымъ принятіемъ на первой аудіенціи турецкаго посланника.

Запасный дворецъ. На лѣвомъ берегу Фонтанки, противъ Лѣтняго дворца, построенъ былъ Петромъ, въ 1711 году, Запасный дворецъ для храненія съѣстныхъ припасовъ, принадлежавшихъ дворцу. Дворецъ сей состоялъ изъ обширнаго деревяннаго дома въ одинъ этажъ, и раздѣлялся большими воротами на двѣ половины, изъ которыхъ въ каждой съ лицевой стороны было по четыре окна, а надъ воротами былъ мезонинъ съ четырьмя окнами. Впослѣдствіи онъ обращенъ въ прачечный; а вмѣсто его построенъ былъ другой запасный домъ за Литейнымъ дворомъ, на Воскресенскомъ проспектѣ, противъ нынѣшняго главнаго зданія кавалергардскихъ казармъ.

Дворецъ царевны Натали Алексѣевны. На томъ же проспектѣ и въ томъ же году, на мѣстѣ нынѣшней гофъ-интендантской конторы, сооруженъ Петромъ Великимъ каменный дворецъ для любимой сестры его, царевны Наталіи Алексѣевны. Онъ состоялъ изъ длиннаго корпуса, имѣвшаго съ лицевой стороны въ нижнемъ ярусѣ 16 оконъ, а по срединѣ еще два яруса, съ шестью окнами въ каждомъ. Здѣсь же внутри дворцовыхъ палатъ, находилась церковь Воскресенія Христова, и при ней небольшая богадѣльня для бѣдныхъ, устроенная самою царевною. По смерти ея Петръ I-й обратилъ богадѣльный домъ въ воспитательный, поручивъ жившимъ въ немъ старымъ женщинамъ воспитаніе бѣдныхъ младенцевъ и въ особенности подкидышей. Для принятія послѣднихъ сдѣланъ былъ съ улицы парочный чуланчикъ, въ который клали ихъ тайнымъ образомъ, не объявляя о родителяхъ. О содержаніи и воспитаніи сихъ младенцевъ изданъ былъ именной указъ 1714 года, 4-го ноября, который подтвержденъ былъ и императрицею Екатериною I-ю, 1726 года марта 8-го дня.

Дворецъ царевича Алексѣя Петровича. Мѣсто, занимаемое нынѣ зданіями гофъ-интендантскихъ магазиновъ, напротивъ гофъ-интендантской конторы, замѣчательно потому, что тутъ находился дворецъ царевича Алексѣя Петровича. Съ лицевой стороны сего дворца было 12 оконъ, и по срединѣ ихъ парадный подъѣздъ на семи ступеняхъ, съ двумя по сторонамъ столбами, въ родѣ фонарей; крыша крутая съ двумя уступами, и по срединѣ ея, надъ подъѣздомъ мезонинъ, или второй ярусъ, съ тремя окнами. Зданіе это по кончинѣ царевича обращено было въ придворный медоваренный заводъ.

Дворецъ Дубки. Приморскій дворецъ, называемый Дубки, на Выборгской сторонѣ, также начатъ былъ строеніемъ въ 1711 году. Онъ почитался собственнымъ домомъ Петра, и назывался Дубками потому, что находился подлѣ прекрасной дубовой рощицы, насажденной руками самого Государя.

Екатерингофъ и Подзорный дворецъ. Вмѣстѣ съ устройствомъ столицы, Петръ хотѣлъ обратить и пустынныя ея окрестности въ

мѣста общественныхъ увеселеній, по образцу иностранныхъ загородныхъ дачъ. Съ этою цѣлію онъ роздалъ своимъ вельможамъ острова, образуемые рукавами Невы; а близъ того мѣста, гдѣ 6 мая 1703 года одержана имъ первая побѣда надъ шведскимъ флотомъ, въ 1711 году построилъ деревянный дворецъ въ два этажа, и, наименовавъ его въ честь супруги своей Екатерингофомъ, подарилъ ей для лѣтняго пребыванія. Въ то же время, неподалеку отъ Екатерингофа, на небольшомъ островѣ, Петръ I-й основалъ каменный дворецъ съ башнею. Съ этой башни монархъ любилъ смотрѣть въ зрительную, или подзорную трубу, на приходящіе къ С.-Петербургу иностранные корабли, отчего и дворецъ получилъ названіе Подзорнаго.

Въ Екатерингофскомъ дворцѣ, въ обоихъ этажахъ, считается 21 комната. Нѣкоторыя изъ комнатъ верхняго этажа убраны тигровымъ бархатомъ, атласомъ и штофомъ; въ одной—стѣны покрыты бѣлымъ бархатомъ, съ цвѣтными букетами превосходной работы, а мебель отдѣлана серебромъ. Роскошная эта меблировка, вѣроятно, произведена уже послѣ Петра; но изъ вещей, собственно ему и Екатеринѣ принадлежавшихъ, особенное вниманіе привлекаютъ: 1) Икона Владимірскія Божіея Матери, поставленная еще при жизни Петра предъ опочивальнею его. 2) Парадный кафтанъ его, синій, съ золотымъ шитьемъ по карману, воротнику, поламъ и обшлагамъ. 3) Лосинный колетъ, съ золотымъ позументомъ по борту и рукавамъ, который онъ носилъ въ сраженіяхъ. 4) Кровать его изъ сосноваго дерева, безъ украшеній, съ наволоками изъ шелковой ткани, съ шелковымъ одѣяломъ и съ нашивными золотыми гербами. Кровать эта, какъ увѣряютъ, собственной работы государя. 5) Деревянная табакерка, съ надписью: отъ его величества своеручною работою морскаго флота поручику Іосифу Ботову. 6) Стеклянная фіолетовая табакерка, подаренная Петромъ купчихѣ Барсуковой. 7) Небольшой серебряный образъ, подаренный имъ же купцу Барсукову, и 8) серебряные часы, съ портретомъ Петра, пожалованные вышневолоцкому купцу Сердюкову. Вещи эти пожертвованы въ Екатерингофскій дворецъ потомками прежнихъ владѣльцевъ. 9) Китайскіе шкафы, комодъ, бюро, лакированныя ширмы и другія вещи

китайскаго издѣлія, присланныя, какъ полагаютъ, въ подарокъ Петру отъ китайскаго императора, взамѣнъ англійскихъ часовъ съ курантами и другихъ вещей собственной работы Петра, посланныхъ въ даръ богдыхану чрезъ посланника капитана Измайлова.

Анненгофъ и Елисаветгофъ. Недалеко отъ Екатерингофа построены были два другіе деревянные дворца: Анненгофъ и Елисаветгофъ, названные такъ въ честь цесаревенъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны. Первый имѣлъ въ длину 12, въ ширину 6 сажень, одинъ этажъ и по сторонамъ два небольшіе домика; послѣдній имѣлъ въ длину съ одной стороны 15, съ другой 14, въ ширину 3 сажени, одинъ этажъ и кругомъ обнесенъ былъ галерею. Анненгофскій дворецъ въ 1800 году былъ подаренъ статсъ-дамѣ княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Гагариной, а Елисаветгофъ за совершенною ветхостію разобранъ.

Стѣльнинскій каменный дворецъ. Петръ, во время путешествія своего, плѣнясь великолѣпіемъ версальскаго дворца, и въ особенности его прекрасными парками и водометами, по возвращеніи своемъ изъ Франціи, принялъ намѣреніе воздвигнуть подобный замокъ въ окрестностяхъ Петербурга; въ 1711 году, въ 17-ти верстахъ отъ столицы, при рѣчкѣ Стрѣлкѣ, впадающей въ Финскій заливъ, на возвышенномъ морскомъ берегу воздвигнутъ былъ, по плану Леблонда, архитекторомъ Брантомъ каменный двухъ-этажный *) дворецъ, длиною въ 44, шириною въ 6 и вышиною въ $8\frac{3}{4}$ сажени. Противъ дворца лежитъ небольшой островъ, образуемый рукавами канала и именуемый Петровскимъ. Названіе это получилъ онъ отъ того, что на немъ растутъ посаженныя самимъ Петромъ смолистыя сосны, которыхъ сѣмена собиралъ онъ во время поѣздки своей въ Карлсбадъ чрезъ Гарнскія горы.

По разведеніи сада и по вырытіи каналовъ и большаго пруда, Петръ I-й уже началъ проводить воду для фонтановъ, какъ знаменитый Минихъ, исправлявшій при немъ должность инженера, пред-

*) По свидѣтельству І. Г. Георги дворецъ этотъ былъ выстроенъ въ два этажа, а по словамъ П. И. Свиньина—въ четыре этажа.

ставилъ монарху о выгоднѣйшемъ положеніи Петергофа; съ того времени государь обратилъ все свое вниманіе на Петергофъ, а Стрѣльну 1722 года, 22-го января, подарилъ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ царствованіе Анны Іоанновны стрѣльнинскій дворецъ сгорѣлъ; но при Елисаветѣ Петровнѣ онъ возобновленъ, и по сторонамъ придѣланы были къ нему, по плану графа Растрелли, флигеля одинаковой вышины съ главнымъ корпусомъ. Они уже доведены были до крыши, но окончательная отдѣлка ихъ остановлена была возгорѣвшеюся въ то время семилѣтнею войною. Въ такомъ положеніи дворецъ Стрѣльнинскій, съ заглохшими своими садами, оставался до 1797 года, когда Павломъ I-мъ подаренъ былъ великому князю Константину Павловичу. Въ 1803 году этотъ дворецъ, уже отдѣланный во всѣхъ частяхъ, опять сгорѣлъ; но въ 1804 году снова выстроенъ безъ малѣйшихъ отступленій отъ плана, начертаннаго Петромъ Великимъ, въ наружномъ фасадѣ и съ весьма малыми перемѣнами во внутреннемъ расположеніи. Деревянная придворная церковь въ Стрѣльнѣ, построенная въ 1759 году на мѣсто старой, достопримѣчательна тѣмъ, что въ ней сохраняется тотъ самый придѣлъ, въ которомъ, 1707 года 20-го ноября, вѣнчался Петръ I-й съ Екатериною, въ Екатерингофѣ, и который оттуда перевезенъ сюда по его повелѣнію.

Константинъ Павловичъ, снабдивъ эту церковь богатою утварью и облаченіемъ, поставилъ въ ней штандарты конной гвардіи и драгунскаго полка, бывшіе въ знаменитую войну 1812 года, и вмѣстѣ съ ними серебряныя литавры, отнятыя Петромъ Великимъ у шведской конной гвардіи подъ Полтавою.

1722 года, 22-го января, Петръ I-й подарилъ Стрѣльну Елисаветѣ Петровнѣ, въ день сговора ея за герцога Голштинскаго; а собственно для себя построилъ деревянный дворецъ въ 400 саженяхъ отъ каменнаго, близъ устья Стрѣлки. Дворецъ этотъ, сохранившійся донынѣ въ цѣлости, имѣетъ въ длину 16, въ ширину 6 и въ вышину 2 сажени. Въ немъ — 2 залы и 8 комнатъ, съ свѣтелкою, или мезониномъ. Здѣсь хранится постель Петра и шкафъ изъ орѣховаго дерева, въ которомъ стоятъ его голландскія чайныя чашки.

Недалеко отъ оранжерей стоитъ огромная липа, которой счи-

таютъ нѣсколько сотъ лѣтъ. При Петрѣ I построена была на ней бесѣдка, въ которую вела высокая круглая лѣстница. Преданіе сохранилось, что монархъ часто здѣсь кушалъ чай, наслаждаясь зрѣлищемъ моря. Подлѣ липы находится большой ильмъ, примѣчательный тѣмъ, что онъ привезенъ Петромъ изъ Митавы позади его экипажа, и посаженъ здѣсь собственными его руками. Въ Стрѣльнѣ заведена была даже и школа древесная, съ хуторомъ, въ которомъ неутомимый хозяинъ самъ сѣялъ сѣмена, собранныя имъ во время путешествій. Еще и теперь сохраняется нѣсколько дубовъ, посаженныхъ Петромъ и называемыхъ Петровыми питомцами.

Петергофъ. Уваживъ представленія Миниха и плѣнясь мѣстоположеніемъ горы въ 60 футовъ вышиною, на взморьѣ, при Кронштадтскомъ заливѣ, въ 26-ти верстахъ отъ Петербурга, Петръ поручилъ архитектору Леблонду построить на этой горѣ дворецъ; велѣлъ оставить на половинѣ пути водопроводъ, который проводили тогда изъ деревни Лапиной въ Стрѣльну, и, запрудивъ рѣчку Шишкарку, обратилъ всѣ воды къ Петергофу. Дворецъ оконченъ былъ еще въ 1711 году. Послѣ того построены бесѣдки Монплезиръ и Марли, которую государь называлъ mon bijou.

По смерти Петра, вмѣстѣ съ прочими начатыми имъ строеніями оставленъ былъ безъ вниманія и Петергофъ; но императрица Елисавета возобновила его и довела до такой степени, что онъ уже могъ равняться своими фонтанами съ Версалью и Марли.

Нынѣшнее великолѣпіе Петергофа невыразимо. «Описать Петергофъ», сказалъ англійскій путешественникъ Каръ, «можетъ одно перо, обмокнутое въ море радугъ и огней». Особенное вниманіе останавливаетъ фонтанъ, извѣстный подъ именемъ Самсона; колоссальная статуя его, работы знаменитаго Козловскаго, отлитая изъ бронзы Екимовымъ, представляетъ богатыря, раздирающаго руками челюсть огромнаго льва, изъ которой стремится на 30 футовъ вверхъ, съ кипѣніемъ и ревомъ, водяной столбъ около $1\frac{1}{2}$ фута въ діаметрѣ.

Въ Монплезирѣ, въ спальнѣ Петра Великаго, хранится постель его, покрытая его же бѣльемъ и одѣяломъ; изъ этой спальни видѣнъ ясно весь Кронштадтъ.

Въ Марли, на берегу пруда, стоитъ бесѣдка Петра 1-го, украшенная принадлежавшими ему картинами. По сторонамъ ея—два дуба, посаженные собственными его руками.

Петровъ домъ, близъ деревни Ольховой. Неподалеку отъ Петергофа, посреди Ропшинскаго лѣса, близъ деревни Ольховой, еще недавно существовалъ домикъ Петра Великаго, весьма похожій на первый, основанный имъ въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ. Финскіе крестьяне называли этотъ домикъ Петровымъ домомъ. Въ немъ жилъ государь когда пріѣзжалъ надсматривать надъ работами, производившимися при проведеніи въ Петергофъ канала.

Ораніенбаумъ. Увеселительный замокъ въ Ораніенбаумѣ построенъ въ 1711 году княземъ Меншиковымъ, и былъ загороднымъ его домомъ но, послѣ паденія его взятъ въ казну. По положенію своему, онъ имѣетъ большое сходство съ дворцомъ Стрѣльнинскимъ: также стоитъ на укрѣпленной горѣ, возвышающейся на 15 сажень надъ низкимъ берегомъ Финскаго залива, и имѣетъ прекрасный видъ на заливъ и на Кронштадтъ. Часть этого замка, по высочайшему указу 1792 года апрѣля мѣсяца, отдана была Кронштадтскому морскому кадетскому корпусу.

Италіянскій дворецъ на Фонтанкѣ. Въ 1712 году, Петръ Великій, желая пріучить жителей Петербурга къ общественнымъ собраніямъ, построилъ на берегу Фонтанки, близъ Невскаго проспекта; каменный дворецъ, по образцу италіянскихъ увеселительныхъ домовъ и назвалъ его италіянскимъ; въ то же время развелъ при немъ обширный садъ, и позволилъ народу собираться въ него для гулянья. По восшествіи на престолъ императора Павла 1-го, въ этотъ дворецъ переведенъ былъ изъ Гатчины военносиротскій домъ; нынѣ помѣщается въ немъ Екатерининскій институтъ, учрежденный также императоромъ Павломъ для воспитанія бѣдныхъ и сирыхъ дворянскихъ дѣвицъ. Самое зданіе совсѣмъ передѣлано, и отъ прежняго, замѣненнаго нынѣ огромнымъ великолѣпнымъ домомъ, осталась памятникомъ одна Италіянская улица, простирающаяся отъ Фонтанки до Екатерининскаго канала и отъ институтскаго сада, на Литейной, до Лиговки.

Петровскій дворецъ. Острова, образуемые Невою, почти всѣ розданы были Петромъ его вельможамъ; но Петровскій составлялъ его собственность, отъ чего онъ получилъ и свое названіе. На немъ также находился деревянный дворецъ, который въ 1765 году, по обветшаніи, былъ разобранъ и замѣненъ каменнымъ. Сей послѣдній, съ частію Петровскаго острова, въ маѣ 1801 года, переданъ былъ въ вѣдѣніе Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества; но въ августѣ 1836 года онъ обращенъ, со всѣмъ островомъ, въ вѣдѣніе кабинета, какъ древнее достояніе Императорской фамиліи.

Крестовскій дворецъ царевны Наталіи Алексѣевны. На Крестовскомъ островѣ, принадлежавшемъ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, находился загородный ея дворецъ, выстроенный въ два этажа. Въ нижнемъ этажѣ было четыре окна, и посреди ихъ подъѣздъ со ступенями; въ верхнемъ—также четыре окна и балконъ надъ подъѣздомъ, огражденный перилами.

Ижорскій дворецъ. На берегу Невы, при устьѣ Ижоры построенъ былъ деревянный дворецъ, для отдыха государя во время поѣздокъ его въ Шлиссельбургъ. По преданію извѣстно, что онъ выстроенъ былъ изъ хоромъ, стоявшихъ въ Шлиссельбургѣ и называвшихся Королевскимъ домомъ. Дворецъ съ лицевой стороны имѣлъ два яруса, изъ которыхъ въ каждомъ было по шести оконъ. Два среднія окна нижняго яруса выходили на подъѣздъ а два среднія верхняго яруса — на широкій балконъ, устроенный на двухъ столбахъ, простиравшихся съ низу до крыши. Къ главному корпусу дворца пристроены были два одно-этажные флигеля, съ высокими шпицами, на подобіе колоколень, и въ каждомъ флигелѣ было по три окна.

Дворецъ царевича Алексѣя Петровича въ Кайкушахъ. Между фарфоровыми заводами и мызою Мурзинкою, въ небольшой слободѣ Кайкушахъ, въ 1714 году построенъ былъ мазанковый дворецъ для царевича Алексѣя Петровича. Дворецъ состоялъ изъ главнаго двухъ-этажнаго зданія, изъ пристроенныхъ къ нему по сторонамъ

двухъ-этажныхъ флигелей и изъ антресолей съ башнею, такъ что въ совокупности съ лицевой стороны онъ представлялъ три этажа, расположенные пирамидально. Въ первомъ этажѣ было 10 оконъ, во второмъ 4 и въ третьемъ 3, а надъ ними—башня съ тупымъ шпилемъ. Въ послѣдствіи на мѣстѣ этого дворца выстроенъ былъ каменный трехъ-этажный домъ камергеромъ Шкуринымъ, которому слободка Кайкуши пожалована въ 1763 году.

Дворецъ царицы Прасковьи Оедоровны. Достойно замѣчанія, что нынѣшній домъ Академіи Наукъ на Васильевскомъ островѣ первоначально предназначался для царицы Прасковьи Ѳедоровны (супруги царя Іоанна Алексѣевича), а въ академическій обращенъ уже въ 1725 году, по повелѣнію Екатерины I-й *). До перемѣщенія въ этотъ домъ, Академія Наукъ имѣла свои собранія въ каменныхъ палатахъ вице-канцлера и сенатора Петра Павловича Шафирова, гдѣ происходило и первое торжественное собраніе ея 21 декабря 1725 года (а по Богданову—въ 1726 году), въ присутствіи императрицы Екатерины I-й, всей высочайшей фамиліи, синода, сената и генералитета. Палаты Шафирова находились на Петербургской сторонѣ, подлѣ палатъ князя Матвѣя Петровича Гагарина, сибирскаго губернатора, въ которыхъ въ то время помѣщался святѣйшій синодъ.

Италіянскій дворецъ и домикъ Петра Великаго въ Кронштадтѣ. Въ Кронштадтѣ, при входѣ въ адмиралтейство, на берегу канала стоялъ высокій толстый дубъ, одинъ изъ двухъ дубовъ, найденныхъ первоначально на этомъ безплодномъ островѣ. По преданію извѣстно, что въ этомъ дубѣ выдолбленъ былъ шкафикъ, въ которомъ ставились бутылка и стаканъ съ прохладительнымъ напиткомъ, для утоленія жажды неутомимаго вѣщеспаго строителя флота. Тамъ же, при началѣ канала, еще во времена императрицы Екатерины II, существовалъ каменный Италіянскій дворецъ Петра Великаго. Отъ этого дворца уцѣлѣли одни только великолѣпныя кресла, доказывающія богатство убранствъ его, и одно

*) Отношеніе кабинета ея величества въ канцелярію о строеніи домовъ и садовъ (изъ дѣлъ архива Гофъ-интендантской конторы).

названіе, сохранившееся въ выкопанномъ здѣсь Италіянскомъ прудѣ. Но въ Кронштадтѣ сохраняется донынѣ домикъ Петра Великаго. Наружность его проста, но красива; двери и три италіянскія окна обращены на улицу. Внутренность раздѣлена на двѣ половины, состоящія изъ семи маленькихъ покоевъ. Главная изъ нихъ занимаема была Петромъ, а другая, по лѣвую сторону—неразлучнымъ его сподвижникомъ княземъ Меншиковымъ. Къ домику пристроена баня, въ которую входъ прямо изъ спальни государевой. На дворѣ стоитъ другой небольшой домикъ, въ которомъ жилъ Ягужинскій и прочіе генералы императорской свиты. Съ сѣверной стороны домика сохранилось еще нѣсколько почетныхъ дубовъ, насажденныхъ Петромъ Великимъ.

Изъ зданій, построенныхъ Петромъ I-мъ въ Кронштадтѣ, заслуживаетъ еще особеннаго вниманія деревянная церковь Богоявленія Господня. Не смотря на огромность свою, она сохраняется доселѣ въ цѣлости; даже колокольня ея, которая почиталась чудомъ архитектуры сего рода, по чрезвычайной высотѣ своей и легкости, уже въ 1811 году передѣлана и гораздо понижена. Въ этой церкви замѣчательно напикадило точенья Петра.

Нарвскій дворецъ. Въ городѣ Нарвѣ, близъ бастіона Викторіи, стоитъ каменный дворецъ, принадлежавшій Петру Великому, купленный имъ у тамошняго бюргера, серебряныхъ дѣлъ мастера Якова Лудэ. Въ этомъ дворцѣ хранятся разные трофеи, взятые у Шведовъ, и многія вещи собственнаго рукодѣлія монарха.

Домикъ съ ботикомъ Петра I-го въ селѣ Дубнѣ. Новоладожскаго уѣзда, въ селѣ Дубнѣ, на 24-й верстѣ отъ г. Ладоги къ Шлиссельбургу, съ лѣвой стороны Ладожскаго канала, на дамбѣ, находится домикъ, въ которомъ хранится ботикъ императора Петра I-го. Домикъ этотъ—деревянный, на плитномъ фундаментѣ; окрашенъ внутри бѣлою краскою; снаружи—крыша зеленою, стѣны дикою, карнизы и наличники бѣлою краскою. Надъ дверями домика надпись: «Здѣсь безсмертный славы знакъ».

Самый ботикъ—съ мачтою, оснащенною парусами фокъ и клемъ-фокъ; при немъ находится руль, съ желѣзнымъ румполомъ; на носу

и кормѣ—по флагу. Верхняя часть ботика выкрашена черною краскою, карнизный поясъ зеленою, остальная часть, сверхъ смолы, красною, мачта и при ней гифель и гакъ — бѣлою, носовой и кормовой флагштоки и на носу утлегарь—черною.

На доскѣ, висящей на стѣнѣ домика, написано золотыми буквами: «Ботикъ, на которомъ Его Императорское Величество Государь Петръ Великій, отъ окончанія фашинной работы, отъ г. Ладоги съ половины 13-й версты, гдѣ перемычка учинена была въ 1724 году сентября въ послѣднихъ числахъ, по канальному кувету, даже до 3-й версты отъ Дубна къ Ладогѣ ѣхать соизволилъ; который ботикъ тянули нарочно выбранные малолѣтніе мальчики въ матросскомъ пестрединномъ платьѣ».

На стѣнѣ, гдѣ висятъ двѣ лопатки желѣзныя, съ деревянными черенками, на доскѣ написано золотыми буквами: «Лопатки, которыми вѣчной славы достойный Государь Императоръ Петръ Великій Вседержавнѣйшими своими руками сей каналъ копать началъ, и на семъ же ботикѣ отъ г. Ладоги до сего мѣста первый разъ Высочайшій проѣздъ имѣлъ».

На доскѣ у одной изъ сихъ лопатокъ написано золотыми буквами: «Лопатка, которою Его Императорское Величество Государь Петръ Великій сдѣланную при окончаніи фашинной работы отъ Ладоги на 13-й верстѣ перемычку въ 1724 году сентября въ послѣднихъ числахъ своими Высочайшими руками начать разрывать соизволилъ».

На доскѣ у другой написано золотыми буквами: «Лопатка, которою Ея Императорское Высочество Благовѣрная Государыня Цесаревна Анна Петровна, при селѣ Дубнѣ, въ 1725 году, сентября 25-го дня, сдѣланную позади Зюйдскаго спуска перемычку своими Высочайшими руками начать разрывать соизволила».

Постоялый домикъ Петра I-го въ г. Валуйкахъ. Воронежской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Валуйкахъ, сохраняется деревянный священническій домъ, въ которомъ имѣлъ пребываніе Петръ I въ 1699 году, на пути въ Азовъ. Домъ этотъ долго поддерживался поправками; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ *) находился уже въ

*) Писано въ 1843 году.

самомъ ветхомъ положеніи, бывъ занимаемъ внукомъ того священника, у котораго останавливался государь. Достойно замѣчанія, что пяти-главная соборная церковь въ Валуйкахъ построена по именному указу Петра I-го, данному въ означенномъ 1699 году 16-го апрѣля, на пожалованныя самимъ имъ деньги и по собственноручному его рисунку. Церковь эта, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1755 году, за ветхостію перестроена на казенный счетъ, по тому же самому плану.

Постоялый домикъ Петра I-го въ слободкѣ Борисовкѣ. Курской губерніи, въ имѣніи графа Шереметева, въ слободкѣ Борисовкѣ также находится домикъ, въ которомъ останавливался Петръ I-й. По преданію извѣстно, что домикъ этотъ построенъ въ 1709 году графомъ Шереметевымъ, для принятія государя во время шествія его подъ Полтаву. Зданіе все изъ дубоваго лѣса, имѣетъ два этажа, и покрыто гонтомъ. По распоряженію владѣльцевъ, оно поддерживается починками въ томъ видѣ, какъ первоначально устроено; но для удобнѣйшаго сохраненія, перенесено съ прежняго мѣста на господскій дворъ. Верхній этажъ занимается нынѣ домовымъ архивомъ, а нижняя комната пустая. Возлѣ домика хранятся взятыя подъ Полтавою у шведовъ семь чугунныхъ пушекъ и одинъ фалконетъ.

Полтавскій домикъ Петра Великаго. Въ самой Полтавѣ также долгое время сохранялся тотъ домикъ, въ которомъ Петръ имѣлъ пребываніе послѣ полтавскаго сраженія; но въ 1816 году это любопытное и драгоцѣнное зданіе за ветхостію сломано. Нынѣ на мѣстѣ его выстроенъ пирамидальный каменный столбъ, съ слѣдующею надписью: «Здѣсь Петръ Великій покоился послѣ трудовъ своихъ 1709 года, іюня 27-го. Благоговѣй: мѣсто свято есть».

102.

Лѣтній садъ.

Устройство Лѣтняго сада въ Петербургѣ, по утвержденному Петромъ I плану, поручено было шведскому садовнику Шредеру, который, между прочимъ, сдѣлалъ въ заднемъ саду на главномъ или среднемъ входѣ двѣ большія, высокими деревьями обсаженныя, куртины или малыя парки, одну противъ другой, съ деревовыми украшеніями. Государь, по обыкновенію, пришелъ, для осмотра работъ и увидя помянутыя двѣ куртины, которыя были не что иное какъ мѣста для отдохновенія, пришло ему на мысль сдѣлать изъ увеселительнаго мѣста также что-нибудь и поучительное. Онъ приказалъ позвать къ себѣ садовника, и сказалъ ему:

— «Я весьма доволенъ твоею работою и сдѣланными доселѣ прекраснымп разновидными украшеніями; однако не прогнѣвайся, что прикажу тебѣ нѣкоторыя изъ этихъ побочныхъ куртинъ переработать и сдѣлать изъ нихъ нѣчто иное: я бы желалъ, чтобъ посѣщающіе садъ находили въ немъ также что-нибудь и поучительное; какъ бы это сдѣлать?»

— Я не знаю иначе, отвѣчалъ садовникъ, какъ развѣ прикажете, ваше величество, положить на скамейкахъ какія книги и покрыть ихъ отъ дождя, чтобы прогуливающіеся могли садиться и читать.

Государь засмѣялся такому предложенію.

— «Ты почти угадалъ; но съ книгами въ публичномъ саду не очень ловко; а мнѣ кажется гораздо лучше разставить въ немъ Езоповы басни въ лицахъ. Сдѣлай же мнѣ расположеніе, какимъ бы образомъ можно было выгоднѣе помѣстить всѣ эти басни, или по крайней мѣрѣ большую часть ихъ».

Нѣсколько дней спустя, садовникъ подалъ новый чертежъ одной части парка, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ находился

до 1777 года *). Онъ состоялъ изъ четырехъ куртинъ со шпалерниками, какъ въ Лабиринтѣ, на каждомъ углу сдѣланъ былъ украшенный фигурами изъ Езоповыхъ басень фонтанъ, въ маленькомъ бассейнѣ, обложенномъ мхомъ и окаменѣлыми раковинами изъ озера Ильменя».

Всѣ представленныя въ саду фигуры были, по большей части, сдѣланы въ естественную величину, вылиты изъ свинца, вызолочены, и изъ нихъ били фонтаны, соотвѣтственно ихъ положеніямъ. И такъ сдѣлано было по угламъ шпалерниковъ болѣе шестидесяти Езоповыхъ басень, въ видѣ фонтановъ, при входѣ же — свинцовое вызолоченное изображеніе горбатаго Езопа въ человѣческій ростъ.

Такъ какъ государь полагалъ, что многимъ прогуливающимся неизвѣстно содержаніе этого представленія, а тѣмъ менѣе значеніе сихъ Езоповыхъ басень, то приказалъ на каждой сторонѣ вбить столбъ, на которомъ написана была, на жести, какъ самая басня, такъ и толкованіе ея, четкимъ россійскимъ письмомъ.

Куртина эта въ новомъ саду была послѣ любимымъ мѣстомъ государя, гдѣ онъ часто цѣлые часы одинъ прогуливался.

103.

Дубовый лѣсъ.

Съ великою склонностію государя къ плаванію и строенію кораблей соединено было и отмѣнное попеченіе о дубовомъ лѣсѣ, болѣе потому, что природа столь скупо надѣлила имъ тѣ страны, гдѣ великій основатель россійскаго кораблеплаванія долженъ былъ заложить верфи. Основавъ новой городъ при рѣкѣ

*) Съ 1777 года ничего не осталось. Въ то время ужасною бурею и великимъ наводненіемъ садъ этотъ былъ почти совсѣмъ опустошенъ, высокія и густыя деревья вырваны съ корнемъ и повержены одно на другое, куртины и поставленныя въ естественномъ видѣ бывшія фигуры изъ Езоповыхъ басень были частію опрокинуты и большими деревьями разбиты, частію же свирѣпостію бури и наводненіемъ такъ испорчены, что какъ скоро, по прошествіи бури, деревья были опять подняты, подперты и укрѣплены по-прежнему, сосовсѣмъ невозможно уже было поправить этихъ фигуръ. *Штелинъ.*

Невѣ, принялъ онъ изъ нѣмцевъ лѣсныхъ смотрителей, кои должны были по всей Ингерманландіи и Новгородской губерніи осматривать лѣса и замѣчать дубы. Хотя и не находилось здѣсь цѣлыхъ лѣсовъ дубовыхъ, какъ въ южныхъ отдаленныхъ странахъ, то есть въ Украйнѣ, по Дону и Волгѣ, а особливо въ Казанской губерніи, однакожъ нѣсколько и тутъ было сихъ деревъ изрядной доброты и величины. Потомъ издалъ указъ, запрещающій подъ жестокимъ наказаніемъ, чтобы никто, даже и самый помѣщикъ на своей землѣ, не отважился рубить дубоваго лѣса безъ вѣдома адмиралтейской коллегіи и безъ позволенія лѣснаго смотрителя.

А дабы народу подать примѣръ собою о сбереженіи дубоваго лѣса, приказалъ онъ примѣченные имъ въ Кронштадтѣ два старые дуба огородить, поставить подлѣ нихъ круглый столъ и скамейки и пріѣзжая часто лѣтомъ туда, сиживалъ подъ тѣнію ихъ съ великимъ удовольствіемъ, въ маломъ обществѣ тамошнихъ начальниковъ и кораблестроителей и часто говаривалъ о сихъ деревьяхъ:

— «Ахъ если бы мы здѣсь и въ окрестности нашли хотя столько дубоваго лѣса, сколько тутъ листовъ и желудей».

На взморьѣ, противъ Кронштадта и Петергофа, нашелся небольшой дубовый лѣсъ, государь выстроилъ увеселительный дубовый дворъ и назвалъ оный въ честь дубу,—дубки. Многихъ кораблестроителей и морскихъ офицеровъ, кои въ угодность своему государю въ Петербургѣ въ садахъ своихъ сажали дубы, при первомъ видѣ благодарилъ ихъ передъ всѣми. Онъ и самъ выбралъ себѣ за городомъ, на Петербургской дорогѣ, мѣсто длиною въ 200, а шириною въ 50 шаговъ, для разсада дубоваго лѣса, который, по свойству здѣшняго климата, растетъ хотя медленно, но довольно хорошо, и нѣкоторыя деревья нынѣ уже вышиною въ двѣ или три сажени *). Мѣсто это велѣлъ онъ огородить частоколомъ, а на ономъ прибить рукописный указъ, чтобы никто не отважился сихъ подростковъ обрывать, или какимъ-либо инымъ образомъ портить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда молодые дубы выросли въ ростъ человѣческій, проѣзжая мимо, по обыкновенію своему, остановился и пошелъ ихъ посмотрѣть; но къ великому огорченію нашелъ онъ вѣтви и множество листьевъ пучками

*) Писано въ 1787 году.

разбросанными по землѣ; на что разгнѣвался, тѣмъ болѣе, что оныя, какъ легко примѣтить можно было, не вѣтромъ и непогодою, но совершенно изъ шалости и умыслу сорваны. Возвратившись въ городъ, тотчасъ призвалъ генералъ-полицимейстера и приказалъ ему поставить тайно, напротивъ онаго, въ ближнемъ лѣсу сторожей, кои бы крѣпко смотрѣли, кто коснется до сей завѣтной дубовой рощи. Спустя нѣсколько дней потомъ замѣчена была цѣлая шайка пьяныхъ, большею частію господскихъ людей, кои мимо идучи перелѣзали черезъ огородку и сорвавъ нѣсколько вѣтвей и связавъ изъ листьевъ пучки, накалывали оныя на шляпы. Они были схвачены, приведены въ полицію и на рынкѣ публично высѣчены. Наканунѣ же дня сего было повѣщено съ барабаннымъ боемъ, чтобы кто-нибудь изъ каждаго двора былъ непремѣнно при наказаніи сихъ вредителей дубовъ.

104.

Застройка Петербурга.

Петръ Великій, желая украсить свой новый городъ наилучшими строеніями, весьма доволенъ былъ, если кто заводилъ ихъ въ городѣ или около него. Когда русскій или чужестранный купецъ намѣревался строить себѣ домъ и просилъ государя къ положенію камня въ основаніе, то онъ никогда не отговаривался и присутствовалъ иногда и при освященіи мѣста. Всякій зналъ, что постройкою оказывастъ государю великое угожденіе, и для этой причины каждый желалъ строиться и многіе явились тутъ такіе обитатели, которыхъ въ другую пору вовсе бы не было; по этому поводу нечувствительно размножились дома въ Петербургѣ. Особенное предмѣстье заложилъ государь близъ взморья, между южными рукавами Невы, а именно: между Пряжкою, Глухою и Фонтанкою, и назвалъ его большею и малою Коломною; оно состояло изъ многихъ улицъ и заселено было одними морскими служителями. Далѣе, внѣ города, по ту сторону Фонтанки, взялъ онъ изрядную полосу по взморью на нѣсколько верстъ, подъ мызу своей супругѣ,

и назвалъ ее Екатерингофъ. Тамъ, на голландскій вкусъ, построилъ онъ деревянной домъ *) на каменномъ фундаментѣ, въ пріятной рощѣ, а подлѣ дома вырылъ каналъ и гавань, въ которую можно въѣзжать на шлюбкахъ изъ устья Невы. Далѣе, еще на версту по берегу взморья, составляющаго тамъ многіе острова, придающіе странѣ пріятный видъ, построены послѣ двѣ небольшія мызы, или загородные дворы, по имени обѣихъ царевенъ, а именно Аннингофъ и Елизаветгофъ **).

105.

Основаніе Царскаго Села.

Построеніе Екатерингофа было поводомъ, что Екатерина вознамѣрилась взаимно сдѣлать неожиданную радость государю. Въ этомъ намѣреніи избрала отмѣнно высокое и хорошее мѣсто, лежащее отъ столицы въ двадцати пяти верстахъ, въ юго-восточную сторону, съ котораго видѣнъ Петербургъ и вся его окрестность. Тутъ нашла она одну только деревушку, называвшуюся Сарскою мызою, по имени своей помѣщицы Сары, Ингерманландской дворянки; тамъ построила императрица каменный увеселительный замокъ со всѣми къ нему принадлежностями, развела садъ съ куртинами, шпалерниками и аллеями. Начатое въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ строеніе производилось столь тайно, что государь ничего не зналъ объ немъ. Во время отсутствія его, продолжавшагося два года, заставляла она тамъ работать съ величайшимъ прилежаніемъ и стараніемъ и въ третье лѣто явился пріятнѣйшій увеселительный замокъ или дворецъ. Государь того же лѣта пріѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней изъ арміи, находившейся тогда въ Польшѣ, и оказывалъ великое свое удовольствіе, какъ въ разсужденіи умножившагося, во время отсутствія, въ любимомъ городѣ его строенія, такъ и въ окончаніи увеселительныхъ его двор-

*) «Этотъ домъ былъ о двухъ этажахъ; въ одномъ живалъ государь, а въ другомъ—его супруга съ фамиліею; онъ сохраненъ и понынѣ въ честь великому основателю; только императрицею Елизаветою прибавлены къ нему два флигеля, два большія зала и нѣсколько боковыхъ покоевъ». *Штелинъ.*

**) См. передъ симъ ст. о дворцахъ, стр. 177—179. *Ред.*

цовъ въ Петергофѣ и Стрѣльнѣ. При этомъ случаѣ императрица улыбаясь сказала, что въ отсутствіи его нашла она хотя пустое, но весьма пріятное и здоровое мѣсто неподалеку отъ Петербурга, на которомъ онъ конечно построитъ себѣ увеселительный дворецъ, если только его увидитъ. Государь, радуясь старанію своей супруги о застроеніи окрестностей Петербурга, пожелалъ знать отъ нея положеніе того мѣста и напередъ обѣщалъ ей построить на немъ увеселительный замокъ, если найдетъ его такъ прекраснымъ, какъ оно было описано. Императрица утверждала, что мѣсто ему понравится, потому болѣе, что лежитъ оно на нѣсколько верстъ въ сторонѣ отъ московской дороги и имѣетъ прекрасный видъ, а пусто единственно отъ того, что отдаленно и до-сихъ-поръ было неизвѣстно.

Государь обѣщалъ на другой день съ нею туда поѣхать; императрица же приказала всю ночь тайно дѣлать приготовленія къ принятію государя въ свой замокъ. Слѣдующимъ утромъ поѣхали они въ сопровожденіи морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ и другихъ приближенныхъ, а за ними кухня и погребъ, съ довольнымъ запасомъ для сельскаго обѣда, который намѣревались имѣть тамъ въ палаткѣ. Когда за двѣнадцать верстъ отъ Петербурга должно было съ московской дороги своротить вправо, внезапно вниманіе государя обратилось на новую, черезъ лѣсъ прорубленную, ровную дорогу, и на представляющуюся въ концѣ ея Дудорговскую гору. Тогда въ великой радости спутникамъ своимъ сказалъ:

— «Мѣсто, куда моя супруга насъ ведетъ, должно конечно быть прекрасно, потому что и дорога къ нему хороша».

При подошвѣ этой горы своротили влѣво, подымаясь и спускаясь по холмамъ, но похваленнаго мѣста еще вовсе не было видно, пока уже наконецъ поднялись на вершину горы. Отсюда усмотрѣлъ государь вдали прекрасное новое каменное строеніе о двухъ этажахъ, въ такой сторонѣ, гдѣ и ноги его никогда не бывало. Съ великимъ восхищеніемъ пріѣхалъ онъ къ этому новому и неожидаемому замку, въ которомъ императрица, какъ хозяйка, приняла его сими словами:

— Вотъ мѣсто, о которомъ я вашему величеству говорила, и вотъ загородный дворъ, который построила я для моего хозяина.

Государь бросился въ ея объятія и цѣлуя ея руки предъ всѣми, сказалъ:

— «Никогда еще супруга моя меня не обманывала. Она правду сказала, мѣсто прекрасно, и тайно приложенныя ею старанія—сдѣлать мнѣ неожиданную радость, застроеніемъ этой прекрасной стороны—заслуживаютъ совершенно мою благодарность. Я вижу ясно, что этимъ строеніемъ хотѣла она мнѣ доказать, что около Петербурга есть и сухія прекрасныя мѣста, заслуживающія быть застроенными».

Императрица повела супруга своего по всѣмъ наилучше убраннымъ покоямъ, показала ему изъ оконъ пріятные виды отдаленныхъ мѣстъ, посреди которыхъ любимый его Петербургъ лучше всѣхъ былъ видѣнъ, а наконецъ привела его въ залъ, гдѣ накрытъ былъ великолѣпный столъ. Сѣли обѣдать, и государь первый выпилъ за здравіе хозяйки и благоразумной строительницы. Императрица въ отвѣтъ пила за здравіе его величества, какъ хозяйка сего дома. Но какъ удивился государь, когда во время питія императрицы за его здравіе, загремѣли одиннадцать пушекъ шести-фунтовыхъ, которыя разставлены были подъ обоими флигелями замка. По окончаніи стола ходилъ государь по саду и боковымъ строеніямъ, осматривалъ и хвалилъ все, и на прощаніи сказалъ еще объ этой прекрасной застроенной сторонѣ, что «весьма мало помнитъ такихъ веселыхъ дней, какъ нынѣшній» *).

106.

Больной мѣщанинъ.

Въ одной мѣщанской фамиліи, переселенной изъ Серпухова, по прозванію Ямщиковой, занемогъ старшій сынъ сухоткою. Государь въ началѣ болѣзни узнаетъ объ этомъ и присылаетъ къ больному своего лекаря; а чтобы по старинным предразсудкамъ не пренебрегали они его предписаніями, то чрезъ нѣсколько

*) Штелинъ ссылается, что слышалъ этотъ разсказъ «отъ архитектора Форстера, который строилъ Царское Село и былъ тамъ при семъ случаѣ.»

Ред.

дней самъ навѣщаетъ больнаго, приказываетъ ему и старшку отцу его, чтобъ они исполняли въ точности всѣ приказы лекарскіе и что самъ онъ за ними надзирать будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, государь, когда бы ни выѣзжалъ для осмотра работъ, бывалъ и у больнаго, что̀ благоволилъ продолжать до самаго выздоровленія Ямщикова. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ Петръ увидѣлъ старика, отца семейства, метущаго дворъ; странно это показалось его величеству; онъ говоритъ, что такого рода работа ему, какъ начальнику фамиліи и человѣку старому, неприлична.

— «Ужъ не принуждаютъ-ли тебя дѣти твои къ таковымъ работамъ?» спросилъ его государь.

— Нѣтъ, надежда-государь! отвѣтствовалъ старикъ, они еще отводятъ меня отъ работы; но я не привыкъ быть праздным, и пока силы мои есть—тружусь; а эта работа по силамъ моимъ.

Государь похвалилъ его за это, однакожъ, войдя въ избу, спрашиваетъ дѣтей его, особенно старшаго больнаго: не заставляютъ-ли они работать старика отца своего? Но всѣ подтвердили справедливость словъ отца.

— «Радъ я», сказалъ государь, «что ошибся въ моемъ заключеніи; но еслибы увѣдалъ, что нѣтъ отъ васъ должнаго почтенія къ отцу, то вы бы ощутили весь гнѣвъ мой».

Въ продолженіе такихъ посѣщеній государь заставалъ иногда семью за обѣдомъ и обыкновенно говаривалъ: «хлѣбъ-соль»; а однажды благоволилъ съ ними и отобѣдать.

107.

Ложный предвѣщатель.

Близъ Троицы, на берегу Невы, стояла старая высокая ольха. Объ ней одинъ крестьянинъ въ Петербургѣ пророчествовалъ, что въ наступающемъ сентябрѣ будетъ столь великое наводненіе, что вода покроетъ это дерево. Разнесшійся объ этомъ слухъ жителямъ новаго города, особенно легкомысленному народу, навелъ страхъ и безпокойство. Многіе дѣлали приготовленія, какъ бы спастись при помянутомъ случаѣ. Иные напередъ уже убѣжали

на близъ лежащія около Петербурга возвышенныя мѣста, какъ-то: въ Павловское, Красное село, Дудергофъ и проч. Какъ скоро такой слухъ дошелъ до государя, онъ сталъ подозрѣвать, что это происходитъ или отъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, недовольныхъ заложеніемъ новаго города, и особенно отъ тѣхъ выдумавъ и разсѣянъ, которые негодовали, что онъ перенесъ столицу въ Петербургъ,—или отъ какихъ-нибудь простыхъ людей, переселенныхъ противъ своей воли изъ старыхъ своихъ жилищъ въ новостроющійся городъ. Петръ, по привязанности своей къ этому городу, былъ очень раздраженъ этимъ слухомъ. Прежде всего велѣлъ онъ срубить ольху, а потомъ стараться объ отысканіи виновника ложнаго и вреднаго слуха. Весьма многіе были о томъ спрашиваемы, и каждой долженъ былъ сказать, отъ кого онъ и что̀ слышалъ. По долгомъ разысканіи нашли, что ложный пророкъ былъ одинъ русской мужикъ, который, какъ и многіе другіе ему подобные, изъ внутри государства въ одну чухонскую деревню былъ переселенъ и не охотно оставался въ этой странѣ. Онъ былъ изобличенъ въ злоумышленномъ разсѣяніи ложнаго слуха. Государь велѣлъ его содержать въ крѣпости подъ карауломъ до исхода сентября, а по прошествіи этого времени, когда наводненія совсѣмъ не было, обпародовать, чтобъ изъ каждаго дома кто-нибудь въ назначенный день и часъ приходилъ на то мѣсто, гдѣ срублена ольха. Тамъ, на сдѣлашномъ довольно возвышенномъ мѣстѣ ложному пророку дали пятьдесятъ ударовъ кнутомъ и при томъ предъ народомъ прочитано убѣдительное увѣщаніе отъ обмана и отъ глупаго и вреднаго суевѣрія.

108.

Первый голландскій корабль въ Петербургѣ.

Въ началѣ ноября 1703 года прибылъ въ С.-Петербургъ первый торговый голландскій корабль, очень порадовавшій государя. Узнавши объ этомъ кораблѣ накануѣ прибытія его въ Кронштадтъ, государь принялъ на себя провести его въ Петербургъ, такъ какъ въ заливѣ, между Петербургомъ и Котлинымъ островомъ

(на которомъ построенъ Кронштадтъ), находятся мели. Онъ нарядился матросомъ, какъ и всѣ на шлюбкѣ его были одѣты, и встрѣтилъ корабль у мелей залива; взошелъ на него и поздравилъ шкипера по голландски съ прибытіемъ его перваго въ заводящійся новый портъ, объявилъ, что присланъ отъ губернатора проводить его до пристани, предупреждая тѣмъ, чтобъ не наѣхать ему гдѣ на мель. Сказавъ это, сѣлъ въ свою шлюбку и велѣлъ шкиперу корабля слѣдовать за собою. Такимъ образомъ счастливо провелъ его къ пристани, сдѣланной на Васильевскомъ острову, у дома губернатора князя Меншикова, въ которомъ ему и всѣмъ матросамъ назначена уже была квартира. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ у пристани, пригласилъ шкипера и всѣхъ матросовъ къ столу; а чтобы они не имѣли заботы о своемъ кораблѣ, то явилась гвардейская команда и объявлено было шкиперу, что она прислана отъ государя, для караула и безопасности корабля. Государь, введя ихъ въ домъ, посадилъ всѣхъ съ собою, хозяиномъ и прочими знатными особами за изготовленный уже къ приходу ихъ столъ. Тогда-то шкиперъ и матросы въ лицѣ провожатаго своего узнали монарха. Можно себѣ представить ихъ изумленіе. Однакожъ они вспомнили, что государь, въ бытность свою у нихъ въ Амстердамѣ, работалъ въ адмиралтействѣ тамошнемъ какъ простой плотникъ, а иногда и матросское исправлялъ званіе; а притомъ, видя ласковое, даже дружеское, съ ними обращеніе, оправились; нѣсколько же выпитыхъ ими кубковъ вина сдѣлали ихъ еще смѣлѣе. Пока они веселились, выгружены были изъ корабля всѣ ихъ товары въ амбары князя и показаны назначенныя имъ для житья комнаты, поколѣ они пробудутъ въ Петербургѣ; наконецъ государь, угостя ихъ до степени охмѣленія, побратовался съ шкиперомъ и, отведя его въ назначенную ему комнату, пожелалъ ему съ его матросами доброй ночи и оставилъ ихъ. Поутру у него опять былъ государь и объявилъ, что все бывшее и оставшееся на кораблѣ, охраняется надежнымъ карауломъ; потребовалъ отъ него реестра груза, который состоялъ изъ разныхъ винъ и испанской соли; онъ далъ позволеніе продавать все безпошлинно по вольной цѣнѣ, а между тѣмъ купилъ, для употребленія двора, знатную часть винъ и соли; рекомендовалъ всѣмъ знатнымъ господамъ послѣдовать его примѣру и въ

короткое время весь товаръ былъ раскупленъ съ знатною прибылью. Когда изготовились они къ отъѣзду, то вторично были угощены за столомъ княжескимъ и государь, присутствовавшій также, подарилъ шкиперу 500 червонныхъ, а каждому матросу—по 300 ефимковъ; при этомъ было сказано, что первому послѣ его торговому же кораблю будетъ такой же пріемъ, и въ награжденіе дается: шкиперу 300 червонныхъ, а матросамъ — по 200 ефимковъ; второму затѣмъ кораблю по соразмѣрности сего же учинено будетъ награжденіе и проч. Наконецъ его величество, не взирая на поздпее время года, выпроводилъ корабль самъ до Кронштадта, обнялъ шкипера и пожелалъ имъ счастливаго пути.

109.

Блины.

Голландскіе и всѣ почти другіе корабельщики, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, обыкновенно были посѣщаемы государемъ на ихъ корабляхъ. Онъ тогда осматривалъ построеніе ихъ, особенно если на какомъ нибудь было что замѣчательное. Не противно ему было, когда корабельщики подчивали его чаркою водки, вина, сыромъ и сухарями, и онъ съ ними разговаривалъ о мореходствѣ, особливо по Балтійскому морю; съ удовольствіемъ слушалъ ихъ опыты и примѣчанія и часто вступалъ съ ними о томъ въ подробный разговоръ. Они имѣли позволеніе являться во дворецъ и смотрѣть безпрепятственно всѣ празднества, и даже часто были тамъ весьма хорошо угощаемы. Все это такъ правилось этимъ людямъ, по ихъ вольному образу жизни, что они съ величайшею охотою пріѣзжали въ Петербургъ, и тогда уже россійскій торгъ въ Санктъ-Петербургѣ былъ весьма въ цвѣтущемъ состояніи. Смѣлость и вольное обхожденіе корабельщиковъ съ государемъ содержали всѣхъ казенныхъ служителей, съ которыми они имѣли дѣло, не въ маломъ страхѣ и способствовали къ скорому отправленію дѣлъ этихъ людей. Если хотя малѣйшее противодѣйствіе случалось мореходцамъ, то они тотчасъ грозили, что будутъ жаловаться его величеству. Извѣстно изъ частыхъ опытовъ, что государь дозволялъ имъ

вольный доступъ и донось по обычаю ихъ земли, и тотчасъ призывалъ къ отвѣту тѣхъ, на кохъ они приносили жалобы. Словомъ сказать, корабельщики, особенно голландскіе, которыхъ тогда было паиболѣе, обходились весьма вольно съ государемъ, который, зная образъ мыслей этихъ людей, не дѣлалъ совершенно имъ никакого принужденія въ ихъ поведеніи. Однажды государь встрѣтилъ въ Лѣтнемъ саду вновь пріѣхавшаго голландскаго корабельщика, который до того времени, когда россійская торговля имѣла главное свое мѣсто въ Архангельскѣ, много разъ туда ѣзжалъ, а въ Петербургъ пріѣхалъ только еще въ другой разъ, — и спросилъ, не лучше ли ему нравится Петербургъ, нежели Архангельскъ, и не такъ ли охотно онъ теперь сюда ѣздитъ, какъ прежде туда?

— Не очень, отвѣтствовалъ корабельщикъ.

Императору показался сей отвѣтъ страннымъ и онъ спросилъ его о причинѣ.

— Ваше величество, говорилъ тотъ, въ Архангельскѣ, лишь только пріѣдешь, тотчасъ найдешь хорошія блины, а здѣсь ихъ нѣтъ.

«Хорошо, другъ», отвѣчалъ государь, смѣясь, «приди завтра съ земляками своими и другими корабельщиками ко мнѣ во дворецъ. Я вамъ покажу, что здѣсь есть также блины, какъ и въ Архангельскѣ».

Возвратясь во дворецъ, государь тотчасъ позвалъ къ себѣ перваго своего повара Фельтена и приказалъ ему заготовить къ завтрешнему дню самыхъ лучшихъ голландскихъ блиновъ и другихъ пріятныхъ для нихъ яствъ, и потомъ вечеромъ на другой день всѣ голландскіе корабельщики приглашены были въ лѣтній дворецъ и въ присутствіи его величества, въ саду, угощены такъ, что они уже на разсвѣтѣ оставили дворецъ.

110.

Русское гостепріимство.

Разъ государь угощалъ въ саду одного голландскаго шкипера и видя, какъ тотъ много и проворно ѣстъ и пьетъ, весело говорилъ деньщикамъ:

— «Этотъ Емеля—все перемелетъ, Фельтенъ подавай ему больше. У насъ всего довольно; пусть ѣстъ и пьетъ безъ платы. Это не въ Амстердамѣ. Шепелевъ *) знаетъ, что я трактирщику заплатилъ въ Немведенѣ (Нимвегенѣ) сто червонцовъ за двѣнадцать яицъ, за сыръ, масло и двѣ бутылки вина» **).

111.

Фельтенъ.

Чтобы оберъ-кухмистеру Ивану Фельтену сдѣлать нѣкоторую выгоду, государь приказывалъ ему часто дѣлать у себя столъ, куда приходилъ съ компаніею, состоящею изъ генераловъ, флотскихъ офицеровъ и министровъ, и просиживалъ до 4-го часа по-полудни, а при отходѣ платилъ, какъ и всякій изъ гостей, по червонцу.

Этотъ поваръ при рожденіи своего сына просилъ его величество быть кумомъ. Монархъ прибылъ въ назначенное время, и по окончаніи крещенія поцѣловалъ родильницу, далъ ей червонецъ, а отцу вручилъ жалованную грамоту, по которой подарена была новорожденному сыну въ Ингерманландіи чухонская деревушка, называемая оганнисгофъ, содержащая шесть домовъ и отстоящая отъ Петербурга въ шестидесяти верстахъ.

---

*) Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ путевымъ маршаломъ. — *Нартовъ.*

**) См. разсказъ 31—«Счетъ голландскаго трактирщика», стр. 54. *Ред.*

112.

Голландское привѣтствіе.

При погребеніи жены голландскаго купца Боршта присутствовалъ и государь; во время страданія ея водяною, опъ своими лекарскими инструментами выпускалъ ей воду. Съ нимъ тутъ находились многіе петербургскіе купцы и голландскіе корабельщики. Всѣ сопровождавшіе умершую, по погребеніи угощаемы были въ семъ плачевномъ домѣ, по тогдашнему обычаю, ужиномъ. Всѣ гости изрядно подпили; когда поданъ былъ бокалъ молодому голландскому корабельщику, то онъ, держа его, думалъ, какимъ бы образомъ сдѣлать государю пристойное привѣтствіе. Воображая себѣ, что выдумалъ и притомъ довольно остроумно, налилъ бокалъ, всталъ, отдалъ крышку съ него своему отцу, старому корабельщику, оборотился къ его императорскому величеству и вскричалъ громко: «да здравствуетъ государь мой, Великій Петръ, и съ супругою свою императрицею!» Отцу показалось это привѣтствіе грубымъ и несладнымъ; взялъ у молодаго корабельщика бокалъ и говоритъ ему: «Какой ты глупецъ! Какъ можно такимъ образомъ говорить; дай, я выпью за здоровье государя, ты этого не смыслишь». Оборотясь къ государю, поклонился и произнесъ привѣтствіе, по мнѣнію своему, прямо по-министерски, преизрядно исправленными словами: «Да здравствуетъ его величество, государь мой, императоръ Петръ, съ превосходительною своею супругою императрицею!» Всѣ тутъ бывшіе едва могли воздержаться отъ смѣха; Петръ же весьма доволенъ былъ этою шуткой, и отвѣчалъ ему благосклонно:

— «Прекрасно! спасибо тебѣ!»

113.

Столкновеніе голландскаго корабля съ русскимъ фрегатомъ.

Голландскій корабельщикъ Даасъ былъ одинъ изъ трехъ, которые, по обращеніи главнѣйшей торговли изъ Архангельска въ Петербургъ, первые съ нагруженными кораблями пріѣхали въ новозаложенную Кронштадтскую гавань, а оттуда въ Петербургъ. Въ третій пріѣздъ этого корабельщика въ Кронштадтъ, когда еще тамъ не была заложена двойная гавань, и когда военные и купеческіе корабли стояли вмѣстѣ, случилось несчастіе, что онъ на ходу своемъ ударился о фрегатъ и въ дребезги изломалъ фаллрипъ (висячую небольшую лѣстницу, по которой всходятъ на бортъ корабля). Командовавшій фрегатомъ капитанъ за эту неосторожность такъ разсердился на корабельщика, что, выругавъ его жестоко, велѣлъ взять подъ караулъ, и въ наказаніе требовалъ отъ него нѣкоторой суммы денегъ. Корабельщикъ хотѣлъ заплатить все, чего будетъ стоить починка фаллрипа; но капитанъ, будучи тѣмъ недоволенъ, поставилъ на кораблѣ голландца нѣсколько солдатъ и матросовъ. Къ счастію его, на другой день пріѣхалъ въ Кронштадтъ императоръ, и Даасъ, не соглашаясь на несправедливое требованіе капитана, немедленно явился къ государю и принесъ жалобу. Петръ тотчасъ сѣлъ на шлюпку и поѣхалъ въ гавань, чтобы самому осмотрѣть причиненный фрегату вредъ, и нашелъ, что тотъ не претерпѣлъ особаго поврежденія, кромѣ сломаннаго на немъ фаллрипа, которой чрезъ нѣсколько часовъ и съ малою издержкою опять могъ быть сдѣланъ. Государь сказалъ капитану:

— «Не стыдно-ли тебѣ поступать такъ несправедливо съ иностранными корабельщиками, которыхъ я самъ такъ ласкаю, чтобы ихъ привлечь въ эту новую гавань. Сію же минуту сведи караулъ съ корабля; начальникъ по всякой справедливости соглашался заплатить, чего будетъ стоить починка фаллрипа; ты же хотѣлъ въ десять разъ болѣе. Слушай, если я еще разъ услышу, что ты такъ поступишь, то я тебя научу наблюдать справедливость. Поди и смотри, чтобъ чрезъ три часа фаллрипъ былъ сдѣланъ».

Потомъ поѣхалъ государь къ различнымъ вновь заложеннымъ

строеніямъ въ Кронштадтѣ, и чрезъ три часа пріѣхалъ опять на корабль, гдѣ онъ нашелъ фаллринъ совершенно сдѣланнымъ, только не былъ еще выкрашенъ. Государь говоритъ капитану:

— «Ты только половину исполнилъ моего повелѣнія; фаллринъ прежній былъ выкрашенъ: берегись, если не хочешь испытать моей немилости, будь впередъ справедливѣе во всѣхъ случаяхъ и поступай со всякимъ чужестраннымъ корабельщикомъ и съ прочими чужестранцами съ дружелюбіемъ и учтивостію».

114.

Голландскій браковщикъ.

По заведеніи въ С.-Петербургѣ адмиралтейства, поставка нужнаго для него количества пеньки возлагалась на города, торговавшіе ею; расположенная часть на городъ Калугу привезена была въ адмиралтейство купцомъ того города Алферовымъ.

Браковщикъ адмиралтейскій, выписанный изъ Голландіи и принятый на службу, замѣтивъ смиренность и робость купца, вздумалъ что-нибудь сорвать съ него, и поэтому забраковалъ привезенную имъ пеньку, угрожая еще и гнѣвомъ государя. Устрашеный купецъ проситъ его сдѣлать милость—не доносить государю, обѣщая отслужить ему; но въ это время государь входитъ въ амбаръ, гдѣ происходила браковка. Бѣдный поставщикъ трепещетъ. Государь узнаетъ все происшедшее, разсматриваетъ самъ пеньку, и взявъ нѣсколько горстей оной между колѣнъ, встряхиваетъ и разнимаетъ ихъ какъ мастеръ; видя ее первой доброты, прогнѣвался на пристрастнаго браковщика, говоря ему:

— «Бездѣльникъ! у васъ нѣтъ такого хорошаго и шелку, какъ эта пенька».

Велѣлъ принять всю пеньку, а браковщика выгнать изъ службы и выслать заграницу.

115.

Пріемъ датскаго посла на кораблѣ.

Въ одно время государь былъ на военномъ кораблѣ и занялся разговоромъ съ капитаномъ корабля, голландцемъ Гослеромъ. Докладываютъ о пріѣздѣ въ Петербургъ датскаго посла, который испрашиваетъ скорой у его величества аудіенціи.

— «Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше», говоритъ государь, «представьте его ко мнѣ сюда теперь же».

Вся церемонія со стороны государя состояла въ томъ, что онъ, предъ прибытіемъ посла на корабль, снялъ свой кортикъ и отдавая его секретарю корабля, Новикову, опоясалъ на себя его шпагу и принялъ посла, стоя у мачты. По отпускѣ же его, государь съ тою же шпагою сошелъ съ корабля, а кортикъ его остался у секретаря, и хранится и понынѣ въ фамиліи Новиковыхъ.

116.

Спускъ корабля.

Въ Ригу прибыли (въ 1714 году) три военные корабля, купленные въ Англіи, и въ Петербургѣ спущенъ былъ одинъ корабль съ стоекъ, при чемъ царь былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и говорилъ много разумныхъ вещей по случаю счастливаго хода его кораблестроенія.

Находясь на бортѣ этого вновь спущеннаго корабля, государь обратился къ сидѣвшимъ около него старымъ боярамъ, которые до-сихъ-поръ мало слѣдовали примѣру присутствовавшихъ тутъ же Русскихъ министровъ и генераловъ и вовсе не цѣнили опытности и познаній, пріобрѣтенныхъ сими послѣдними.

«Кому изъ васъ, братцы мои, хоть бы во снѣ снилось, лѣтъ 30 тому назадъ (такъ началъ онъ), что мы съ вами здѣсь, у Остъ-зейскаго моря, будемъ плотничать, и въ одеждахъ Нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ, воздвигнемъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до

того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышленными; что увидимъ у насъ такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи?»

«Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда (по превратности временъ) они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились-было и по всѣмъ Европейскимъ землямъ; но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а Поляки, равно какъ и всѣ Нѣмцы, пребывали въ такомъ-же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только неномѣрными трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежнія греческія искусства, науки и образъ жизни».

«Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло».

«Указанное выше передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что со временемъ онѣ оставятъ теперешнее свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое — въ Грецію».

«Покамѣстъ совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку: «ora et labora» *) и твердо надѣяться, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени.»

Въ глубокомъ молчаніи выслушали старые бояре своего монарха, и затѣмъ, выразивъ свое согласіе съ нимъ, словами: «да, да, правда!» и, заявивъ ему свое повиновеніе, снова обѣими руками ухватились за то, что составляетъ высшее ихъ благо, т. е. за стаканы съ водкою, и предоставили такимъ образомъ царю разсудить въ глубинѣ его собственныхъ помышленій, насколько успѣлъ онъ

*) Молись и трудись.

Копія съ указа правительствующему сенату,

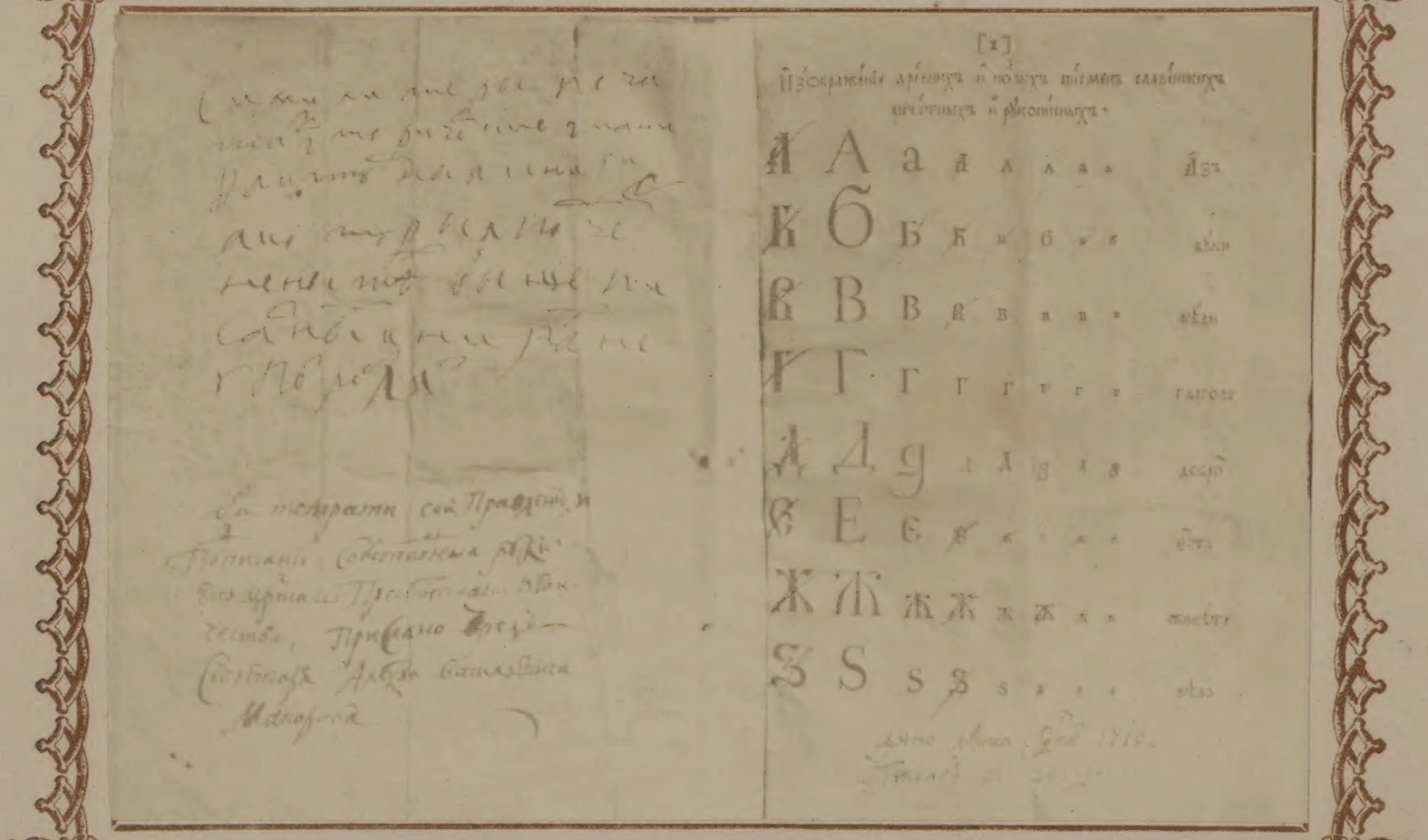
съ поправками,

сдѣланными рукою Императора.

въ ихъ обращеніи и насколько могъ надѣяться достигнуть конечной цѣли своихъ великихъ предпріятій.

Ходячее въ свѣтѣ мнѣніе, будто бы самъ царь обладаетъ множествомъ знаній, совершенно справедливо, и никто, хорошо знающій этого монарха, не станетъ оспаривать, что онъ первѣйшій и разумнѣшій министръ, искуснѣйшій генералъ, офицеръ и солдатъ своего царства, ученѣйшій изъ всѣхъ Русскихъ богословъ и философъ, хорошій историкъ и механикъ, искусный кораблестроитель и еще лучшій мореходъ; но во всѣхъ этихъ знаніяхъ имѣетъ онъ очень лѣнивыхъ и изъ-подъ палки дѣйствующихъ учениковъ. Военную часть поставилъ онъ на такую превосходную ногу и своихъ солдатъ (въ особенности пѣхоту) довелъ до такой славы, что они не уступятъ никакимъ другимъ въ свѣтѣ, хотя, впрочемъ, и имѣютъ большой недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ. Однимъ словомъ—тамъ, гдѣ у Русскихъ господствуетъ страхъ и слѣпое повиновеніе, а не разсудокъ, тамъ они будутъ впереди другихъ народовъ, и если царь продержитъ еще скипетръ свой только 20 лѣтъ, то онъ уведетъ страну свою, именно вслѣдствіе сказаннаго повиновенія, такъ далеко, какъ ни одинъ другой монархъ въ своемъ государствѣ *).

*) Записки Вебера—«Das Veränderte Russland» (Преобразованная Россія).



Гражданская азбука съ поправками сдѣланными рукою Петра Великаго.